

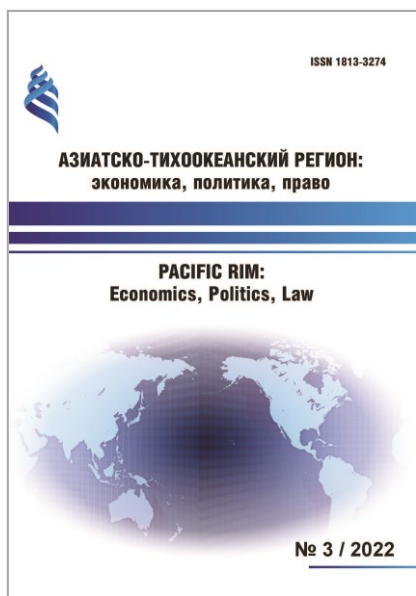
АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН: экономика, политика, право

Aziatsko-Tihookeanskij region. Èkonomika, politika, pravo

Научный журнал

Учредитель и издатель:

Основан в 1999 году
Выходит 4 раза в год

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10

- Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство ПИ № ФС 77-65746 от 20.05.2016
- Подписной индекс 83612
- Журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук.
- Журнал индексируется в базах данных РИНЦ, «Киберленинка», Google Scholar, Publons, Ulrich

Отпечатано в типографии
Издательства Дальневосточного
федерального университета
690091, г. Владивосток,
ул. Пушкинская, 10

Подписано в печать 28.10.2022.
Тираж 500 экз. Заказ 300.
Дата выхода в свет 02.11.2022.
Цена свободная.

Адрес редакции:

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10,
кампус ДВФУ, корп. А(24), к. А920–923
Тел.: +7 (423) 265-24-24 (* 2494)

Редактор *Т. Л. Федотова*

Перевод на английский язык *Н. В. Бетанкурт*

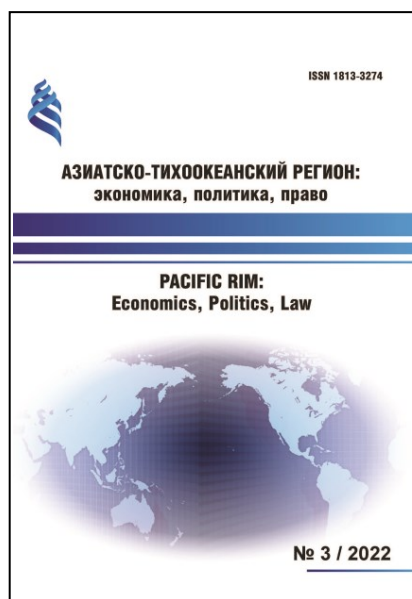
Редактор References *Т. В. Поликарпова*

Компьютерная верстка *С. А. Прудкогляд*

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law

Research Journal

*The Journal was established in 1999
Published 4 times a year*

Printed in a typography
Far East Publishing House
Federal University
690091, Vladivostok,
st. Pushkinskaya, 10

Signed for publication 28.10.2022.
The circulation is 500 copies. Order 300.
Release date 02.11.2022.
The price is free.

© FEFU, 2022

Founder and publisher:

690922, Vladivostok, Russky Island, 10 Ajax Bay

- The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor), certificate ПИ No. FS 77-65746 dated 20.05.2016
- Index 83612
- The Journal has been recommended by the Higher Certification Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of major results of Candidate and Doctoral Dissertations.
- The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index, Cyberleninka, Google Scholar, Publons, Ulrich

Editorial office address:

690922, Vladivostok, Russky Island, 10 Ajax Bay,
FEFU Campus, Building A (24), office A920–923
Phone: +7 (423) 265-24-24 (*2494)

Editor *T. L. Fedotova*

Translation into English by *N.V. Betancourt*

References editor *T. V. Polikarpova*

Computer layout *S. A. Prudkoglyad*

Председатель редакционного совета журнала

КНЯЗЕВ Сергей Дмитриевич   судья Конституционного Суда Российской Федерации, профессор кафедры административного права Юридического факультета СПбГУ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

Главный редактор журнала

КОРОБЕЕВ Александр Иванович   заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Владивосток, Россия

Заместители главного редактора

ГАВРИЛОВ Вячеслав Вячеславович   доктор юридических наук, доцент, директор Юридической школы, заведующий кафедрой международного публичного и частного права Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия

КУЗНЕЦОВА Наталия Викторовна   профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, Владивосток, Россия

МАМЫЧЕВ Алексей Юрьевич   профессор кафедры теории и истории государства и права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, доцент, Владивосток, Россия

Ответственный секретарь

КОРОЧЕНЦЕВ Владимир Владимирович   заведующий кафедрой общей и экспериментальной химии Школы естественных наук Дальневосточного федерального университета, кандидат химических наук, доцент, Владивосток, Россия

Редакционный совет журнала

- БАКЛАНОВ
Пётр
Яковлевич** академик Российской академии наук, научный руководитель Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения Российской академии наук, доктор географических наук, Владивосток, Россия
- БЕЛКИН
Виктор
Григорьевич** советник директора Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Владивосток, Россия
- ВАНДЕРХЗВААГ
Дэвид** директор Института морского и экологического права, Юридическая школа им. Шулиха, Университет Дэлхаузи, PhD, профессор, Галифакс, Новая Шотландия, Канада
- ВОЛЫНЧУК
Андрей
Борисович** ведущий научный сотрудник Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, доктор политических наук, доцент, Владивосток, Россия
- КАПУСТИН
Анатолий
Яковлевич** научный руководитель Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, президент Российской ассоциации международного права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Москва, Россия
- КОШЕЛЬ
Алексей
Сергеевич** проректор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат политических наук, доктор юридических наук, доцент, Москва, Россия
- КУРИЛОВ
Владимир
Иванович** член международного экспертного совета при Верховном Суде Китайской Народной Республики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Владивосток, Россия
- ЛИ
Ик Хён** вице-президент Университета Моквон, Республика Корея
- ПАК
Ноенг** профессор права Юридической школы Университета Корё, директор Центра киберправа Университета Корё, президент Центра международных исследований киберправа в Корее, Сеул, Республика Корея, почётный доктор Юридической школы Дальневосточного федерального университета
- ПАНОВА
Инна
Викторовна** профессор департамента публичных дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», судья Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке, доктор юридических наук, профессор, Москва, Россия
- РОГОВ
Игорь
Иванович** заместитель исполнительного директора Фонда первого президента Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель Республики Казахстан, Астана, Республика Казахстан

СЕВАСТЬЯНОВ Сергей Витальевич	профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доцент, доктор политических наук, Владивосток, Россия
ТРЕТЬЯК Ольга Анатольевна	заведующая кафедрой стратегического маркетинга факультета бизнеса и менеджмента Школы бизнеса и делового администрирования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор экономических наук, профессор, Москва, Россия
ФУ Куенчен	профессор Юридического института «Кайюань» Шанхайского транспортного университета, Шанхай, Китайская Народная Республика
ХУАН Даосю	председатель Научно-исследовательского центра по изучению российского права, профессор, Пекин, Китайская Народная Республика
<i>Редакционная коллегия журнала</i>	
АРАНОВСКИЙ Константин Викторович	судья Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
ВОТИНЦЕВА Людмила Ивановна	член-корреспондент Российской академии естественных наук, профессор кафедры современного банковского дела Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, Владивосток, Россия
ЖАРИКОВ Евгений Прокофьевич	профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, Владивосток, Россия
КОРОТКИХ Наталья Николаевна	профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Россия
НОМОКОНОВ Виталий Анатольевич	профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Россия
ПЕСЦОВ Сергей Константинович	профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, профессор, Владивосток, Россия

Chairman of Editorial Council

Sergey D. Knyazev Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Professor of Department of Administrative Law, Faculty of Law, Saint Petersburg State University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia

Editor-in-Chief

Alexander I. Korobeev Chair of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Vladivostok, Russia

Deputy of Editor-in-Chief

Vyacheslav V. Gavrilov Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Law School, Chair of Department of International Public and Private Law of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Natalia V. Kuznetsova Professor of Department of World Economy, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia

Alexey Yu. Mamychyev Professor of Department of Theory and History of State and Law, School Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russia

Assistant editor

Vladimir V. Korochoentsev Chair of Department of General and Experimental Chemistry, School of Natural Sciences, Far Eastern Federal University, Candidate of Sciences (Chemistry), Associate Professor, Vladivostok, Russia

Members of Editorial Council

Petr Ya. Baklanov Academician of Russian Academy of Sciences, scientific director of Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of RAS, Doctor of Geographical Sciences, Vladivostok, Russia

Victor G. Belkin Advisor to the Director of School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia

David VanderZwaag Director of Institute of Marine and Environmental Law, Schulich School of Law, Dalhousie University, PhD, Professor, Halifax, Nova Scotia, Canada

Andrey B. Volynchuk Leading Researcher, Center for Global and Regional Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Political Science, Associate Professor, Vladivostok, Russia

Anatoly Ya. Kapustin Scientific Director of the Institute of Legislation and Comparative Law Research under the Government of the Russian Federation, President of Russian Association of International Law, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, Russia

- Alexey S. Koshel** Vice Rector of the National Research University "Higher School of Economics", Doctor of Law, Associate Professor, Moscow, Russia
- Vladimir I. Kurilov** Member of International Expert Committee within the Supreme Court of People's Republic of China, Honored Educationalist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
- Ik Hyeon Rhee** Vice President, Mokwon University, the Republic of Korea
- Park Nohyoung** Professor of Law of Korea University, Director of Cyber Law Center, Korea University, President of Center for International Cyber Law Studies in Korea, Seoul, Republic of Korea, Honorary Doctor of the Law School, Far Eastern Federal University
- Inna V. Panova** Professor of Department of Public Disciplines, Faculty of Law, National Research University, Higher School of Economics, Retired Judge of Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, Russia
- Igor I. Rogov** Deputy of Executive Director, Foundation of the First President of Kazakhstan, Doctor of Law, Professor, Honored Researcher of the Republic of Kazakhstan, Astana, the Republic of Kazakhstan
- Sergey V. Sevastyanov** Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russia
- Olga A. Tretyak** Head of the Department of Strategic Marketing, Faculty of Business and Management, School of Business and Business Administration, National Research University Higher School of Economics, Doctor of Economics, Professor, Moscow, Russia
- Fu Kuen-chen** Professor, Ko Guan Law Institute of Shanghai Jiao Tong University, Shanghai, People's Republic of China
- Huang Daoxiu** Chairman of the Research Centre for the Study of Russian Law, Beijing, Professor, People's Republic of China

Members of Editorial board

- Konstantin V. Aranovsky** Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia
- Lyudmila I. Votintseva** Professor of Department of Modern Banking, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Honored Educationalist, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia
- Evgeny P. Zharikov** Professor of Department of World Economy, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Professor, Vladivostok, Russia
- Natalia N. Korotkikh** Professor of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
- Vitaly A. Nomokonov** Professor of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
- Sergey K. Pestsov** Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Professor, Vladivostok, Russia

Содержание

К читателям журнала 11

ЭКОНОМИКА

Чи Цзиминь, Золотых Л. Г., Тан Хаосян. Десять векторов инновационного развития валютно-финансовой системы (по материалам книги: Ван Юнли. Выбор Китая в колоссальных переменах мировой финансовой системы).....15

Фу Цзяо. Осмысление практики преподавания делового русского языка в контексте трансграничной электронной коммерции (на примере трансграничной электронной торговли сельскохозяйственной продукцией).....31

Монгуш С. П., Кылдыдай А. Ч. Индивидуальные программы социально-экономического развития проблемных регионов Российской Федерации 45

ПОЛИТИКА

Козинец А. И., Дмитриева М. О. Меняющийся баланс сил в Евразии и перспективы российско-китайского сотрудничества 73

Магомедов Р. М. Социально-политическая целостность: поиск доктринальных оснований.....89

ПРАВО

Березина Е. А. Автономные автомобильные транспортные средства: правовой опыт Сингапура, Китая и Южной Кореи 100

Сизо З. М. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния, и пандемия Covid-19 124

Аракелян А. А. Специфика оценочных понятий в обязательственном праве 140

Голубев С. И. Порча земли, нарушение правил охраны и использования недр.....150

Конорезов Н. А. Проблемы квалификации понуждения несовершеннолетнего лица к действиям сексуального характера 164

Чучаев А. И., Коробеев А. И. Уголовный кодекс Китая: сплав правовой мысли и национальной специфики. Часть 2.....172

Contents

To the Readers.....	11
---------------------	----

ECONOMICS

<i>Chi Jimin, Zolotykh L. G., Tang Haoxiang.</i> Ten vectors of innovative development of the monetary and financial system (based on book: Wang Yunli. China's Choices in the Global Financial Turbulence).....	15
<i>Fu Jiao.</i> Reflection of business Russian teaching practice in the context of cross-border e-commerce (taking cross-border e-commerce of agricultural products as an example)	31
<i>Mongush S. P., Kylgyday A. C.</i> Individual programs of socio-economic development of problem regions in the Russian Federation	45

POLITICS

<i>Kozinets A. I., Dmitrieva M. O.</i> The changing balance of power in Eurasia and prospects for Russian-Chinese cooperation.....	73
<i>Magomedov R. M.</i> Socio-political integrity: search for doctrinal bases.....	89

LAW

<i>Berezina E. A.</i> Autonomous automobile vehicles: legal experience of Singapore, China and South Korea.....	100
<i>Sizo Z. M.</i> Circumstances precluding criminal acts and the COVID-19 pandemic.....	124
<i>Arakelyan A. A.</i> The role of evaluative concepts in the law of obligations.....	140
<i>Golubev S. I.</i> Land damage, violation of the rules of protection and use of subsoil .	150
<i>Konorezov N. A.</i> Problems in assessing the coercion of a minor to acts of a sexual nature	164
<i>Chuchaev A. I., Korobeev A. I.</i> The criminal code of China: fusion of legal thought and national specificity. Part 2.....	172

К читателям журнала

Издаваемый Дальневосточным федеральным университетом с 1999 года журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» является рецензируемым научным журналом и публикует материалы, связанные с научным осмыслением динамичного развития Азиатско-Тихоокеанского региона как российскими, так и зарубежными авторами.

Цель журнала – нести знания и информацию, предоставляя возможность российским и зарубежным учёным, представителям органов власти и крупного бизнеса, непосредственно участвующим в политической и социально-экономической жизни региона, высказывать собственные мнения и суждения относительно проблем развития АТР и Дальнего Востока России.

Материалы журнала адресуются руководителям организаций, учёным, преподавателям и студентам. В журнале глубоко и профессионально освещаются проблемы в экономической, политической и правовой сферах через их интерпретацию в практической плоскости.

Журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» имеет широкий охват как по авторам публикаций, привлекая исследователей из большого количества регионов Российской Федерации и стран Азиатско-Тихоокеанского региона, так и по членам Редакционной коллегии и Редакционного совета, в которых представлены ведущие университеты России и мира.

Журнал в своей публикационной активности также имеет широкий охват предметных областей, что позволяет ему аккумулировать экспертизу по самому широкому спектру научной проблематики развития АТР и Дальнего Востока России.

По состоянию на 23 сентября 2022 года журнал включён в обновленный Перечень ВАК по следующим научным специальностям:

Экономические науки:

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки).

5.2.5. Мировая экономика (экономические науки).

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика.

5.2.4. Финансы.

Политические науки:

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии.

5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики.

5.5.4. Международные отношения.

Юридические науки:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

5.1.5. Международно-правовые науки.

Содержание журнала предполагает размещение следующих типов публикаций:

статьи по экономике, внешнеэкономической деятельности, политике, праву, международному сотрудничеству стран АТР;

архивные материалы и комментарии к ним по истории сотрудничества России со странами АТР, политическим взаимоотношениям;

материалы социологических исследований по важнейшим экономическим, общественно-политическим и правовым вопросам;

справочные законодательные материалы по регулированию национальных экономик, межстрановому взаимодействию в АТР;

материалы сравнительно-правовых исследований особенностей законодательства России и стран АТР по различным отраслям права;

обзоры деятельности региональных организаций;

сообщения, официальная информация по материалам региональных совещаний, конференций, дипломатических встреч.

Помимо указанных проблем в журнале освещаются и иные региональные аспекты развития – демографические, экологические и пр. Учитывая важность затрагиваемых проблем, редколлегия приглашает к сотрудничеству специалистов из разных сфер деятельности, имеющих отношение к тематике журнала, в том числе сотрудников ДВФУ и других вузов России и стран АТР, научных институтов и аналитических центров, специалистов, знающих на практике проблемы АТР и Дальнего Востока России.

Для публикации статьи в журнале необходимо прислать материалы, согласно указанной рубрике, объемом не более 20 страниц текста, оформленные по образцу журнала (и в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7-2021), которые должны включать:

- УДК;
- название статьи – на русском и английском языках;
- Ф.И.О. автора (полностью), место и адрес (город и страна) его работы, учёбы – на русском и английском языках;
- электронный адрес автора (*без слова e-mail*), ORCID и (или) Researcher ID;
- знак охраны авторского права, например: © Семёнов В. И., Рыбаков А. Н., 2022
- аннотацию (200–250 слов), ключевые слова (10–15 слов или словосочетаний) – на русском и английском языках;
- основной текст статьи – на русском языке (текст желательно структурировать);
- список источников (на рус. яз.), оформленный по ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», и References (транслитерация BSI, пер. на англ. яз.) с обязательным указанием общего количества страниц в печатном источнике;
- полные сведения об авторе (после References): учёную степень и учёное звание, должность, место работы (вуз, город, страна) – на русском и англ. яз. соответственно.

Подписи к иллюстративному материалу необходимо приводить на русском и английском языках.

Ссылки оформляют как внутритекстовые, помещают их в квадратные скобки, например: [5] или [5, с. 18].

Авторский оригинал необходимо присылать в электронном виде, шрифт Times New Roman, кегль 14.

Пример оформления статьи приведён на сайте журнала в рубрике «Правила оформления статьи» (<https://journals.dvfu.ru/ATR/guide>).

Надеемся, что журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» сыграет важную роль в обмене опытом между учёными и практиками Дальнего Востока и будет способствовать эффективному решению проблем региона.

Предложения, пожелания, заявки на участие в издательской деятельности журнала и его приобретение направлять по адресу: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, корпус D, проф. А. И. Коробееву. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Информация о журнале в Интернете: journals.dvfu.ru/ATR

Тел.: +7 (423) 265-24-24 (*2494).

To the Readers

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law – is a research journal published by Far Eastern Federal University since the year 1999. This peer-reviewed journal offers science-based insights into the dynamic development of the Asia-Pacific Region (APR) suggested by Russian and foreign authors.

The purpose of the journal is to provide knowledge and information to Russian and foreign researchers, authorities and business people who are directly involved in the political, social and economic life of the region, and give them an opportunity to express their own views and opinions on the problems of APR and Russian Far East (RFE) development.

Materials of the Journal are addressed to the heads of companies, researchers, teachers and students. The Journal provides for a deep and professional insight into the economic, political and legal issues based on their practical interpretation.

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law includes a wide range of articles by researchers from many regions of the Russian Federation and countries of the Asia-Pacific Region. Among the members of the Editorial Board of the Journal there are representatives of the leading Russian and foreign universities.

The Journal also covers a wide range of academic areas that allows accumulating the knowledge and expertise on various challenges of APR and RFE development.

As of September 23, 2022 the journal is included in the updated list of VAK (Higher Attestation Commission) of the following academic specialties:

Economic Sciences:

5.2.1. Economic Theory (Economic Sciences).

5.2.5. World Economy (Economic Sciences).

5.2.3. Regional and Branch Economics.

5.2.4. Finance.

Political Sciences:

5.5.2 Political Institutions, Processes, Technologies.

5.5.3. Public Administration and Sectoral Policies.

5.5.4. International Relations.

Legal sciences:

5.1.1 Theoretical and Historical Legal Sciences.

5.1.2 Public Law Sciences.

5.1.3 Private (Civil) Law Sciences.

5.1.4 Criminal Law Sciences.

5.1.5 International Legal Sciences.

The Journal accepts for publication the following types of works:

– articles on the economy, foreign economic activity, politics, law, international cooperation of the APR countries;

– archive materials and comments on the history of cooperation between Russia and APR countries, as well as their political relations;

– sociological research materials on the most relevant economic, social, political and legislative questions;

– legislative reference materials on regulating national economies, inter-country cooperation in the APR;

– materials of comparative legal studies of legislations in Russia and APR countries on different areas of law;

– reviews of the work of regional organizations;

– messages and official information on the materials of regional meetings, conferences and diplomatic events.

In addition to the abovementioned questions, the Journal also covers other aspects of regional development, such as demography, environment, etc. Given the significance of the questions discussed in the Journal, the Editorial Board is looking to cooperate with experts working in different areas included into the Journal's agenda. Among them there are researchers from FEFU and other Russian and APR universities, employees of research facilities and analytical organizations, and any professionals who have expertise in the challenges faced by APR and RFE.

To publish an article in the journal, it is necessary to send materials, according to the specified heading, no more than 20 pages of text, designed according to the model of the journal, which should include:

- UDC;
- title of the article – in English and Russian;
- full name of the author, place and address (city and country) of his work or study – in English and Russian;
- the author's email address (without the word e-mail), ORCID and (or) Researcher ID;
- copyright protection mark, for example: © Semenov V. I., Rybakov A. N., 2022;
- abstract (200–250 words), keywords (10–15 words or word combinations) – in English and Russian;
- main text of the article (it is desirable to structure the text);
- References (BSI transliteration) with the obligatory indication of the total number of pages in the printed source;
- full information about the author (after References): academic degree and academic title, position, place of work (institution, city, country) – in English and Russian, respectively.

Links should be placed in square brackets, for example: [5] or [5, p. 18].

The author's original must be sent in electronic form, Times New Roman font, size 14.

A sample design of the article should be seen on the website of the journal in the rubric “The article design rules” (<https://journals.dvfu.ru/ATR/guide>).

We hope that the journal the PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law will play an important role in experience exchange between the scientists and experts of the Far East and will promote effective solution of the problems of the region.

Proposals, applications for participation in publishing the journal and its acquisition should be directed to: 10, Ajax Bay, building D, Russky Island, Vladivostok, Primorsky Territory, 690922, RUS-SIA, prof. A. I. Korobeev. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Use the following internet link to access the journal's website: journals.dvfu.ru/ATR

Tel.: +7 (423) 265-24-24 (*2494).

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 3. С. 15–30.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 3. P. 15–30.

ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 339.7(0)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/15-30>

ДЕСЯТЬ ВЕКТОРОВ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ВАЛЮТНО-ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ (по материалам книги: Ван Юнли. Выбор Китая в колоссальных переменах мировой финансовой системы)

Чи Цзиминь¹, Лидия Глебовна Золотых², Тан Хаосян³

^{1,2}Сычуаньский университет, 610065, Китай, г. Чэнду, ул. Ванцзянлу, 29

³Королевский Университет, ON, K7L 2P3, Канада, г. Кингстон, Гудс Холл, Юнион стрит, 143

¹chijm@scu.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0001-7810-0296>

²zolotyhlg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1425-5405>

³haoxiang.tang@queensu.ca, <https://orcid.org/0000-0003-1561-5190>

Аннотация. Данная статья подготовлена на материале информативного перевода с китайского языка книги Вана Юнли «Выбор Китая в колоссальных переменах мировой финансовой системы», выполненного Чи Цзиминь. Впервые российскому научному сообществу представляются в русскоязычной версии основные концепции китайского учёного как результат изучения актуальных проблем валютно-финансовой сферы в контексте основных систем экономического и социального развития, в контексте глобализации и столетней истории. Исследуя изменения международной валютно-финансовой системы на фоне глубоких перемен в структуре мировой системы и тесно связывая теорию и практику, автор книги фокусирует внимание на стратегической цели китайских финансов: лидировать в мире по совокупной мощи и международному влиянию. Одним из основных аспектов книги Вана Юнли является анализ ключевых вопросов и направлений реформы международной валютно-финансовой системы. Значительные перемены в мире стали определяющими факторами инновационных взглядов автора на финансовую теорию. Рассматривается широкий круг вопросов: от фун-

даментальных теоретических вопросов до актуальных тем, выделяются такие современные значимые темы, как Интернет-финансы, цифровая валюта, блокчейн и другие. Дается доступное объяснение профессиональным валютно-финансовым понятиям и ряду новых взглядов, которые отличаются от традиционных учебников. На основе изучения сущности, логики и законов валютно-финансового развития формируются четыре взаимосвязанные части, посвящённые 1) происхождению и эволюции материальной валюты; 2) эволюции валюты: от материальной к нематериальной; 3) китайским валютным финансам на фоне реформ и открытости; 4) будущему развитию валютных финансов.

Ключевые слова: валютно-финансовая система, материальная валюта, нематериальная валюта, валютные финансы, валюта кредита, клиринг, международная валютно-финансовая система, китайские валютные финансы, денежная масса, эмиссия базовой валюты, валютные резервы, криптовалюта, биткоин, блокчейн, интернет-финансы.

Финансирование: Работа выполнена в рамках государственного задания (Проект «Исследование механизма распространения сычуаньской культуры в России» – SC22BS005).

Для цитирования: Чи Цзиминь, Золотых Л. Г., Тан Хаосян. Десять векторов инновационного развития валютно-финансовой системы (по материалам книги: Ван Юнли. Выбор Китая в колоссальных переменах мировой финансовой системы) // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 3. С. 15–30. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/15-30>

ECONOMICS

Original article

TEN VECTORS OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE MONETARY AND FINANCIAL SYSTEM

(based on book: Wang Yunli. *China's Choices in the Global Financial Turbulence*)

Chi Jimin¹, Lidiya G. Zolotykh², Tang Haoxiang³

¹, ²Sichuan University, China, 29 Vangqianqiu St, Chendy, 610065

³Queen's University, Goodes Hall, 143 Union St, Kingston, ON, K7L 2P3, Canada

¹chijm@scu.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0001-7810-0296>

²zolotyhlg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1425-5405>

³haoxiang.tang@queensu.ca, <https://orcid.org/0000-0003-1561-5190>

Abstract. The article presents Chi Jimin's informative translation from Chinese of Wang Yongli's book "China's Choice in the Global Financial Turbulence". For the first time the Russian language version suggests the main concepts of the Chinese scientist. The main systems of economic and social development, globalization and a centenary history have become the context of the actual problems of monetary and financial sphere studies. The author explores the changes in the international monetary and financial system against the backdrop of profound changes in the structure of the world system and closely links theory and practice. Leading the world in in terms of the aggregate power and international influence is a strategic goal of Chinese finance. The main aspects of Wang Yongli's book focus on the analysis of key issues and directions of the international monetary and financial system reform. Significant changes in the world have become the determining factors of the author's innovative views on financial theory. An accessible explanation of professional monetary and financial concepts and a number of new perspectives are different from traditional textbooks. The study of the essence, logic and laws of monetary and financial development allowed the author to identify four interrelated parts such as the origin and evolution of tangible currency; the evolution of currency from tangible to intangible; Chinese monetary finance against the background of reform and openness; the future development of monetary finance.

Keywords: monetary and financial system, tangible currency, intangible currency, currency finance, currency loan, clearing, international monetary and financial system, Chinese currency finance, money supply, issue of base currency, currency reserves, cryptocurrency, bitcoin, blockchain, Internet finance.

Financial support: The work was carried out within the framework of the state task (project "Study of the mechanism of Sichuan culture in Russia" – SC22BS005).

Financial support: The work was carried out within the framework of the state task (project “Study of the mechanism of Sichuan culture in Russia” – SC22BS005).

For citing: Chi Jimin, Zolotykh L. G., Tang Haoxiang. Ten vectors of innovative development of the monetary and financial system (based on book: Wang Yunli. China's Choices in the Global Financial Turbulence) // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no 3. P. 15–30. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/15-30>

Введение. Глубокие и устойчивые китайско-российские отношения ориентируют на взаимное продвижение культурных и научных знаний, что способствует познанию как традиционных ментальных особенностей дружественного народа, определяющих его мировоззрение, так и инновационных концепций, объясняющих систему развития государства. Данная работа представляет материалы информативного перевода с китайского языка книги Вана Юнли «Выбор Китая в колоссальных переменных мировой финансовой системы» [1], выполненного Чи Цзиминь – одним из авторов статьи. В 2019 г. эта книга была включена Государственным кабинетом по философии и общественным наукам КНР в список проекта «Перевод китайских научных произведений за рубежом». Впервые в русскоязычной версии предлагаются практикам и исследователям, занимающимся валютно-финансовыми вопросами, основные концепции китайского учёного как результат изучения актуальных проблем валютно-финансовой сферы в контексте основных систем экономического и социального развития, в контексте глобализации и столетней истории.

Внешнеэкономическая стратегия Китая характеризуется с позиции сохранения «высокой степени открытости китайской экономики», усиления «зависимости многих стран мира от поставок из КНР» [2, с. 100], достижений в области информационных технологий для предотвращения финансовых рисков [3]. Отмечается лидирующая позиция Китая среди крупнейших обладателей валютных резервов, подчёркивается значимость юаня как резервной мировой валюты [4, 5]. Аналитиками инвестиционного банка Morgan Stanley прогнозируется к 2030 г. варьирование доли «китайского юаня в мировых валютных резервах <...> в пределах 5–10%» и место «третьей по величине мировой резервной валюты после доллара и евро» [6]. Умеренность стратегии постепенного входа в процесс финансовой глобализации после реформирования своей финансовой системы привела Китай не только к положительным результатам, но и определила его стремление «к политическому и экономическому лидерству, <...> стать равным странам, которые играют важную роль в мировом пространстве» [5, с. 202].

Ван Юнли, доктор экономических наук, был исполнительным директором Комитета политики рисков Совета директоров и заместителем директора Банка Китая (Bank Of China). Он занимал должность первого директора SWIFT в континенталь-

ном Китае, вице-председателя China International Futures Co., Ltd. Ван Юнли является автором нескольких десятков книг и статей, где отразились его глубокие теоретические знания и богатый практический опыт в области денежных финансов, финансового учёта, управления рисками, валютных резервов, интернационализации юаня, фьючерсов и деривативов, системы финансового регулирования, интернет-финансов, цифровых монет и блокчейна и т. п. В Китае отмечается популярность многих монографий Вана Юнли: «Панорамный взгляд на финансовый кризис» (Китайское финансовое издательство, 2009), «Новое мышление о финансах, новое развитие банков» (Китайское финансовое издательство, 2012), «Через кризис: выбор Китая в условиях резких перемен в мире» (China Citic Press, 2018); статей: «Новые идеи ускорения инновационного развития интернет-финансов в Китае» (New Finance Review, 2015), «Позиционирование и изменение цифрового юаня» (Tsinghua Financial Review, 2021), «Международные платёжные клиринговые системы и их роль в финансовых санкциях» (China Forex, 2022) и другие научные труды.

В книге «Выбор Китая в колоссальных переменах мировой финансовой системы» через краткий обзор процесса эволюции валютно-финансовой системы автор концентрирует внимание на логике и законах её развития и изменения, на устранении заблуждений и отклонений, на предотвращении парадоксальных или отклоняющихся от фактов взглядов. Сосредоточиваясь на характеристиках и требованиях международной и внутренней макроэкономической ситуации, этапах развития валюты, исследуя природу и логику эволюции валютно-финансовой системы, стратегии развития валютно-финансовой системы Китая в новую эпоху, а также будущие направления валютной системы, Ван Юнли предлагает **10 векторов наблюдения**, в том числе ряд инновационных взглядов.

1. Выделение концепций «материальной» и «нематериальной» валюты. Этапы развития валюты традиционно выделяются как период физической валюты, период законной металлической валюты, период банкноты металлического стандарта, период валюты кредита после отмены металлического стандарта и т. д. Автор выделяет всего 2 этапа: материальная валюта и нематериальная валюта.

Материальная валюта означает валюту, которая имеет определённую физическую форму, в том числе физическую валюту, законную металлическую валюту, банкноты и т. д., и может быть использована непосредственно для оплаты. Нематериальная валюта означает безналичные цифровые валюты, которые не имеют физической формы, а существуют только как информационный носитель. Они выражаются в сумме денег, оплачиваются переводом и клирингом как банковские депозиты, электронная валюта, цифровая валюта и др.

Эволюция форм валюты и переход от материальной валюты к нематериальной обусловлены объективными требованиями и неизбежными тенденциями повышения их эффективности, снижения затрат и строгого мониторинга. Прогресс информаци-

онных технологий ускоряет такой переход. Операции с нематериальной валютой созданы на основе системы клиринга, а информационные носители, информационные каналы, образы клиринга все ещё находятся в процессе изменения. Процесс перехода от материальной валюты к нематериальной валюте выдержал глубокую трансформацию, но недостаточная и не всегда точная информация об этом привела к отклонениям и даже серьёзным ошибкам в валютно-финансовой практике.

В книге «Выбор Китая в колоссальных переменах мировой финансовой системы» рассматриваются причины изменения денежной формы и её влияние на валютно-финансовые операции, раскрываются тайны изменения валютных финансов, их основная логика и основные законы, а также проводится анализ актуальных вопросов в авторской интерпретации.

2. Эпохальное влияние клиринга на валютные финансы. Метод расчёта является очень важной частью валютно-финансовых операций. Переход от наличного расчёта к безналичному клирингу оказывает чрезвычайно глубокое влияние на формы валют и комплекс финансовых операций. Однако по разным причинам влияние клиринга на валютные финансы недооценили и нечётко осознали в мире.

Автор придаёт большое значение взаимосвязи метода расчёта и валютных финансов. Более 10 лет назад в валютно-финансовом кругу им впервые была выдвинута точка зрения на переход от наличных расчётов к клирингу как чрезвычайно важный поворот в истории валютно-финансового развития. Произошли эпохальные перемены в этой сфере, которые утвердили функции клиринга.

1. Клиринг способствует конвертации валюты из материальной в нематериальную.

2. Клиринг способствует изменению потока валют: от потока денежных средств к потоку денежной собственности.

3. Клиринг способствует превращению денег в капитал, а затем подталкивает финансы к ещё большему отдалению от реальной экономики: к формированию «виртуальной экономики», которая действует и развивается независимо.

Клиринг и валютные финансы неразрывно связаны между собой: финансы – это сердце современной экономики и центр распределения ресурсов, валюта – это душа и ядро финансов, а клиринг – это кровь и меридиан валютных финансов. Точное понимание принципов клиринга имеет очень актуальное значение для точного понимания валютно-финансовых проблем, особенно для управления валютными резервами и интернационализации юаня.

Основываясь на приведённых выше факторах, автор предлагает ряд новых концепций и суждений.

- Выделены три основных этапа финансового развития: валютные финансы, капитальные финансы и транзакционные финансы.

- Подчёркивается, что трансграничное движение денег на самом деле является потоком денежной собственности, а не потоком наличных денег.

- Валютные резервы могут быть только использованы, но не могут быть возвращены. В глобальном масштабе существует механизм «валютные резервы увеличивают ликвидность». Это объясняет многие недоразумения в отношении управления валютными резервами.

- Клиринг помогает смягчению валютных дисбалансов, возникающих в результате торговых дисбалансов, и устранению возможных международных противоречий.

- Когда подчёркивается, что юань должен выходить за границу, то имеется в виду клиринг, а не наличные деньги. Поэтому глобальный клиринговый и торговый центр юаня должен быть расположен в Китае, а не в оффшоре.

- Необходимо ускорить строительство китайского международного финансового центра, а также активно содействовать использованию юаня в сделках и клиринге массовых товаров и финансовых операций для эффективного продвижения интернационализации юаня и усиления международного влияния китайских валютных финансов.

3. Развитие валютных финансов коренится в социальных институтах и культурных основах. Развитие валютных финансов неотделимо от потребностей экономического и социального развития, от базовых институтов экономического общества и культурной основы.

После того как Цинь Шихуан добился объединения страны и способствовал созданию единой лексической системы, систем весов и валюты для удовлетворения большого количества денежных потребностей Центрального правительства Китая, наиболее удобным способом стало введение налогов или увеличение эмиссии денег. В результате этого в Китае сформировалась относительно развитая денежная система, и уже в XII веке Китай первым в мире выпустил банкноты. Однако процесс создания таких финансовых продуктов и систем, как акции, облигации и биржи, которые обеспечивают права и обязательства, серьёзно отставал. А в Европе существовало (и существует) много стран, независимых друг от друга, но имеющих тесные торговые отношения. Когда стране требуется большое количество денег, трудно решить эту проблему путём увеличения выпуска металлических денег – можно только путём общественного финансирования, в том числе займов у других стран. Для этого устанавливаются взаимные права и обязанности, и как следствие – происходит появление акций, облигаций, аннуитетов, а также их производных инструментов и сделок. Таким образом, Европа первой вступила в этап современного финансового развития.

Очевидно, что на развитие валютно-финансовых систем и институтов оказывают глубокое влияние экономические и социально-культурные системы. Валютно-

финансовая система является важной частью экономической и социальной системы. Если слепо копировать финансовые системы других стран без учёта социально-экономической системы и культурных традиций или полностью отказаться от автономного контроля над валютными финансами, то появятся новые социальные противоречия и скрытые опасности.

По этой причине, чтобы объяснить тайну больших изменений в валютно-финансовой сфере после реформ и открытости Китая, необходимо тесно связать эти изменения с политикой реформ и открытости. Без учёта этого фона невозможно выяснить причины. Чтобы понять будущее направление развития и стратегические требования финансов Китая, мы также должны точно понять стратегию развития страны в целом и внимательно следовать ей.

4. Сущность валюты, логика и законы её развития. От материальных денег до нематериальных денег их форма и способ действия постоянно меняются, но сущность валюты и фундаментальная логика её эволюции остаются неизменными.

Становится всё более очевидно, что валюта может выполнять множество функций, но самой фундаментальной её функцией является «шкала стоимости». Чтобы в полной мере выполнять эту функцию, необходимо стремиться к сохранению относительной стабильности валютной ценности, иначе будет нанесён тяжёлый удар по функционированию валюты в целом, стабильности финансовой экономики, и даже стабильности социального развития. Для поддержания стабильности валютной ценности теоретически необходимо обеспечить соответствие общей суммы денег в стране общему размеру монетизируемого общественного богатства, охраняемого законом в рамках суверенитета страны. Для этого в качестве посреднической цели может быть использована относительная стабильность общего индекса социальных цен. Таким образом, инфляция (индекс волатильности) становится промежуточной целью валютной политики во всём мире.

Из-за ограниченных природных запасов и возможностей их добычи и переработки в некоторых странах, использование природных ресурсов в качестве валюты может привести к серьёзному отклонению денежной массы от реального уровня социально-экономического развития и требования, вызывая значительную инфляцию или дефляцию (резкие колебания денежной стоимости), что не соответствует требованиям развития валюты. Поэтому деньги постепенно отделяются от природных богатств и превращаются в ценностный аналог общественного богатства, которым можно искусственно управлять. Кроме того, национальная валюта соответствует только социальному богатству, охраняемому законом в рамках суверенитета той же страны, а не социальному богатству других стран. Следовательно, валюта неизбежно поднимается до национальной «суверенной валюты», или «законной валюты».

Поэтому такие природные богатства, как золото и другие, должны были уйти со сцены валюты и стать только аналогом валюты. Играть роль валюты им стало

уже невозможно. Концепцию Хайека – «валюта вне государственности», «сверхсуверенная мировая валюта» – трудно реализовать. Криптовалюта, такая как биткоин и другие, спроектированная по принципу золота, нарушает логику и законы эволюции валют, ей трудно стать реальной валютой.

Следовательно, точное понимание логики и законов развития валюты через различные её формы и методы работы имеет решающее значение для содействия здоровому и эффективному развитию валюты.

5. Развитие валюты кредита требует строгого контроля и ограничений.

Отказавшись от золотого стандарта, валюта стала валютой кредита, общий объём которой можно искусственно регулировать. Валютная политика стала одним из двух основных инструментов макрорегулирования наряду с фискальной политикой. Валютные финансы имеют большое значение и влияние. С одной стороны, это огромный прогресс в развитии валюты, но, с другой стороны, из-за отсутствия ограничений золотого стандарта расширяется пространство искусственного регулирования, что легко вызывает денежный спам с серьёзными негативными последствиями. Поэтому необходимо создать надёжную систему и правила управления денежными средствами. Это включает в себя разделение обязанностей между Центральным Банком и коммерческими банками, защиту независимости Центрального Банка, определение и выполнение промежуточных целей валютной политики, надзор за бизнесом коммерческих банков и финансовые ограничения (как, например, механизм снятия банкротства), а также общий макропруденциальный надзор за валютными финансами.

Надёжная и эффективная система, правила валютного регулирования – важная гарантия финансового качества страны и её международного влияния. Для этого необходимо чёткое понимание путей и способов эмиссии базовой валюты Центральным Банком, чёткое понимание концепции денежного множителя, способов и инструментов его регулирования, следует чётко контролировать предоставление кредита Центральным Банком непосредственно обществу, а также разбить «жёсткое погашение», поддерживаемое Центральным Банком, устранить невидимую защиту коммерческих банков. В этом отношении данная книга представляет немало новых идей, отличающихся от традиционных классических валютных теорий.

6. Раскрытие тайны денежного умножения и финансовой стабильности на фоне реформ и открытости. Общая денежная сумма Китая на конец 2017 г. составила 167,68 трлн юаней, что в 14 раз больше по сравнению с концом 1999 г. и в 1447 раз больше по сравнению с концом 1978 г. Это крайне редкая ситуация в ведущих экономиках мира. К тому же при резком умножении денег финансово-экономическое общество Китая поддерживает относительную стабильность – и это также большое чудо.

В данной книге представлена теория «30-летнего этапа» развития КНР.

С 1949 г. по 1979 г.: от скоростного роста до застоя.

С 1979 г. по 2009 г.: от застоя до второй экономики мира.

С 2009 г. по 2039 г.: вполне возможно, что Китай превзойдёт США и станет крупнейшей экономикой в мире.

С 2039 г. по 2069 г.: Китай сможет стать мировым лидером по совокупной мощи страны и международному влиянию.

Представлена и теория «10-летнего цикла» развития КНР после реформ и открытости.

С 1979 г. по 1989 г. начались реформы и открытость, но в обществе было много споров и противоречий. В конечном итоге вспыхнули крупные политические волнения.

С 1989 г. по 1999 г. ряд событий – падение Берлинской стены, перемены в Восточной Европе, распад СССР – перевёл реформы и открытость Китая от объекта бурных споров в русло спокойствия. «Развитие – это первоочередная задача, стабильность имеет подавляющее значение» – вот что стало главным мнением, и экономическое развитие страны ускорилось. В 1997 г. произошёл финансовый кризис в Юго-Восточной Азии, летом 1998 г. на юге Китая было сильное наводнение, со второй половины 1998 г. до 1999 г. экономическое развитие вновь столкнулось с серьёзными проблемами.

С 1999 г. по 2009 г. в Китае осуществлялось всестороннее углубление реформ жилищной системы, реформ в сфере образования и в здравоохранении, на фоне чего ресурсы превращались в капитал, а капитал добавлял кредитное плечо. Всё это в 2000 г. перегрело экономику, что стало ярким показателем мирового экономического роста. В 2000 г., когда лопнул пузырь доткомов, мировая экономика пережила спад. Китай стал нужен для мировой экономики, и в декабре 2001 г. Китай вступил в ВТО. В сентябре 2008 г. мировой финансовый кризис вновь нанёс тяжёлый удар по китайской экономике.

С 2009 г. по 2018 г. Китай своевременно скорректировал свою макрополитику и взял на себя инициативу восстановления после кризиса. В 2010 г. он превзошёл Японию и стал второй экономикой мира, его совокупная национальная мощь и международное влияние быстро возросли. Возвышение Китая привело к глубоким изменениям в мировой структуре. Однако проблемы, накопленные в стране, стали более острыми. В 2012 г. начался экономический спад, вскрылось много противоречий. В конце 2017 г. XIX Всекитайский съезд КПК чётко определил новую эру, новые идеи, новые цели и новые стратегии, которые значительно укрепили уверенность и сплочённость всей страны, но также вызвали серьёзную обеспокоенность со стороны международного сообщества, особенно крайнее сопротивление США как мирового лидера. Международные и внутренние ситуации претерпели глубокие изменения, появляются всё новые большие вызовы.

Именно в результате реформ и открытости КНР, её стремлении к прогрессу китайские валютные финансы, пережив несколько крупных ударов, сохранили общую стабильность – не произошло тяжёлых потрясений и кризисов. Но это не означает, что нет никакой скрытой опасности, напротив, накопленный финансовый риск сейчас очень заметен. Опыт по борьбе с финансовым кризисом ещё довольно слаб у наших финансовых учреждений, финансового регулятора, даже у правительства. Перед лицом сложной международной и внутренней макроэкономической ситуации необходимо извлечь уроки, изучить опыты и продвинуть реформы в финансовой системе, особенно в системе регулирования, чтобы справиться с более суровыми вызовами.

В условиях значительных перемен мировой структуры выбор Китая оказывает глубокое влияние не только на внутреннюю экономику страны, но и на мировую экономику.

7. Систематическое рассмотрение вопросов о валютных резервах Центрального Банка КНР со стороны эмиссии базовой валюты. Центральный Банк покупает иностранную валюту для формирования национальных валютных резервов, которые увеличились с 1,296 млрд долларов США в конце 1980 г. до почти 4 трлн долларов США в конце июня 2014 г., а затем упали до 3 трлн долларов США в конце 2016 г. и в настоящее время в основном стабилизировались. Такая динамика вызывает колебание эмиссии базовой валюты ЦБ и стала наиболее важным фактором после реформ и открытости, влияющим на эмиссию денег. Это важная тема, на которую следует обратить пристальное внимание в изучении китайских валютных финансов.

В этой книге подробно описываются изменения валютных резервов ЦБ после реформ и открытости, а также подробно анализируется взаимосвязь изменений валютных резервов и средств в обращении для обмена иностранной валюты ЦБ (эмиссии базовой валюты). Подчёркиваются следующие взгляды.

- Увеличение валютных резервов для ЦБ сложно: не существует так называемого разумного стандарта валютных резервов.

- Увеличение валютных резервов ЦБ и базовой валюты не означает, что денежный агрегат будет увеличиваться в той же пропорции. Вполне можно контролировать общую сумму денег, сжимая денежный множитель. Китай уже накопил большой опыт в этом отношении.

- Размер валютных резервов ЦБ, если их увеличение происходит не путём увеличения внешнего долга, становится важной гарантией сопротивления внешним ударам и укрепления международного влияния. Можно так сказать: чем больше, тем лучше. Эта точка зрения изложена автором в статье «Огромные валютные резервы – дело спорное, но полезное» (2011 г.).

- В связи с масштабным увеличением или сокращением валютных резервов должны быть эффективные механизмы реагирования. В этой области Китай нако-

пил ценный опыт, но по-прежнему необходимо усиливать координацию валютной и фискальной политики, усиливать координацию регулирования ставки резервов фонда ЦБ и кредитования ЦБ финансовых учреждений. Автор с начала 2017 г. акцентирует свою позицию на снижении ставки резервов фонда, что не должно быть запрещённой зоной валютной политики, а также подчёркивает зависимость углубления структурной реформы от источника денежного снабжения, усиления координации системы резервных требований и системы страхования вкладов.

Необходимо точное отражение средств в обращении для обмена иностранной валюты ЦБ и эмиссии валютных резервов, а также использования валютных резервов, их прибыли и убытка; необходимо создание системы регулярной отчётности национальных валютных резервов для Государственного совета, Всекитайского собрания народных представителей и соответствующей системы публичного раскрытия информации.

8. Планирование и реализация национальной финансовой стратегии новой эпохи. XIX Всекитайский съезд КПК (2017 г.) предложил стратегическую цель, результатом которой должно стать мировое лидерство Китая к середине этого столетия по совокупной мощи государства и международному влиянию. На первое место из трёх основных государственных задач данного периода было поставлено предотвращение и устранение основных финансовых рисков. Финансы – один из ключевых факторов конкурентоспособностей страны, и это определяет важность усиления планирования и реализации национальной финансовой стратегии.

Необходимо содействовать инновационному развитию финансов, сосредоточиться на создании современной финансовой системы и укреплении всесторонней финансовой мощи Китая, сосредоточиться на усилении международного финансового влияния, создать международный финансовый центр, продвинуть интернационализацию юаня. По вопросам дальнейшего углубления финансовых реформ, расширения финансовой открытости, повышения бухгалтерской и статистической точности, целостности важных финансовых показателей в указанной книге Вана Юнли выдвинут ряд конструктивных мнений.

9. Влияние развития Интернета на валютные финансы. Подчёркивается, что развитие Интернета и связанных с ним технологий оказывает чрезвычайно глубокое влияние на человеческое общество. В будущем возможно реализовать интеграцию информационного Интернета, компьютерного Интернета и Интернета вещей. Следует активно исследовать эффективное использование Интернета, но одновременно также нужно поддерживать разумное отношение к нему во избежание серьёзных ошибок.

Автор книги внимательно изучает возможности криптовалюты стать реальной валютой, анализирует эффективность использования технологии блокчейна и высказывает однозначное мнение, что такая нерегулируемая криптовалюта, как бит-

коин, общая сумма и поэтапный объём которой установлены заранее, как у золота, нарушает логику и закон развития валюты и не может стать реальной валютой. Веб-сообщество может иметь свою собственную идентификационную информацию и токены (валюта круга, валюта сообщества), когда не требуется юридической идентификации и юридической валюты в каждой операции, что позволяет повысить эффективность и снизить затраты. Но при обмене цифровой валюты на законную валюту необходимо соблюдать соответствующие требования финансового регулятора и строго ограничивать область применения специального токена.

Блокчейн всё ещё находится на начальной стадии, значимость его не следует слепо преувеличивать или преуменьшать. Он не должен фокусироваться на майнинге виртуальной монеты и спекуляции капиталом. Вместо этого он должен фокусироваться на решении реальных проблем в реальном мире. Его конкретное применение должно выйти из полностью закрытой парадигмы биткоин – блокчейн. Цифровая валюта, доминируемая ЦБ (законная цифровая валюта), не может быть такой новой денежной системой, как биткоин, которую нужно добывать путём майнинга, – она должна быть только цифровой и интеллектуальной формой законной валюты. В данный момент цифровая монета и блокчейн пользуются чрезвычайной популярностью, но очень редко подвергаются объективному и углублённому анализу.

В этой книге также проанализировано развитие Интернет-финансов и финансовых технологий, представлены поэтапные характерные признаки, направления развития, ключевые области Интернет-финансов и стратегии реагирования финансовых учреждений.

10. Международная валютная система в контексте значительных перемен мировой структуры. Подчёркивается, что развитие глобализации, особенно подъём Китая, способствует глубоким изменениям в мировой структуре. Мир вступает в ключевой период за последние сто лет. Экономическая глобализация, социальная информатизация, многополяризация мира и культурное разнообразие стали неизбежными тенденциями и реалистичными результатами. Это также способствует реформе международной системы управления, включая международную валютно-финансовую систему, особенно реформе МВФ. Необходимо использовать возможности в продвижении реформ.

В процессе десятилетнего исследования возможной сверхсуверенной мировой валюты автор всё больше и больше осознаёт, что государство не исчезнет в течение длительного времени. Более реальный выбор – это не стремление создать сверхсуверенную мировую валюту, а сохранить международную валютную систему, сформированную путём взаимной конкуренции суверенных валют, продвинуть реформу МВФ, даже перестроить его структуру с целью адаптации к мировой многополярной тенденции, увеличения размера фонда МВФ и фактических возможностей его регулирования.

Главные особенности. Книга «Выбор Китая в колоссальных переменах мировой финансовой системы», не являясь обычным учебником по валютным финансам, тесно связывает теорию и практику, фокусируется на стратегической цели китайских финансов: лидировать в мире по совокупной мощи и международному влиянию. На основе изучения сущности, логики и законов валютно-финансового развития формируются четыре взаимосвязанные части книги:

Часть I. Материальная валюта: происхождение и эволюция.

Часть II. Эволюция валюты: от материальной к нематериальной.

Часть III. Китайские валютные финансы на фоне реформ и открытости.

Часть IV. Будущее развитие валютных финансов.

Цель данной книги состоит не только в изучении валюты или финансов, а в раскрытии тайны успеха Китая и анализе проблем развития валютных финансов в стране после реформ и открытости. Выделяются и анализируются ключевые вопросы и направления финансовой реформы Китая в новую эру, а также ключевые вопросы и направления реформы международной валютно-финансовой системы. Поэтому при изучении будущего направления развития валютных финансов больше внимания уделено влиянию Китая на мировую структуру. А изучение изменения международной валютно-финансовой системы проводилось на фоне глубоких перемен в структуре мировой системы. Этим данная книга отличается от других монографий о валютных финансах.

В книге много профессиональных валютно-финансовых понятий и ряд новых взглядов, которые отличаются от таковых в традиционных учебниках и которые автор старается объяснять как можно более простым языком. В начале каждого раздела указаны ключевые вопросы, которые помогут вдумчивому чтению.

Ван Юнли предполагает, что некоторые концепции могут быть дискуссионными, что важно для привлечения внимания всех, кто занимается валютно-финансовыми вопросами, в том числе системами выпуска валют и их управлением, управлением валютными резервами и интернационализацией юаня, национальной финансовой стратегией, реформой системы финансового регулирования, Интернет-финансами и цифровой валютой, блокчейном и другими актуальными вопросами. Содействие теоретическим исследованиям и инновационному развитию валютных финансов, продвижению валютных финансов и экономики в благоприятную сторону – одна из основных задач книги Вана Юнли «Выбор Китая в колоссальных переменах мировой финансовой системы».

Список источников

1. 王永利. 世界金融大变局下的中国选择,成都:四川人民出版社, 2019年. 351页。Ван Юнли. Выбор Китая в колоссальных переменах мировой финансовой системы. Чэнду: Сычуаньское народное издательство, 2019. 351 с.
2. Хейфец Б. А., Чернова В. Ю. Роль Китая в глобализации мировой экономики // Россия и современный мир. 2021. № 2 (111). С. 100–120. DOI: 10.31249/rsm/2021.02.07
3. Цзян Сыюань, Ло Лань. Цифровизация платформы по предоставлению трансграничных государственных юридических услуг – на примере реформы по платформизации юридических услуг для Шанхайской организации сотрудничества // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. Т. 24, № 4. С. 52–71. DOI: <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-4/52-71>.
4. Кузнецов В. И., Ларионова Е. И., Чинаева Т. И. Анализ экономики Китая в XXI веке // Экономическая статистика. 2021. Т. 18, № 2. С. 57–70. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2500-3925-2021-2-57-70>.
5. Ряскова Е. С. Опыт Китая в процессе финансовой глобализации // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2021. Т. 23, № 1. С. 194–205. DOI: <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2021.1.16>.
6. По прогнозам MorganStanley, к 2030 году китайский юань станет третьей мировой валютой после доллара и евро // БЕК. 2020. 9 сентября. URL: <https://wek.ru/po-prognozammorgan-stanley-k-2030-godu-kitajskij-yuan-stanet-tretej-mirovoj-valyutoj-posle-dollar-i-evro>.

References

1. Wang Yongli. China's choices in the global financial turbulence. Chengdu: Sichuan People's Publishing House. 2019. 351 p. (In Chin.).
2. Kheyfets B. A., Chernova V. Yu. Role of China in globalization of the world economy. *Rossiya i sovremenniy mir*, 2021, no. 2 (111), pp. 100–120. DOI: 10.31249/rsm/2021.02.07. (In Russ.).
3. Jiang Siyuan, Luo Lan. Digitalization of the platform of providing transborder legal services (the case of the reform on platforming legal services for the Shanghai Cooperation Organization). *Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo = PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2021, vol. 24, no. 4, pp. 52–71. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-4/52-71>. (In Russ.).
4. Kuznetsov V. I., Larionova E. I., Chinaeva T. I. Analysis of China's Economy in the 21st Century. *Ekonomicheskaya statistika*, 2021, vol. 18, no. 2, pp. 57–70. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2500-3925-2021-2-57-70>. (In Russ.).

5. Ryaskova E. S. China's Experience in the Process of Financial Globalization. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, 2021, vol. 23, no. 1, pp. 194–205. DOI: <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2021.1.16>.

6. According to Morgan Stanley forecasts, by 2030 the Chinese yuan will become the third world currency after the dollar and the euro. *VEK*. 2020. 9 Sept. URL: <https://vek.ru/poprognozam-morgan-stanley-k-2030-godu-kitajskij-yuan-stanet-tretej-mirovoj-valyutoj-posle-dollarai-evro>. (In Russ.).

Информация об авторах

Чи Цзиминь – заместитель директора Института иностранных языков и культуры Сычуаньского университета, кандидат филологических наук, доцент, Сычуаньский университет, г. Чэнду, Китай.

Л. Г. Золотых – профессор факультета русского языка Института иностранных языков и культуры Сычуаньского университета, доктор филологических наук, профессор, Сычуаньский университет, г. Чэнду, Китай.

Тан Хаосян – докторант в области финансов, Школа Бизнеса Смита, Королевский Университет, г. Кингстон, Канада.

Information about the authors

Chi Jimin – Associate Dean (Institute of Foreign Languages and Cultures), PhD of Sc. (Philology), Associate professor, Sichuan University, Chengdu, China.

L. G. Zolotых – Professor, Faculty of Russian Language, Institute of Foreign Languages and Cultures, Dr of Sc. (Philology), Professor, Sichuan University, Chengdu, China.

Tang Haoxiang – PhD Student in Finance, Smith School of Business, Queen's University, Kingston, Canada.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 3. С. 31–44.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 3. P. 31–44.

Научная статья

УДК 37.016:811.161*126.6:339.5:63

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/31-44>

ОСМЫСЛЕНИЕ ПРАКТИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ДЕЛОВОГО РУССКОГО ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ТРАНСГРАНИЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ (на примере трансграничной электронной торговли сельскохозяйственной продукцией)

Фу Цзяо

Суйхуаский университет, 152061, КНР, пр. Хэйлунцзян, г. Суйхуа, р-н Бэйлинь,
ул. Хуанхэ, д.18, fujiao@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6781-8809>

Аннотация. Международная инициатива «Один пояс и один путь» является важным историческим и экономическим событием мирового значения, влияющим на появление и развитие новых средств коммуникации, на увеличение объёмов электронных и прямых продаж. Сегодня трудно представить современную жизнь без больших данных и «Интернет+», которые заполнили все сферы производства, в том числе сферу трансграничной торговли. «Один пояс и один путь» – это возможность карьерного роста и вызов для всех студентов, овладевающих иностранными языками. Эпоха новых медиа и больших данных выдвинула новые требования к специалистам, занимающимся трансграничной электронной коммерцией. Столкнувшись с новой ситуацией трансграничной торговли, состоянием развития трансграничной электронной коммерции и транспорта, а также изменениями в потребностях предприятий в трудоустройстве, университеты стремятся совершенствовать профессиональную подготовку будущих специалистов, развивать у них способности к инновационной трудовой деятельности путём углубления содержания профессиональных курсов, межпрофессионального совместного обучения и сотрудничества университетов и предприятий. Предоставляя широкий спектр социальных услуг для различных предприятий, учёные изучают пути и средства подготовки высококвалифицированных специалистов в области трансграничной электронной коммерции в контексте новых медиа. Это позволяет расширять возможности для обеспечения конкурентоспособности специалистов на рынке труда и успешно развивать их профессиональные компетенции в области трансграничной

торговли сельскохозяйственной продукцией, с использованием новых средств коммуникации.

В данной статье на примере трансграничной электронной торговли сельскохозяйственной продукцией рассматривается возможность оказания помощи студентам, изучающим иностранный язык, адаптироваться к новой социально-экономической ситуации и применять новые знания, полученные в процессе обучения в университете, с учётом развития и распространения новых медиа.

Ключевые слова: сельскохозяйственная продукция, трансграничная электронная коммерция в Россию, инициатива «Один пояс и один путь», новые медиа, эффект бренда, ограничение транспорта, информационная цепочка, стандарты безопасности для сельскохозяйственной продукции, практика преподавания русского языка для бизнеса, перевод, электронная коммерция, сотрудничество университета и предприятия, сервисная платформа.

Финансирование: Фонд проекта: Проект реформы образования и преподавания Суйхуаского университета на 2021 год. *Название проекта:* Интеграция цепочки производства сельскохозяйственной продукции и практики преподавания иностранных языков в новых медиа. *Номер проекта:* JD2021003.

Для цитирования: Фу Цзяо. Осмысление практики преподавания делового русского языка в контексте трансграничной электронной коммерции (на примере трансграничной электронной торговли сельскохозяйственной продукцией) // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 3. С. 31–44. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/31-44>

Original article

**REFLECTION OF BUSINESS RUSSIAN TEACHING PRACTICE
IN THE CONTEXT OF CROSS-BORDER E-COMMERCE
(taking cross-border e-commerce of agricultural products as an example)**

Fu Jiao

Suihua University, No.18 Huanghe Road, Beilin District, Suihua, Heilongjiang 152061, China, fujiao@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6781-8809>

Abstract. New media is developing and growing in the context of "One Belt, One Road", e-commerce and live streaming are flourishing, big data and "Internet+" are flooding everyone's life. The "One Belt, One Road" strategy is a huge historical opportunity and challenge for all foreign language talents, and the new media and big data era have put forward new requirements for cross-border e-commerce talents. Facing the new situa-

tion of cross-border trade, cross-border e-commerce and e-commerce logistics development, and the change of employment demand of enterprises, colleges and universities can cultivate innovative and applied talents by deepening the curriculum of this major, joint training of interdisciplinary majors and cooperation between schools and enterprises, and continuously explore the ways and means of cultivating cross-border e-commerce talents under the background of new media by providing a wide social service platform for enterprises, so as to improve the comprehensive ability and employment competitiveness of composite cross-border e-commerce applied talents. This paper takes cross-border e-commerce of agricultural products as an example, and discusses how to help foreign language students adapt to the new situation and understand new knowledge in the teaching process in the context of new media.

Keywords: agricultural products, cross-border e-commerce with Russia, current situation, problems, Belt and Road, new media, brand effect, logistics constraints, information chain, security standards, business Russian teaching practice, translation, e-commerce, school-enterprise cooperation, service platform.

Financing: Fund Project: Suihua University 2021 Annual Education Teaching Reform. Project Title: Integration of Agricultural Products Industry Chain and Foreign Language Teaching Practice under New Media. Project number: JD2021003.

For citation: Fu Jiao. Reflection of business Russian teaching practice in the context of cross-border e-commerce (taking cross-border e-commerce of agricultural products as an example) // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 3. P. 31–44. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/31-44>

1. Текущая ситуация электронных трансграничных продаж сельскохозяйственной продукции в Россию

Сельскохозяйственная продукция Китая богата разнообразием и отличается высоким качеством. Китай – крупная сельскохозяйственная страна, а провинция Хэйлунцзян – крупная сельскохозяйственная провинция. Вопросы сельского хозяйства всегда были одними из основных вопросов жизнеобеспечения, которые необходимо решать в Китае. С 2000 г. по 2017 г. объём торговли сельскохозяйственной продукцией между Китаем и Россией возрос с 617 млн США до более чем 4 млрд США со среднегодовым темпом роста 13,95%. В 2019 г. объём двусторонней торговли между двумя странами значительно возрос и превысил отметку в 100 млрд юаней, увеличившись на 3,4% по сравнению с 2018 г. [1]. Двусторонние отношения между Китаем и Россией получили дальнейшее развитие, и Китай стал крупнейшим торговым партнёром России. Обе страны достигли намерения углубить сотрудничество в области сельского хозяйства и стремятся воспользоваться развитием двусторонних отношений для дальнейшего углубления экономических и торговых обменов между двумя

странами. Объём двусторонней торговли между Китаем и Россией в 2020 г. составил примерно 107,77 млрд долларов США – это третий год подряд, когда обе страны поддерживали объём торговли на уровне более 100 млрд долларов США [2].

В дополнение к традиционному сотрудничеству в области энергетики, расширение электронной торговли, торговля сельскохозяйственной продукцией и информационное сотрудничество являются важной движущей силой, способствующей постоянному росту двусторонней торговли. В 2020 г. весь российский экспорт сельскохозяйственной продукции и продуктов питания достиг 79 млн тонн, общий объём экспорта сельскохозяйственной продукции в страны мира составил около 30,7 млрд долларов США [3], среди них Китай по-прежнему является крупнейшим покупателем российской сельскохозяйственной продукции, объём экспорта в Китай в 2020 г. составил 4 млрд долларов США. Общий объём торговли сельскохозяйственной продукцией между двумя странами в 2020 г. достиг 5,55 млрд долларов США, увеличившись на 1,3% по сравнению с 2019 г.

С января по сентябрь 2021 г. весь российский экспорт сельскохозяйственной продукции составил 23,148 млрд долларов США, увеличившись на 19% по сравнению с аналогичным периодом 2020 г., при этом экспорт российской продукции в Китай составил 2,537 млрд долларов США, что составляет 11% российского экспорта сельскохозяйственной продукции [4, с. 32]. Что касается каналов, по которым китайская сторона импортирует сельскохозяйственную продукцию из России, то большинство сделок осуществляется через провинцию Хэйлунцзян. Одним словом, будучи важной провинцией в сельскохозяйственном сотрудничестве Китая с Россией, провинция Хэйлунцзян имеет естественное преимущество в экономическом и торговом сотрудничестве с Россией.

Сельскохозяйственное сотрудничество провинции Хэйлунцзян с Россией началось в 1988 г., но не с предприятий, а с группы из более чем 60 фермеров, которые по собственной инициативе выехали в Приморский край, чтобы выращивать овощи на арендованной земле. После нескольких лет развития количество проектов сельскохозяйственного сотрудничества между предприятиями провинции Хэйлунцзян и российскими предприятиями увеличилось, сотрудничество между двумя сторонами стало более стандартизированным, а субъекты хозяйствования бизнеса постепенно диверсифицировались. На конференции по экспорту сельскохозяйственной продукции в Китай Дмитрий Краснов, руководитель Федерального центра развития экспорта продукции агропромышленного комплекса Российской Федерации, заявил, что «Китай – один из самых перспективных и быстрорастущих рынков для нашего агроэкспорта. В 2020 г. КНР занимает первое место среди импортёров российской продукции АПК с долей 13,9%. По нашим прогнозам, к 2030 г. у российских производителей есть реальная возможность удвоить экспорт сельхозпродукции на этот рынок... С момента открытия китайского рынка для российских производителей страна вышла на первое место в структуре российского экспорта мяса птицы с долей 64% в 2020 году...» [5].

С точки зрения видов сельскохозяйственной продукции, Китай экспортирует в Россию в общей сложности 264 сельскохозяйственных продукта, что составляет 34,6% от общего количества экспортируемых и импортируемых видов сельскохозяйственных продуктов, в то время как Россия экспортирует в Китай только 109 видов сельскохозяйственных продуктов, что составляет всего 14,3% от общего количества экспортируемых и импортируемых видов сельскохозяйственных продуктов. Это показывает, что Китай экспортирует значительно больше сельскохозяйственной продукции, чем Россия. Наиболее значимым видом сельскохозяйственного экспорта Китая в Россию являются продукты садоводства, доля которых на протяжении многих лет остаётся на уровне около 50%. Второй по величине категория сельскохозяйственной продукции, экспортируемой Китаем в Россию, – рыбопродукты, а третья по величине категория сельскохозяйственной продукции, экспортируемой Китаем, включает различные продукты, такие как липиды и белковые продукты. В последние годы увеличиваются масштабы экспорта второй и третьей по величине сельскохозяйственной продукции.

Морепродукты являются самой значительной категорией сельскохозяйственной продукции, импортируемой Китаем из России, составляя 81,46% от общего объёма. Второй по величине категорией является прочая сельскохозяйственная продукция, а третьей – продукция животноводства, в импорте которой в последние годы наблюдается значительный рост [6, с. 54].

На фоне ускоренного изменения мира из-за неожиданной эпидемии COVID-19 китайско-российские отношения стали важной стабилизирующей силой в нынешней хаотичной ситуации. Китай и Россия значительно дополняют друг друга как в политической, так и в экономической областях. Основная причина заключается в том, что у двух стран больше общего в их видении международного порядка.

С развитием времени интернет-технологии всё больше обновляются, а новые медиа, объединяющие различные выражения, становятся всё более всеобъемлющими и обширными. Новые медиа обладают такими характеристиками, как диверсификация, быстрое распространение и большая привлекательность. Наступление эпохи новых медиа способствовало социальному прогрессу, экономическому развитию, а также совершенствованию и инновациям социальной коммуникации.

Продажи сельскохозяйственной продукции осуществляются с использованием новых медиа, «Интернет+» и больших данных. Начался процесс индустриализации, и возникла производственная цепочка – от посадки и сбора урожая сельскохозяйственной продукции до переработки, производства и транспортировки и, наконец, до подачи на стол людей; чтобы сформировать единое взаимосвязанное целое, промышленная цепочка должна управлять всем процессом и всеми звеньями [7, с. 78].

Внутренняя электронная торговля сельскохозяйственной продукцией в КНР интенсивно развивается, и трансграничная электронная торговля сельскохозяй-

ственной продукцией также неуклонно развивается. В процессе реализации инициативы «Одного пояса и одного пути» и поддержки трансграничной электронной коммерции китайская сельскохозяйственная продукция начала выходить на мировой рынок и демонстрировать особенности китайской сельскохозяйственной продукции людям всего мира. Политика «Один пояс и один путь» обеспечивает политическую защиту и поддержку для дальнейшего развития трансграничной электронной коммерции сельскохозяйственной продукции в Китае и способствует продвижению сельскохозяйственных обменов между Китаем и странами, расположенными вокруг «Одного пояса и одного пути». Экспорт сельскохозяйственной продукции расширяется, а импорт становится всё более разнообразным. Благодаря преимуществам новых медиа, модель трансграничной электронной коммерции позволяет производителям сельскохозяйственной продукции напрямую общаться с глобальными потребителями, сокращая процесс сделки, уменьшая промежуточные звенья, снижая стоимость участия в международной торговле сельскохозяйственной продукцией и повышая операционную эффективность трансграничной торговли сельскохозяйственной продукцией. Всё это должно поддерживаться хорошей, прочной и надёжной платформой. В настоящее время китайская трансграничная электронная коммерция сельскохозяйственной продукции сформировала модели B2B, B2C и B2B2C, постепенно развивается и растёт при технической поддержке новых медиа, таких как большие данные, облачные вычисления, Интернет вещи и цепочка блоков. В настоящее время модель платформы B2C, представленная Alibaba International Station, является относительно зрелой в развитии, а также одной из основных платформ на отечественном рынке трансграничной электронной коммерции сельскохозяйственной продукции.

С 2014 г. Alibaba собрала и интегрировала более 20 операций, занимающихся сельскохозяйственной продукцией, чтобы помочь крестьянам реализовать выращенный ими урожай с помощью цифровой продажи, формируя интегрированную цепочку сельскохозяйственной промышленности, из которых Alibaba International Station помогает китайской сельскохозяйственной продукции экспортироваться в сотню стран и регионов по всему миру благодаря новой цифровой модели внешней торговли. Кроме того, существуют отличные платформы для электронной коммерции сельскохозяйственной продукции, такие как Made-in-China, Global Sources, DHgate, Amazon.com, AliExpress, eBay, JD, Motion optimization, Gudeng E-commerce и Womai, но качественных трансграничных платформ электронной коммерции для сельскохозяйственной продукции меньше, и необходимо постоянно изучать возможность создания трансграничных платформ для новых специализированных категорий продукции.

Развитие трансграничной электронной коммерции между Китаем и Россией длится уже более десяти лет, но общий её масштаб всё ещё далёк от достижения

значительных, серьёзных результатов, а доля всё ещё не превышает 50%, по сравнению с общим объёмом импортно-экспортной торговли между двумя странами. Это свидетельствует о том, что трансграничная электронная коммерция между Китаем и Россией всё ещё имеет больше возможностей для развития. Несмотря на то, что после многих лет развития трансграничная электронная коммерция в Китае и России также прошла период взаимного эффективного становления, AliExpress сократил свою долю на рынке РФ с 36,7% в 2018 г. до 21,5% в 2020 г. [8, с. 156]. Конкуренция местных предприятий и регулирование рынка стали основными причинами продолжающегося снижения конкурентоспособности Aliexpress.

2. Проблемы трансграничной сельскохозяйственной электронной коммерции в сфере экспорта в Россию

Характеристики сельскохозяйственной продукции не позволяют осуществлять трансграничную электронную коммерцию так же эффективно, как и трансграничную электронную коммерцию для таких товаров, как одежда и ремесленные изделия, существует ещё много проблем с трансграничной электронной коммерцией для сельскохозяйственной продукции.

2.1 Сельскохозяйственная продукция Китая пока не сформировала эффекта бренда. Многие крестьяне всё ещё находятся на стадии саморазвития. Они не используют передовые сетевые ресурсы и новые медиа, не присоединились к более крупным предприятиям или организациям, они разъединены и не могут создавать масштабные эффекты. В целом, за последние годы количество брендов сельскохозяйственной продукции в Китае значительно увеличилось, но их распространение ещё недостаточно, и ещё меньше тех, которые могут оказать международное влияние. Характерные бренды сельскохозяйственной продукции — это добавленная стоимость сельскохозяйственной продукции, а известные бренды делают продукцию конкурентоспособной на рынке. Продвижение бренда — длительный и важный процесс. Он требует многочисленных средств вмешательства новых медиа и активного продвижения с помощью платформ электронной коммерции. Для продвижения и поддержки бренда необходимо приглашать известных людей, чтобы сформировать эффект бренда. В процессе трансграничных продаж создание бренда и формирование влияния бренда на объёмы продаж должны пройти долгий путь. Только создав свой собственный бренд, торговая компания сможет закрепиться в международной торговле, стабилизировать свои позиции и конкурировать с другими крупными международными брендами. Выдающиеся российские исследователи должны привлекаться в качестве приглашённых профессоров в Китае для обмена технологиями и опытом с китайскими учёными и совместного преодоления технических барьеров. В то же время Китай и Россия могут использовать обмен результатами исследований, чтобы компенсировать технические недостатки обеих сторон, поде-

литься окончательными результатами исследований и разработок и достичь взаимовыгодной технической ситуации. Создание общего бренда, признанного обеими сторонами, может способствовать дальнейшему развитию сотрудничества. В то же время необходимо активно продвигать систему долгосрочного сотрудничества для укоренения, защиты прав и интересов развития китайской трансграничной платформы электронной коммерции, создания имиджа бренда китайской продукции в России, глубокого развития основных потребителей и увеличения добавленной стоимости.

2.2 Ограничение транспорта. Сельскохозяйственная продукция предъявляет высокие требования к качеству продукта, но во время транспортировки, особенно при трансграничной транспортировке, возникают проблемы, связанные с низкой скоростью транспортировки, износом и столкновением продуктов, которые влияют на качество сельскохозяйственной продукции и приносят потребителям неприятные впечатления от покупок. Потребителям трудно осуществить повторную покупку, что повредит имиджу и интересам предприятия. Поэтому трансграничная электронная торговля сельскохозяйственной продукцией предъявляет очень высокие требования к транспорту и ко всем аспектам логистики и хранения сельскохозяйственной продукции. Необходимо не только обеспечить качество сельскохозяйственной продукции, но и учитывать стоимость, поэтому к упаковке и транспортировке сельскохозяйственной продукции предъявляются очень строгие требования. Как обеспечить качество и целостность продуктов при одновременном снижении затрат? Это тема, над которой стоит задуматься и которую необходимо изучить. В дополнение к вышеуказанным проблемам существуют также некоторые ситуации, когда информация о транспорте не обновляется вовремя. Трансграничные платформы электронной коммерции и транспорта должны улучшить качество и своевременность информации, чтобы зарубежные потребители могли отслеживать свою продукцию, доверять платформе и не допускать потери груза [9, с. 110].

2.3 Если сельскохозяйственная промышленная и информационная цепочки являются неполными, а информация не обновляется вовремя, это оказывает прямое влияние на поставки сельскохозяйственной продукции посредством трансграничной электронной коммерции. Хотя электронная коммерция для сельского хозяйства в настоящее время постепенно проникает в дома сельских жителей, её популярность и масштабы влияния по-прежнему ограничены, а низкий коэффициент конверсии сельскохозяйственной информатизации является препятствием, ограничивающим трансграничные продажи сельскохозяйственной продукции. Например, некоторые компании, экспортирующие сельскохозяйственную продукцию, имеют неточное представление о потребности и предпочтениях иностранных потребителей, а некоторые товары не соответствуют стандартам страны назначения экспорта, что приводит к огромным убыткам и наносит ущерб интересам крестьян и произ-

водственному энтузиазму. В процессе обмена электронной коммерцией между Китаем и Россией также необходимо создать более надёжную электронную сеть отслеживания информации и защиты безопасности, повысить надёжность работы платформы, в полной мере использовать электронную идентификацию и другие технологии, реализовать полную прослеживаемость сельскохозяйственной продукции и сконцентрировать информацию о производстве, транспортировке, продаже сельскохозяйственной продукции и др. в QR-кодах, чтобы китайские и российские потребители могли полностью доверять безопасности пищевых продуктов. Китай максимально диверсифицировал продажи сельскохозяйственной продукции через электронную коммерцию и постоянно расширяет виды торговли.

2.4 Стандарты качества и безопасности, система тестирования качества сельскохозяйственной продукции пока ещё несовершенны. Каждая страна имеет свои собственные стандарты и требования к товарам. Трансграничная электронная коммерция осуществляет куплю-продажу, и помимо соблюдения определённых правил торговли продукция должна соответствовать стандартам качества товаров в пункте назначения. Это особенно актуально для сельскохозяйственной продукции, например, в некоторых наших сельскохозяйственных продуктах остатки пестицидов не соответствуют международным стандартам, а в некоторых переработанных сельскохозяйственных продуктах действуют противоречивые стандарты на добавки, что затрудняет трансграничную электронную коммерцию. Например, некоторые виды импортируемой детской рисовой муки ранее были оспорены на предмет превышения содержания тяжёлых металлов. В процессе китайско-российской сельскохозяйственной торговли происходили случаи запрета импорта определенных видов сельскохозяйственной продукции из-за некачественного тестирования. В будущем следует объединить взаимные преимущества России в производстве экологически чистой сельскохозяйственной продукции, системы стандартов качества и безопасности сельскохозяйственной продукции – и Китая в переработке сельскохозяйственной продукции и трудовых ресурсах сельского хозяйства для продвижения производства, торговли, инвестиций, совместных научных исследований и разработок высококачественной сельскохозяйственной продукции и продукции с географическим указанием. Поэтому мы должны начать с истоков промышленной цепочки, открыть и сделать прозрачной промышленную цепочку производства продукции, улучшить систему промышленного тестирования продукции и своевременно обновлять стандарты качества и безопасности.

2.5 Существует острая нехватка высококвалифицированных специалистов в области иностранных языков. Чтобы заниматься трансграничной электронной коммерцией, студентам необходимо не только овладеть знаниями, связанными с международной торговлей, такими как таможенное декларирование, логистика, трансграничные платежи, расчёты и другие виды бизнеса, но также необходимо обладать

определёнными навыками владения иностранным языком, уметь беспрепятственно общаться с иностранными потребителями или операторами в режиме реального времени, решать различные неожиданные проблемы, понимать иностранные предпочтения, интересы, культуру и местную политику, а также иметь более глубокое представление об отрасли, в которой они заняты, – как в случае с трансграничной электронной коммерцией сельскохозяйственной продукции. Таких высококвалифицированных специалистов крайне мало на внутреннем рынке. Это также одна из важных проблем, с которыми сталкивается трансграничная электронная торговля сельскохозяйственной продукцией в процессе развития. Профессиональная подготовка высококвалифицированных специалистов для трансграничной электронной коммерции может значительно способствовать улучшению и развитию системы трансграничной электронной коммерции.

3. Практика преподавания делового русского языка должна адаптироваться к требованиям новой медиа-эпохи

3.1 Обучение иностранным языкам должно служить практике. В процессе развития трансграничной электронной коммерции одним из основных препятствий является языковая проблема и проблема локализации в подготовке специалистов. В частности, перевод текстов о сельскохозяйственной продукции между китайским и русским языками затруднен из-за локализации её торговли и её специализации [10]. В процессе обучения русскому языку для сферы бизнеса и электронной коммерции студентам необходимо «отточить» деловой язык, понять деловой этикет, научиться составлять тексты деловых контрактов, а также практиковаться в обучении деловому переводу, особенно при переводе лексики и текстов по темам торговли сельскохозяйственной продукцией: важно переводить их в соответствии с правилами и традициями отечественных и иностранных языков, принимая во внимание особенности перевода иноязычной лексики, правила составления предложений, понимая, что перевод не должен быть «жёстким». Можно в полной мере использовать удобство эпохи новых медиа, мобилизуя онлайн-ресурсы для изучения и усвоения образцов деловой речи соответствующих иностранных компаний с целью обучения переводу. При представлении продукции переводчики должны сосредоточиться на качестве перевода характеристик сельскохозяйственной продукции и объединить это с особенностями иностранной культуры, чтобы иностранные потребители могли полностью понять вкус, полезность разных видов сельскохозяйственной продукции, а также узнать стандарты реализации и методы её хранения и т. д. Только тогда, когда хорошо выполнена работа по переводу, можно продвигать сельскохозяйственную продукцию в сферу продаж. Поэтому в процессе перевода нужно следовать нормам стандартизации и унификации в сочетании со знанием традиций и обычаев страны-импортёра, а также решительно устранять проблемы употребления неточных слов, их искажения и нагромождения.

3.2 Обучение высококвалифицированных специалистов, владеющих иностранными языками и знанием основ трансграничной электронной коммерции, очень важно для помощи в продаже и продвижении сельскохозяйственной продукции. В международной торговле очень востребованы творческие, талантливые, способные к инновациям кадры, знающие иностранные языки, интернет и продукцию. Знание иностранного языка – это непрерывный процесс накопления, чтобы вначале овладеть навыками общения с людьми в обычном процессе обучения, а затем расширить компьютерные знания, знания электронной коммерции и знания сельскохозяйственной продукции. Специалисты высокого уровня играют важную роль в развитии трансграничной электронной коммерции в сфере сельскохозяйственной продукции, поэтому обучение иностранным языкам не должно ограничиваться только знанием одного из них. Необходимо использовать иностранные языки в качестве инструментов и средств и предлагать учебные курсы, связанные с электронной коммерцией, по различным специальностям для изучения новых медиа, новых сетей, нового маркетинга и новых методов. Курс делового русского языка должен иметь долгосрочную перспективу, быть комплексным, тщательно проанализирован и иметь методическое обеспечение.

3.3 Колледжи и университеты активно сотрудничают с правительством и соответствующими предприятиями по подготовке высококвалифицированных специалистов, способствующих развитию трансграничной электронной коммерции. Сотрудничество между университетом и предприятием не может быть простым лозунгом, оно должно быть реализовано на практике. Между разными специализациями в университете относительно легко можно преподавать совместные междисциплинарные курсы. Сотрудничество с правительством и соответствующими предприятиями должно быть разнообразным: университеты могут не только приглашать в вуз специалистов в той или иной области для проведения занятий и лекций, но и объединять усилия с предприятиями для создания производственных парков и баз стажировок, отправляя студентов в интернет-компанию или компанию электронной коммерции для практического изучения передовых методов трансграничной электронной коммерции; они могут объединять усилия с сельскохозяйственными предприятиями, чтобы вывести студентов на поля, чтобы они действительно поняли, как выращиваются и культивируются сельскохозяйственные культуры; вывести студентов в заводской цех, чтобы они своими глазами увидели весь процесс переработки сельскохозяйственной и побочной продукции. Это не может быть обеспечено только университетом, для этого необходима мощная поддержка со стороны правительства и предприятий.

3.4 Университеты могут создать специальные сервисные платформы, чтобы помочь компаниям трансграничной электронной коммерции повысить публичность их продукции на бизнес-платформах. Необходимо в полной мере использовать ак-

тивность будущих специалистов иностранных языков под руководством профессиональных преподавателей, чтобы помочь отечественной сельскохозяйственной продукции открыть международный рынок и выйти на него, а также позволить международному рынку понять китайскую сельскохозяйственную продукцию и признать её, чтобы трансграничные продажи сельскохозяйственной продукции могли осуществляться быстрее. Специалисты, владеющие иностранными языками, могут заключать контракты на перевод и продвижение продукции с платформами электронной коммерции или компаниями, чтобы помочь компаниям и платформам в продвижении и расширении их влияния. Это также может дать возможность студентам, изучающим иностранные языки, проявить себя и продемонстрировать свои навыки. Помимо представления национальной продукции, студенты, владеющие иностранными языками, на платформе обслуживания могут под руководством преподавателей обращаться к зарубежным интернет-ресурсам, читать информацию на оригинальных зарубежных сайтах, знакомиться с различными практиками в области зарубежной сельскохозяйственной торговли, передовыми методами выращивания сельскохозяйственной продукции в цепочке производства зарубежной сельскохозяйственной промышленности и использовать всю благоприятную информацию для содействия развитию китайской сельскохозяйственной трансграничной торговли.

Выводы

Учебный курс «Деловой русский язык» является обязательным предметом для изучающих русский язык, в нём заложены базовые теоретические и практические основы для овладения студентами лексико-грамматическими навыками русской деловой речи. Сегодня, в эпоху интеграции «Интернет+» и больших данных, одних теоретических знаний недостаточно, нужны практические навыки использования современных средств коммуникации, умения пользоваться интернет-ресурсами, торговыми интернет-площадками. Нам надо развивать у студентов способность к самостоятельной трудовой деятельности в условиях быстро развивающейся международной торговли с применением современных масс-медиа, электронных ресурсов. Студенты в процессе обучения овладевают компьютерными умениями, знаниями в области электронной коммерции и сельскохозяйственной продукции, участвуют в создании и развитии трансграничных бизнес-платформ. Учебная практика на производстве организована при сотрудничестве вуза и предприятия, где студенты в реальных производственных условиях овладевают навыками международной торговли с применением современных средств коммуникации, больших данных и «Интернет+». Таким образом, теоретические знания и практические умения делового общения на русском языке с применением современных масс-медиа являются основой формирования будущих квалифицированных специалистов в сфере китайско-русской торговли сельскохозяйственной продукцией.

Список источников

1. Перспективы российского агроэкспорта в Китай в 2022 году. URL: <http://www.zcqtz.com/news/394083.html>. Кит.
2. Объем китайско-российской торговли превышает 100 миллиардов долларов США в течение трех лет подряд. URL: <https://m.gmw.cn/baijia/2021-07/15/1302406911.html>. Кит.
3. Экспорт сельскохозяйственной продукции из России достиг рекордного уровня в 2020 году. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1693768204513637708&wfr=spider&for=pc>. Кит.
4. Чэнь Сянлян, Сюй Хайцзяо. Текущая ситуация и перспективы развития сельскохозяйственного сотрудничества между провинцией Хэйлунцзян и Россией на фоне «Одного пояса и одного пути» // Сибирские исследования. 2021. № 5. С. 31–40. Кит.
5. Дмитрий Краснов. Агроэкспорт. Китай – один из самых перспективных и быстрорастущих рынков для нашего агроэкспорта. URL: <https://milknews.ru/interview-i-blogi/krasnov-agroehksport-kitaj.html?>
6. Чэнь Сяотин. Характеристики и перспективы развития китайско-российской сельскохозяйственной торговли // Проверенный временем маркетинг бренда. 2022. № 5. С. 54–56. Кит.
7. Лю Сяоцзяо. Изучение эффективной интеграции построения больших данных всей промышленной цепочки сельскохозяйственной продукции и сельского электрического бизнеса // Эпоха богатства. 2022. № 1. С. 78–80. Кит.
8. Ян Юйцзюань. Исследование влияния развития трансграничной электронной коммерции на импортно-экспортную торговлю сельскохозяйственной продукцией между Китаем и Россией // Бизнес и экономические исследования. 2022. № 1. С. 156–160. Кит.
9. Zhao Xin. Характеристики и стратегии развития трансграничной электронной коммерции для сельскохозяйственной продукции // Гуандунское шелководство. 2021. № 2. С. 110–111. Кит.
10. Исследование перевода сельскохозяйственной продукции на английский язык на трансграничных платформах электронной коммерции. URL: <https://www.fx361.com/page/2021/0917/8852451.shtml>. Кит.

References

1. Prospects for Russian agricultural exports to China in 2022. Available at: <http://www.zcqtz.com/news/394083.html>. (In Chin.).
2. Sino-Russian trade volume has exceeded US\$100 billion for three consecutive years. Available at: <https://m.gmw.cn/baijia/2021-07/15/1302406911.html>. (In Chin.).

3. Exports of agricultural products from Russia reached a record level in 2020. Available at: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1693768204513637708&wfr=spider&for=pc>. (In Chin.).
4. Chen Xianliang, Xu Haijiao. The current situation and prospects for the development of agricultural cooperation between Heilongjiang Province and Russia against the backdrop of the «One Belt and One Road». *Siberian Research*, 2021, no. 5, pp. 31–40. (In Chin.).
5. Dmitry Krasnov. Agroexport. China is one of the most promising and fastest growing markets for our agricultural exports. Available at: <https://milknews.ru/interviu-i-blogi/krasnov-agroehksport-kitaj.html?> (In Russ.).
6. Chen Xiaoting. Characteristics and prospects for the development of Chinese-Russian agricultural trade. *Time-tested brand marketing*, 2022, no. 5, pp. 54–56. (In Chin.).
7. Liu Xiaojiao. Studying the effective integration of big data construction of the entire industrial chain of agricultural products and rural electrical business. *Era of Wealth*, 2022, no. 1, pp. 78–80. (In Chin.).
8. Yang Yujuan. Study of the impact of the development of cross-border e-commerce on import-export trade in agricultural products between China and Russia. *Business and economic research*, 2022, no. 1, pp. 156–160. (In Chin.).
9. Zhao Xin. Characteristics and development strategies of cross-border e-commerce for agricultural products. *Guangdong sericulture*, 2021, no. 2, pp. 110–111. (In Chin.).
10. Research on the translation of agricultural products into English on cross-border e-commerce platforms. Available at: <https://www.fx361.com/page/2021/0917/8852451.shtml>. (In Chin.).

Сведения об авторе

Фу Цзяо – старший преподаватель высшей кафедры русского языка Суйхуаского университета, г. Суйхуа, КНР.

Information about the author

Fu Jiao – Master, Senior Lecturer, Suihua University, People's Republic of China.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 3. С. 45–72.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 3. P. 45–72.

Научная статья

УДК 332.122(470)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/45-72>

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРОБЛЕМНЫХ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Снежана Петровна Монгуш¹, Ай-кыс Чамдаловна Кылгыдай²

^{1,2}Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН,
г. Кызыл, Республика Тыва, Россия

¹fqkey@mail.ru

²aikys_k@mail.ru, SPIN-код: 9839-9790, <https://orcid.org/0000-0003-4608-7968>

В статье рассмотрены вопросы обоснования разработки и реализации индивидуальных программ социально-экономического развития для 10 субъектов Российской Федерации (далее – РФ). Отбор регионов для разработки индивидуальных программ социально-экономического развития (далее – ИПСЭР) производился Министерством экономического развития РФ (далее – Минэкономразвития России) в 2020 г. Регионы отбирались на основании исследования 4 показателей (среднедушевые денежные доходы населения; доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума; уровень безработицы; инвестиции в основной капитал на душу населения) в трёхлетнем периоде социально-экономического развития среди 85 субъектов РФ. Среднедушевые денежные доходы населения изучались как показатели, характеризующие покупательную способность населения. Прогноз показателя среднедушевых денежных доходов населения выявляет потенциальные возможности населения анализируемой территории. Показатели доли населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, установленного в регионе, рассматривались как характеризующие уровень бедности, а его прогноз выявляет уменьшение (увеличение) денежных поступлений населения конкретной территории, доступных для сбережения. Показатели уровня безработицы, рассматривались как определяющие и характеризующие уровень и темпы экономического развития территории. Показатели инвестиций в основной капитал на душу населения изучались как характеризующие отобранные территории со сторо-

ны инвестиционной площадки для будущего развития предпринимательской деятельности. Анализ ИПСЭР проблемных регионов РФ проводился авторами в определённой степени с позиции как новация стратегического планирования, которая позволяет выявить в индивидуальных программах социально-экономического развития отобранных регионов их сильные и слабые стороны, а также возможности и угрозы. Результаты SWOT-анализа необходимы в будущем для корректировки комплексных планов индивидуального развития путём обоснованных мероприятий. Предложенные мероприятия будут направлены на снижение эффектов от будущих рисков, которые позволят изучить опыт исследования отрицательных и положительных сторон ИПСЭР проблемных регионов. Практическая значимость представленного инструмента стратегического планирования может проявляться в применении его результатов для пролонгации ИПСЭР проблемных регионов до 2027 г. с учётом уточнённых целей стратегического развития.

Ключевые слова: индивидуальные программы, социально-экономическое положение, проблемные регионы, механизмы, мероприятия, риски, стратегическое планирование, экономическое развитие, возможности, угрозы, предложения, результаты, пролонгация, финансирование

Для цитирования: Монгуш С. П., Кылыгдай А. Ч. Индивидуальные программы социально-экономического развития проблемных регионов Российской Федерации // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 3. С. 45–72. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/45-72>

Original article

INDIVIDUAL PROGRAMS OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF PROBLEM REGIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Snezhana P. Mongush¹, Ai-kys Ch. Kылgyday²

^{1,2} Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources of Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Kyzyl, Tuva Republic, Russia.

¹fqkey@mail.ru

²aikys_k@mail.ru, SPIN-код: 9839-9790, <https://orcid.org/0000-0003-4608-7968>

The article deals with the issues of substantiating the development and implementation of individual programs of socio-economic development for 10 constituent entities of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Russian Federation). The selection of regions for the development of individual programs for socio-economic development (hereinafter – IPSER) was carried out by the Ministry of Economic Development of the Russian Federation

(hereinafter – the Ministry of Economic Development of Russia) in 2020. The regions were selected on the basis of a study of 4 indicators (average per capita cash income of the population; the share of the population with cash incomes below the subsistence level; unemployment rate; investment in fixed capital per capita) in a three-year period of socio-economic development among 85 constituent entities of the Russian Federation. The average per capita cash income of the population was studied as indicators characterizing the purchasing power of the population. The forecast of the average per capita money income of the population reveals the potential opportunities of the population residing in the analyzed territory. The indicators of the share of the population with cash incomes below the subsistence minimum established in the region were considered as characterizing the level of poverty, and its forecast reveals a decrease (increase) in the cash receipts of the population of a particular territory available for saving. Unemployment indicators were considered as determining and characterizing the level and pace of economic development of the territory. Indicators of investment in fixed capital per capita were studied as characterizing the selected territories from the side of the investment site for the future development of entrepreneurial activity. The analysis of the IPSEER of the problem regions of the Russian Federation was carried out by the authors to a certain extent from the position as an innovation in strategic planning, which makes it possible to identify their strengths and weaknesses, as well as opportunities and threats, in individual programs for the socio-economic development of the selected regions. The results of the SWOT analysis are needed in the future to adjust the comprehensive plans for individual development through reasonable actions. The proposed activities will be aimed at reducing the effects of future risks, which will allow us to study the experience of studying the negative and positive aspects of the IPSEER in underdeveloped regions. The practical significance of the presented strategic planning tool can be manifested in the application of its results for the prolongation of the IPSEER of problem regions until 2027, taking into account the refined strategic development goals.

Keywords: individual programs, socio-economic situation, problem regions, mechanisms, measures, risks, strategic planning, economic development, opportunities, threats, proposals, results, prolongation, financing

For citing: Mongush S. P., Kylgyday A. Ch. Individual programs of socio-economic development of problem regions in the Russian Federation // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol 24, no 3. P. 45–72. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/45-72>.

Введение

Общеэкономическое положение проблемных регионов РФ обусловлено низкими показателями социально-экономического развития, по сравнению со средне-российскими показателями, что порождает возникновение множества проблем не только экономического, но и социального характера, что требует разработки таких экономических модуляторов¹, которые будут применены и реализованы именно на конкретной территории, при учёте всех её основных экономических и социальных индивидуальных особенностей.

Для слаборазвитой экономики, с её «проблемами», сложно придумать что-то новое, ведь всё то новое, что есть сейчас, это старое «было», но при этом в той или иной форме «гибрид» старого под новое. Гибридизация – это одна из возможностей для слаборазвитой экономики выработать «под себя» необходимые инструменты и механизмы для дальнейшего развития. Так, по мнению В. Буланова, «...если бы каждый член общества пытался самостоятельно накопить в себе необходимые знания, при этом игнорируя опыт, то прогресс замедлился бы. Так как именно используя обмен опытом, общество и каждый его член получают положительный выигрыш» [1].

Для слаборазвитой системы в этом ключе «опыт» других экономических агентов играет ключевую роль в процессе гибридизации экономических процессов. Не исключено, что некоторые механизмы не будут работать в слаборазвитой экономике так, как в развитой системе, где всё наработано и отлажено. Тем не менее, система – это механизм со своими законами и постулатами, приводящими к какому-то процессу, поэтому исключать «пробы и ошибки» нельзя, из этого следует, что риски будут присутствовать всегда.

На сегодняшний момент осуществлять экономические преобразования по унифицированному подходу в одном темпе невозможно. Развитые территории в своём экономическом развитии оставляют проблемные территории далеко позади, быстро модифицируясь на современные реалии, прибегая к трансформационным механизмам и адаптируя рыночные условия под свою экономику или экономику под них [2]. Слаборазвитая экономика таких темпов развития не выдерживает, образуя отличительные нюансы социально-экономического статуса, разделяющие территории на экономические типы регионов: доноры и реципиенты [3]. Отсюда вытекает дифференциация социально-экономических статусов регионов России, которые в последнее время сильно разнятся: ВРП на душу населения развитого региона составляет 938 016,7 руб. (Красноярский край), а проблемного региона 145 723,1 руб. (Республика Ингушетия). Показатель ВРП на душу населения в среднем по РФ в

---

¹ Модулятор – составная часть экономического процесса управления, но при этом изменяет установленный процесс в соответствии с экономическими колебаниями (влияние входа и выхода), с обратными связями и с эффектом как плюсового (не значит, что хороший), так и минусового (не значит, что плохой) влияний.

2019 г. составил 646 144,1 руб. Красноярский край превышает данный показатель на 31,1% (291 872,6 руб.). Республика Ингушетия, как проблемный регион, не добирает 77,4% (500 421 руб.). Разница между развитыми и недостаточно развитыми регионами составляет 6,4 раза (792 293,6 руб.) [4].

Правительством России постоянно разрабатываются необходимые мероприятия для активизации проблемных экономик. До начала пандемии Covid-19 была разработана драйверная модель для 10 проблемных регионов РФ (рис. 1) в виде индивидуальных программ социально-экономического развития (ИПСЭР), чтобы проблемные регионы смогли выполнить поставленные национальные цели [5]. Так ИПСЭР, содержащие в себе комплексные планы развития, поддержали во время пандемии экономические системы проблемных регионов [6]. Методологическую поддержку, координацию и мониторинг ИПСЭР определённых в списке регионов осуществляет Минэкономразвития России [7] и другие федеральные органы исполнительной власти (ФОИВ).

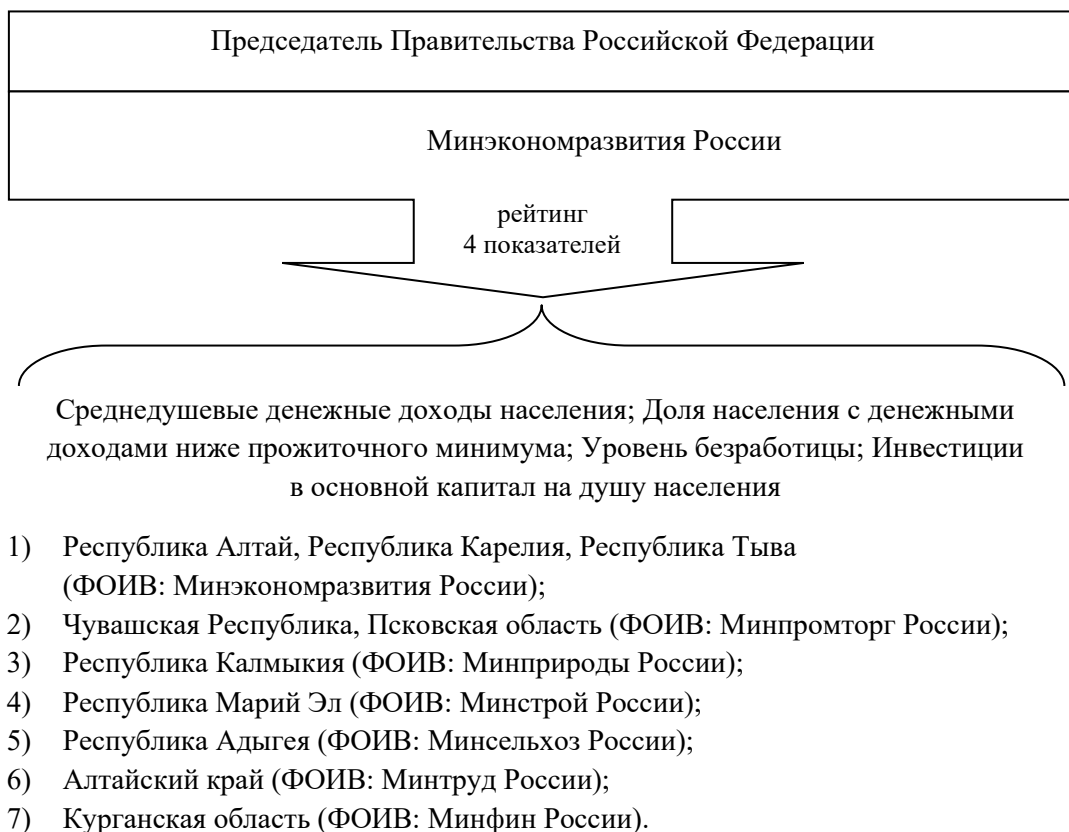

Рис. 1. Регионы РФ, определённые для разработки комплексных индивидуальных программ социально-экономического развития

Для разработки ИПСЭР до 2024 г. отбирались конкретные субъекты РФ на основе исследования 4 показателей:

- 1) среднедушевые денежные доходы населения как показатель, характеризующий покупательную способность населения. Прогноз показателя выявляет потенциальные возможности населения анализируемой территории;
- 2) доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, установленного в регионе как показатель, характеризующий уровень бедности, а его прогноз выявляет уменьшение (увеличение) денежных поступлений населения конкретной территории, доступных для сбережения;
- 3) уровень безработицы, характеризующий уровень и темпы экономического развития территории;
- 4) инвестиции в основной капитал на душу населения, характеризующие отобранные территории со стороны инвестиционной площадки для будущего развития предпринимательской деятельности.

Наибольшее число проблемных регионов оказалось в Сибирском федеральном округе: Алтайский край, Республика Тыва, Республика Алтай. Наименьшее количество – в Уральском федеральном округе: Курганская область.

Стратегические наработки Правительства РФ на опережение позволили дифференцировать проблемные регионы от основной группы, давая им исключительные инвестиционные возможности социально-экономического развития до 2024 г. (99% федеральные средства к 1% бюджета региона). При этом Правительство России может пролонгировать финансирование предусмотренных мероприятий с 2025 г. до 2027 г., с учётом уточнённых мероприятий, до 5 млрд руб. для всех отобранных слаборазвитых регионов России.

Содержательное качество ИПСЭР проблемных регионов явилось предметом нашего исследования (табл. 1). Объектами исследования выступают выборочные слаборазвитые регионы из ИПСЭР до 2024 г.: Республика Алтай; Республика Карелия; Республика Тыва; Чувашская Республика; Псковская область; Республика Калмыкия; Республика Марий Эл; Республика Адыгея; Алтайский край и Курганская область [8].

Комплексные планы развития разработаны именно для определённых конкретных регионов, на основе их индивидуальных особенностей экономического состояния и социального положения (табл. 2).

По данным табл. 2 определены рейтинговые места проблемных регионов по прогнозным показателям при реализации ИПСЭР до 2024 г. (табл. 3).

Далее в табл. 4 анализируемые регионы распределены по рейтинговым показателям (по данным табл. 3).

Таблица 1

Индивидуальные комплексные планы развития проблемных регионов РФ

Table 1

**Individual comprehensive plans for the development of problem regions
of the Russian Federation**

Федеральные округа	Регионы	Основание	Изменения и дополнения	Место, занимаемое субъектом в РФ по ВРП на душу населения, (2019 г.) [4]	Примечание
Сибирский федеральный округ	Республика Алтай	Распоряжение Правительства РФ от 09.04.2020 г. № 937-р [9]	С изменениями на 03.12.2021 г.	76	Приграничный субъект: граничит на юге с Монголией и КНР, на юго-западе – с Республикой Казахстан
Северо-Западный федеральный округ	Республика Карелия	Распоряжение Правительства РФ от 10.04.2020 г. № 973-р [10]	В наст. время вносятся изменения на основании Распоряжения Правительства РФ от 06.12.2021 г. № 3473-р	30	Приграничный субъект: западная граница Карелии совпадает с государственной границей РФ и Финляндии. Омывается Белым морем на северо-востоке
Сибирский федеральный округ	Республика Тыва	Распоряжение Правительства РФ от 10.04.2020 г. № 972-р [11]	В наст. время вносятся изменения на основании Распоряжения Правительства РФ от 24.12.2021 г. № 3813-р	80	Приграничный субъект: граничит на юге с Монголией

Продолжение табл. 1

Федеральные округа	Регионы	Основание	Изменения и дополнения	Место, занимаемое субъектом в РФ по ВРП на душу населения, (2019 г.) [4]	Примечание
Приволжский федеральный округ	Чувашская Республика	Распоряжение Правительства РФ от 03.04.2020 г. № 865-р [12]	нет данных	74	Граничит с субъектами РФ
Северо-Западный федеральный округ	Псковская область	Распоряжение Правительства РФ от 08.04.2020 г. № 926-р [13]	с изменениями на 03.04.2021 г.	66	Приграничный субъект: граничит с 3 европейскими государствами: Эстонской Республикой, Латвийской Республикой, Республикой Беларусь
Южный федеральный округ	Республика Калмыкия	Распоряжение Правительства РФ от 12.04.2020 г. № 992-р [14]	В наст. время вносятся изменения на основании Распоряжения Правительства РФ от 24.11.2021 г. № 3310-р	64	Граничит с субъектами РФ, но на востоке имеет прибрежную зону протяжённостью 1,4 тыс. км ² (Каспийское море)
Приволжский федеральный округ	Республика Марий Эл	Распоряжение Правительства РФ от 08.04.2020 г. № 927-р [15]	В наст. время вносятся изменения на основании Распоряжения Правительства РФ от 19.10.2021 г. № 2938-р	68	Граничит с субъектами РФ

Окончание табл. 1

Южный федеральный округ	Республика Адыгея	Распоряжение Правительства РФ от 16.04.2020 г. № 1043-р [16]	В наст. время вносятся изменения на основании Распоряжения Правительства РФ от 16.12.2021 г. № 3626-р	72	Граничит с субъектами РФ
Сибирский федеральный округ	Алтайский край	Распоряжение Правительства РФ от 08.04.2020 г. № 928-р [17]	В наст. время вносятся изменения на основании Распоряжения Правительства РФ от 14.12.2021 г. № 3591-р	75	Приграничный субъект: на юго-западе регион граничит с Республикой Казахстан
Уральский федеральный округ	Курганская область	Распоряжение Правительства РФ от 25.02.2020 г. № 422-р [18]	В наст. время вносятся изменения на основании Распоряжения Правительства РФ от 29.12.2021 г. № 3960-р	73	Приграничный субъект: на юге и юго-востоке – с Республикой Казахстан.

Источник: Составлено на основе данных ИПСЭР проблемных регионов, взятых из Электронного фонда правовых и нормативно технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru> (дата обращения: 11.05.2022).

Рейтинговый анализ социально-экономических прогнозируемых показателей к 2024 г. в рассматриваемых регионах показывает, что наибольший рост среднедушевых денежных доходов населения, на 34%, будет наблюдаться в Республике Адыгея, а наименьший, всего на 9,7% в месяц, – в Псковской области. На 48,9% уменьшится доля населения с денежными доходами ниже величины регионального прожиточного минимума в Республике Тыва, а в Псковской области – всего на 8,7%. Уровень безработицы в Республике Тыва уменьшится на 20,8%, а в Чувашской Республике и Псковской области безработица снизится всего на 2%. По инвестициям в основной капитал на душу населения рост в 2 раза будет наблюдаться в Республике Калмыкия, наименьший рост, в 1,1 раза, – в Чувашской Республике.

Таблица 2

**Показатели социально-экономического развития проблемных регионов РФ
(по данным ИПСЭР в 2019 и 2024 гг.)**

Table 2

**Indicators of socio-economic development of problem regions
of the Russian Federation (according to IPSE in 2019 and 2024)**

Республики, области, края	Среднедушевые денежные доходы населения (в месяц) рублей			Доля населения с денежными доходами ниже величины регионального прожиточного минимума, %			Уровень безработицы, %			Инвестиции в основной капитал на душу населения, тыс. руб.**		
	2019	2024*	Абс. откл. (+,-)	2019	2024*	Абс. откл. (+,-)	2019	2024*	Абс. откл. (+,-)	2019	2024.*	Абс. откл. (+,-)
Республика Алтай	21 048	23126,9	2 079	24,0	10,8	-13,2	11,0	8,1	-2,9	63,29	86,09	23
Республика Карелия	30 700	32305	1 605	15,2	8,7	-6,5	8,0	7,3	-0,7	51,80	68,40	17
Республика Тыва	14 265	19912	5 648	34,8	17,0	-17,8	14,4	11,4	-3	11,80	24,60	13
Чувашская Республика	19 456	22353,5	2 898	18,5	16,3	-2,2	4,9	4,8	-0,1	37,50	41,90	4
Республика Калмыкия	18 402	25891,8	7 490	21,0	10,4	-10,6	9,2	9,1	-0,1	41,90	85,00	43
Республика Марий Эл	21 065	28120	7 055	18,7	9,3	-9,4	5,0	4,6	-0,4	33,87	51,71	18
Республика Адыгея	31 800	42600	10 800	11,9	6,8	-5,1	8,5	6,9	-1,6	45,40	70,90	26
Псковская область	12 668	13900,8	1 233	16,5	14,5	-2	5,6	5,5	-0,1	42,00	48,50	7
Курганская область	21 320	27945	6 625	16,8	8,2	-8,6	8,0	7,3	-0,7	32,08	51,31	19
Алтайский край	23 744	33103,9	9 360	17,8	8,8	-9	6,7	5,9	-0,8	46,70	76,50	30

Источник: составлено на основе данных ИПСЭР.

*Расчётные прогнозные значения показателей на основании данных субъекта Российской Федерации

**Без бюджетных инвестиций

Регионы, попадающие в категорию «Плохо» (Чувашская Республика, Псковская область, Республика Алтай, Республика Карелия, Курганская область, Республика Калмыкия) должны повысить свои результативные показатели до 2024 г. Также отмечены регионы, у которых рейтинговые позиции останутся без изменений: Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Адыгея, Алтайский край, Псковская область, из них в трёх субъектах (Республика Алтай, Республика Тыва, Псковская область), по итогам реализации ИПСЭР до 2024 г., вероятнее всего социально-экономическое положение останется на том же уровне, что и сейчас. Данным регионам необходимо планировать минимизированные и детализированные мероприятия на период 2025–2027 гг. (пролонгирова-

ние до 5 млрд руб.), а не масштабирование, которое в итоге не изменит социально-экономического положения регионов в лучшую сторону.

Таблица 3

**Распределение мест по данным рейтинговых показателей
на основании данных о проблемных субъектах РФ**

Table 3

**Distribution of places according to rating indicators
based on the data on the problem subjects of the Russian Federation**

Республики, области, края	Среднедушевые денежные доходы населения (в месяц)		Доля населения с денежными доходами ниже величины реги- онального про- житочного минимума		Уровень безработицы		Инвестиции в основной капитал на душу населения	
	2019 г.	2024 г.*	2019 г.	2024 г.*	2019 г.	2024 г.*	2019 г.	2024 г.*
Республика Алтай	5	4	9	7	9	8	10	10
Республика Карелия	9	8	2	3	6	7	9	6
Республика Тыва	2	2	10	10	10	10	1	1
Чувашская Республика	4	3	6	9	2	3	4	2
Республика Калмыкия	3	5	8	6	8	9	5	9
Республика Марий Эл	6	7	7	5	3	2	3	5
Республика Адыгея	10	10	1	1	7	6	7	7
Псковская область	1	1	3	8	4	4	6	3
Курганская область	7	6	4	2	6	7	2	4
Алтайский край	8	9	5	4	5	5	8	8

Источник: расчёты авторов на основе данных ИПСЭР

* Прогнозные позиции на основе данных субъекта Российской Федерации

Таблица 4

Распределение по рейтинговым показателям среди проблемных регионов с ИПСЭР до 2024 г.

Table 4

Distribution according to rating indicators among problem regions with IPSEER until 2024

От min к max – «Хорошо»	От max к min – «Плохо»
<i>Инвестиции в основной капитал на душу населения</i>	
Курганская область от 2 позиции к 4 Республика Марий Эл от 3 позиции к 5 Республика Калмыкия от 5 позиции к 9 Республика Карелия от 9 позиции к 6 Республика Алтай без изменений 10 позиция Республика Тыва без изменений 1 позиция Республика Адыгея без изменений 7 позиция Алтайский край без изменений 8 позиция	Чувашская Республика от 4 позиции к 2 Псковская область от 6 позиции к 3
<i>Среднедушевые денежные доходы населения (в месяц)</i>	
Республика Калмыкия с 3 позиции на 5 Республика Марий Эл с 6 позиции на 7 Алтайский край с 8 позиции на 9 Псковская область без изменений 1 позиция Республика Тыва без изменений 2 позиция Республика Адыгея без изменений 10 позиция	Республика Алтай с 5 позиции на 4 Республика Карелия с 9 позиции на 8 Чувашская Республика с 4 позиции на 3 Курганская область с 7 позиции на 6
<i>Доля населения с денежными доходами ниже величины регионального прожиточного минимума</i>	
Республика Алтай с 9 позиции на 7 Республика Калмыкия от 8 позиции к 6 Республика Марий Эл от 7 позиции к 5 Курганская область от 4 позиции к 2 Алтайский край от 5 позиции к 4 Республика Адыгея без изменений 1 позиция Республика Тыва без изменений 10 позиция	Республика Карелия от 2 к 3 позиции Чувашская Республика от 6 позиции к 9 Псковская область от 3 позиции к 8
<i>Уровень безработицы</i>	
Республика Алтай от 9 позиции к 8 Республика Марий Эл от 3 позиции к 2 Республика Адыгея от 7 позиции к 6 Республика Тыва без изменений 10 позиция Псковская область без изменений 4 позиция Алтайский край без изменений 5 позиция	Республика Карелия от 6 позиции к 7 Чувашская Республика от 2 к 3 позиции Республика Калмыкия от 8 к 9 позиции Курганская область от 6 к 7 позиции

Выявлены сильные и слабые стороны ИПСЭР анализируемых проблемных регионов в сравнительной характеристике индивидуальных программ на основе применения SWOT-анализа, с описанием возможных перспектив, требующих поддержки и будущих рисков, которые важно заранее предусмотреть и предупредить (табл. 5).

Таблица 5

SWOT-анализ ИПСЭР проблемных регионов

Table 5

SWOT-analysis of IPSEK of problem regions

Сильные стороны	Республика Алтай. Приграничный субъект РФ (Монголия, КНР, Республика Казахстан). Минерально-сырьевая база разнообразна, имеются запасы марганцевых и железных руд, молибдена, меди, ртути, золота, серебра, каменного угля, строительные материалы и др. Высокий уровень естественного прироста населения.
	Республика Тыва. Приграничный субъект РФ (Монголия) и входит в состав Ангаро-Енисейского макрорегиона. Минерально-сырьевой комплекс разнообразен.
	Алтайский край. Приграничный геостратегический субъект РФ (Республика Казахстан). Разнообразие природных ресурсов. Экономика края диверсифицированная. Край выступает профицитным в отношении обеспечения продовольственными ресурсами, высока доля вывоза по отдельным видам продукции, производящейся в регионе. Самая высокая протяжённость автомобильных дорог.
	Республика Карелия. Приграничный регион, территория полностью отнесена к Крайнему Северу и приравненным к нему местностям, а северные муниципальные образования включены в Арктическую зону. Минерально-сырьевая база разнообразна. Высокий туристско-рекреационный потенциал: заповедники «Кивач», «Костомукшский», Кемь-Лудский участок Кандалакшского заповедника, а также национальные парки «Паанаярви», «Водлозерский», уникальная озёрно-речная система. Также на территории региона располагаются объекты культурного наследия ЮНЕСКО «Кижи», уникальный ландшафтно-архитектурный комплекс музея-заповедника «Валаам», петроглифы на восточном побережье Онежского озера и Беломорья, объекты деревянного зодчества, курорт «Марциальные воды». Конкурентное преимущество по отношению к аналогичным регионам – транспортно-географическое положение, а также низкие энергетические тарифы для бизнеса. По территории проходят участки Октябрьской ж/д. Основой экономики являются индустриальный сектор и транспортный комплекс. Высокий уровень развития малого и среднего бизнеса.
	Чувашская Республика. Расположена преимущественно на правом берегу реки Волги, между притоками рек Сура и Свияга.
	Республика Калмыкия. Прикаспийский субъект. В северо-восточной части протекает р. Волга, на юге Чограйское водохранилище, на востоке Каспийское море. Моноукладная экономика с преобладанием сельского хозяйства.

Сильные стороны	<p>Республика Марий Эл. Регион расположен в центре европейской части страны и является частью Волго-Вятского экономического района. Находится в зоне умеренно континентального климата. Более 50% территории покрыты лесом. Минерально-сырьевой комплекс представлен карбонатными породами, песками, глинами и суглинками, торфом и сапропелем, а также пресными и минеральными подземными водами. Экономика имеет индустриально-аграрную направленность.</p>
	<p>Республика Адыгея. Благодаря географическому положению через территорию региона проходит большое количество автомобильных дорог, в том числе ведущих к портам Черноморского побережья и соединяющих разные части Краснодарского края, что создаёт условия для развития сферы услуг (торговли, туризма, рынка недвижимости), а также производственной кооперации предприятий. Тахтамукайский район является одним из перспективных центров роста экономики, где ведётся масштабное жилищное строительство, возводятся социальные объекты (школы, детские сады), имеется значительное количество трудовых ресурсов, развитая транспортная инфраструктура (аэропорт, железнодорожное сообщение).</p>
	<p>Псковская область. Приграничный регион (Эстонская Республика, Латвийская Республика, Республика Беларусь). Природные ресурсы (известняк, песчано-гравийный материал, доломиты, мергель, гипс, глины, формовочный песок, сырьё для производства минеральных красителей, сапропелей и лечебной грязи, подземные минеральные воды). Территория богата торфом в европейской части. Территория региона обслуживается Октябрьской ж/д. Присутствие на территории региона 10 объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, 151 объектов религиозного назначения и других особо ценных культурного наследия (туристско-рекреационный комплекс).</p>
	<p>Курганская область. Занимает выгодное геоэкономическое положение в системе транспортных коммуникаций по направлению «юг – север» с выходом на международный (Республика Казахстан) транспортный коридор «Транссиб», на стыке Урала и Сибири.</p>
Слабые стороны	<p>Республика Алтай. Природно-климатические условия неблагоприятны для проживания. Около 50% территории региона относится к Крайнему Северу и приравненным к ним местностям. Территория с горным рельефом занимает значительную площадь региона. Наблюдается существенный миграционный отток населения. Основа экономики региона – бюджетные секторы. Низкая транспортная связанность с остальной территорией РФ из-за отсутствия постоянного железнодорожного сообщения. Низкие темпы развития туристско-рекреационного комплекса. Высокий износ энергосетей. Слабая диверсифицированная экономика. Низкий уровень качества жизни и городской среды. Низкий уровень обеспеченности услугами социальной сферы (дефицит ДОУ и общеобразовательных школ, низкая доступность ВО). Низкая материально-техническая база организаций культуры.</p>

Продолжение табл. 5

Слабые стороны	<p>Республика Тыва. Природно-климатические условия неблагоприятны для проживания населения, территория относится к Крайнему Северу и приравненным к ним местностям. 80% территории занимает горный рельеф. Отсутствие железной дороги, а также ограниченная география совершаемых рейсов из аэропорта (высокие ценовые пороги билетов). Нет системы газопроводов, из-за чего отсутствует подключение к единой системе газоснабжения РФ. Позднее начало индустриализации промышленного комплекса.</p>
	<p>Алтайский край. Территория региона находится в зоне рискованного земледелия. Низкая доля добывающей промышленности. Миграционный отток населения. Высокая стоимость электроэнергии, высокая степень износа объектов. Низкий уровень инвестиционной активности. Несоответствие автомобильных дорог нормативным требованиям. Низкая доля продукции оборонно-промышленного комплекса.</p>
	<p>Республика Карелия. Неблагоприятная демографическая ситуация, миграционный отток. Низкий уровень социально-экономического развития. Низкий уровень социальных инфраструктур. Низкопроизводительная и слабо диверсифицированная экономика. Низкий уровень обеспеченности услугами социальной сферы. Недостаточный уровень материально-технического обеспечения медицинских учреждений современным медицинским оборудованием. Низкая доступность высшего образования. Низкий уровень развития транспортной инфраструктуры – основная причина, сдерживающая темпы освоения природных ресурсов, развития обрабатывающих производств, туристско-рекреационного комплекса. Высокая доля государственных заимствований.</p>
	<p>Чувашская Республика. Экономика характеризуется отсутствием собственных значимых минеральных и топливно-энергетических ресурсов. Недостаточное количество инвестиционных площадок с готовой инфраструктурой.</p>
	<p>Республика Калмыкия. Климат резко континентальный, засушливый. Территория региона относится к маловодным. Низкий уровень благосостояния населения. Отсутствие финансовой поддержки субъектов инвестиционной деятельности и гарантий их прав. Отсутствие земель с доступной качественной инфраструктурой. Высокая цена на электрическую энергию. Высокая степень физического и морального износа основных фондов. Низкий уровень инноваций, темпов модернизации, технического перевооружения производственных мощностей. Транспортная недоступность. Отсутствие социальной, транспортной и инженерной инфраструктуры для ИЖС. Низкий уровень качества среды жизнедеятельности населения.</p>
	<p>Республика Марий Эл. Низкий уровень социально-экономического развития. Низкий уровень инвестиционной активности. Невысокая конкурентоспособность промышленности. Недостаточная активность малого и среднего бизнеса. Транспортная инфраструктура не соответствует современным требованиям. Разрушение конструкции искусственной взлетно-посадочной полосы и снижение её общей несущей способности создают реальную угрозу безопасности полетов и риск прекращения воздушного сообщения.</p>

Слабые стороны	<p>Отсутствие грузо-пассажирского причала на р. Волга является сдерживающим фактором развития туристской инфраструктуры, приёмки и отправки грузов речным транспортом. В регионе имеется тупиковая железнодорожная ветка Зеленый Дол (Татарстан) – Яранск (Кировская область). Низкий уровень развития инженерной инфраструктуры и качественной среды жизнедеятельности населения региона. Убыточность предприятия водопроводно-канализационного хозяйства из-за ограниченности предельным индексом роста платы граждан за коммунальные услуги. Недостаточный уровень развития социальной инфраструктуры. Существующий автовокзал – частная собственность. Конфликт интересов привёл к уходу перевозчиков с автовокзала в теневой сектор. Для ликвидации теневого сектора создано государственное унитарное предприятие «Республиканский автовокзал», не обладающее в настоящее время собственным функциональным помещением.</p>
	<p>Республика Адыгея. Наличие инфраструктурных ограничений (отсутствуют возможности для технологического присоединения новых потребителей к существующей энергосистеме, что связано с ограниченной возможностью магистральной электрической и газовой инфраструктуры, нехваткой свободных мощностей на питающих электрических подстанциях и газораспределительных станциях). Остро стоит вопрос по расселению граждан из аварийного жилищного фонда. Физический и моральный износ зданий, сооружений и оборудования медицинских учреждений. Несоответствие 69,9% культурно-досуговых учреждений требованиям эксплуатационной безопасности. Необеспеченность региона объектами физической культуры и спорта.</p>
	<p>Псковская область. Не обладает значительными запасами полезных ископаемых. Экономика обладает недостаточной перспективной структурой (материальное производство 41%). Слабо диверсифицированная экономика. Низкий уровень транспортной доступности. Моральный и физический износ основных средств различных секторов экономики. Неразвитость туризма, сдерживающий фактор – неразвитость транспортной системы. Слабо внедряется процесс цифровизации экономики, нет современных услуг связи «Интернет». Неудовлетворительное состояние объектов культурного наследия.</p>
	<p>Курганская область. Слабодифференцированная структура экономики, отсутствие собственных топливно-энергетических ресурсов, металлургической базы, значительной доли сельского хозяйства. Характеризуется слабой инвестиционной привлекательностью, низким уровнем благосостояния населения, а также неблагоприятной демографической ситуацией (высокая смертность населения, низкая рождаемость и продолжающаяся миграционная убыль населения). Низкий уровень газификации, отсутствие инфраструктуры, нет квалифицированного рабочего персонала. Высокая степень износа основных фондов.</p>

Продолжение табл. 5

Возможности	<p>Республика Алтай. Географическое положение и природно-климатические условия благоприятствуют развитию солнечной энергетики. Высокий туристический потенциал. Развитие сельского хозяйства (мясомолочное животноводство, овцеводство, козоводство и мараловодство). Формирование современного конкурентоспособного туристско-рекреационного комплекса. Комплексное развитие всех типов инфраструктуры путём активного вовлечения субъектов малого и среднего бизнеса. Повышение качества жизни (стимулирование ИЖС, развитие городской среды, обеспечение экологической безопасности). Снижение бедности за счёт создания новых рабочих мест. Повышение уровня обеспечения услугами образования, здравоохранения, культуры и спорта населения региона.</p>
	<p>Республика Тыва. Значительные запасы полезных ископаемых. Высокий уровень естественного прироста населения. Снятие инфраструктурных ограничений. Опережающие темпы экономического развития. Создание условий для развития малого и среднего предпринимательства. Рост производства продукции внутри региона как результат диверсификации экономики.</p>
	<p>Алтайский край. Располагает значительным потенциалом в развитии сельского хозяйства. Уникальные месторождения яшмы, малахита, порфиров, мраморов, гранитов и других природных ресурсов. Край богат лесными и водными ресурсами. Создание условий для развития инвестиционных проектов. Обеспечение необходимыми условиями малого и среднего бизнеса (развитие экспортного потенциала). Совершенствование транспортной и социальной инфраструктур. Создание новых высокопроизводительных рабочих мест, что будет способствовать повышению уровня жизни населения.</p>
	<p>Республика Карелия. Имеются значительные запасы хромовых, молибденовых, железных, урано-ванадиевых руд и других природных ресурсов. 53% территории региона покрыто лесом. Обладает туристско-рекреационным потенциалом. Главный порт Арктической зоны РФ, на востоке имеет выход к Белому морю. Результативное управление с учётом принципов «зелёной» экономики. Развитие человеческого капитала. Модернизация и развитие транспортной и инженерной инфраструктуры. Совершенствование механизмов государственного управления экономикой, экологией и социальной сферой.</p>
	<p>Чувашская Республика. Драйвер развития региона – промышленный комплекс, основанный на осуществлении выпуска продукции с высокой добавленной стоимостью и инновационным потенциалом (электротехническая промышленность, химическая отрасль, машиностроение). Планируется создание индустриальных парков за счёт вовлечения в экономику незадействованных производственных площадей промышленных предприятий. Результатом реализации крупных инвестиционных проектов станет развитие транспортной инфраструктуры, увеличение доходной части бюджета региона, создание высокопроизводительных рабочих мест. Развитие финансовой и прочей инфраструктуры для развития малого и среднего бизнеса. Предоставление кредитных ресурсов бизнесу за счёт предоставления микрозаймов.</p>

ВОЗМОЖНОСТИ	<p>Увеличение объёмов производства и производительности труда (промышленность и сельское хозяйство). Снижение уровня бедности за счёт внедрения социального контракта (рост занятости), а также расширения категорий граждан, которые будут получать выплаты на 3-го ребенка.</p>
	<p>Республика Калмыкия. Строительство железнодорожной линии (Улан Хол – Адык – Яшкуль – Элиста – Зимовники), строительство морского порта в г. Лагань (геополитическое значение для РФ), будет создана интеграция транспортного комплекса региона в мировую транспортную систему путём участия в формировании международных транспортных коридоров. Стремление к опережающим темпам экономического развития путём реализации крупных инвестиционных проектов. Обеспечение необходимых условий для развития малого и среднего бизнеса. Поддержка развития промышленности, путём снятия инфраструктурных ограничений. Улучшение инвестиционного климата и повышение качества жизни населения региона. Создание инвестиционного фонда и регионального фонда развития промышленности.</p>
	<p>Республика Марий Эл. Обеспечение опережающих темпов экономического развития. Создание условий для реализации инвестиционных проектов, развитие потенциала обрабатывающих производств и агропромышленного комплекса. Создание привлекательных условий развития малого и среднего предпринимательства за счёт реализации механизма комплексной поддержки центра «Мой бизнес» и Агентства поддержки экспорта. Снятие инфраструктурных ограничений за счёт улучшения доступности транспортной инфраструктуры посредством строительства (реконструкции) объектов транспортной инфраструктуры (аэропорта, автовокзала, грузо-пассажирских причалов), а также модернизация инфраструктуры жилищно-коммунального хозяйства и обновление специальной коммунальной техники. Строительство грузо-пассажирских причалов создаст условия для роста грузо-пассажирских перевозок по внутренним водным путям и развития водного туризма на территории. Улучшение доступности и качества оказания медицинской помощи населению. Создание регионального фонда развития промышленности и его капитализация. Открытие новых маршрутов туристской привлекательности, что приведёт к увеличению туристского потока.</p>
	<p>Республика Адыгея. Приоритетное направление развития – туризм. Развитие энергетической инфраструктуры. Реализация инвестиционных проектов в сфере промышленности, агропромышленного комплекса, туризма. Создание привлекательных условий для развития малого и среднего предпринимательства. Повышение уровня обеспеченности населения услугами здравоохранения, культуры и спорта за счёт развития социальной инфраструктуры. Снижение уровня бедности населения за счёт введения выплат на третьего ребенка, внедрения практики заключения социальных контрактов, роста занятости населения. Повышение качества жизни населения: ускоренное решение проблемы расселения граждан из аварийного жилья, развитие жилищно-коммунального хозяйства и жилищного строительства.</p>

Продолжение табл. 5

Возможности	<p>Псковская область. Развитие инфраструктуры связи, улучшения в первую очередь мобильной связи и сети «Интернет». Возможности развития туризма (объекты культурного значения значительны). Снижение инфраструктурных ограничений, формирование благоприятной среды для жизни населения, а также развитие малого и среднего бизнеса за счёт поддержки промышленности и агропромышленного комплекса. Расширение ОЭЗ промышленно-производственного типа «Моглино». Создание ТОСЭР в г. Печоры и его расширение (земельный участок). Разработка предложений по изменению тарифных пошлин (ввозных) для некоторых групп продукции, что позволит увеличить доходную часть бюджета региона. Возможность прокладки внутрипоселковых газораспределительных сетей. Повышение инвестиционной привлекательности региона за счёт создания инженерной инфраструктуры. Повышение доступности жилья (льготное ипотечное кредитование под новое жильё или строительство дома).</p>
	<p>Курганская область. Обеспечение опережающих темпов экономического развития. Развитие промышленности, агропромышленного комплекса и создание условий для развития малого и среднего предпринимательства, кооперации. Снижение инфраструктурных ограничений.</p>
Риски	<p>Республика Алтай. Территория региона расположена в сейсмоопасной зоне с вероятностью возникновения 8-балльного землетрясения. Высокая доля населения младше трудоспособного населения. Низкий уровень развития сети автомобильных дорог, характеризующийся низким качеством автодорожного полотна. Недостаточная мощность аэропорта, стоимость билетов высокая, ограниченная география совершаемых рейсов. Удорожание себестоимости производимой продукции внутри региона из-за высоких транспортных издержек. Низкие транспортные подвижности населения региона. Уровень энергетических тарифов самые высокие в Сибири, имеются значительные коммерческие потери при транспортировке электроэнергии. Низкий уровень инвестиционной активности. Низкая активность малого и среднего предпринимательства. Высокий уровень неформальной занятости. Низкая продолжительность жизни. Высокий уровень смертности от внешних причин и младенческая смертность. Высокий уровень заболеваемости. Дефицит квалифицированных медицинских кадров. Несоответствие современным требованиям качества предоставляемых услуг организациями культуры. Высокий уровень преступности.</p>
	<p>Республика Тыва. Территория региона расположена в сейсмически опасной зоне (8–10 баллов по шкале Рихтера). Существенный миграционный отток населения. Высокая доля населения младше трудоспособного возраста. Инвестиционные возможности осложнены инфраструктурными ограничениями. Наблюдаются энергодефицит и высокие ценовые пороги на электроэнергию. Недостаток квалифицированных кадров. Снижение инвестиций в основной капитал. Высокая степень износа (физического и морального) основных средств. Низкая финансово-экономическая устойчивость экономики за счёт слабой диверсификации производства, инфраструктурных ограничений, неквалифицированных кадров. Низкая транспортная освоенность территории региона. Высокий уровень неформальной занятости.</p>

Риски	<p>Алтайский край. Естественная убыль населения, превышение населения старше трудоспособного возраста над населением моложе трудоспособного возраста. Низкая конкурентоспособность бизнеса и уменьшение инвестиционной привлекательности края обеспечивается за счёт высоких тарифов на электроэнергию, что влечёт рост нагрузки на доходы населения. Экспортный потенциал низкий, за счёт удалённости от морских терминалов и пунктов пропуска через государственную границу РФ, а также значимых рынков сбыта. Рост транспортных издержек, снижение скорости грузо- и пассажирооборота, низкая доступность туристических объектов, низкий международный транзитный потенциал из-за состояния дорожной сети. Высокая моральная и физическая изношенность машин и механизмов, задействованных в различных работах по поддержанию дорожной инфраструктуры. Высокая степень износа основных фондов промышленного комплекса.</p>
	<p>Республика Карелия. Низкий уровень инвестиционной активности. Низкий уровень качества среды жизнедеятельности. Высокая доля обеспеченности населения недоброкачественной питьевой водой. Низкая средняя продолжительность жизни населения, высокий уровень смертности в трудоспособном возрасте (новообразования, болезни системы кровообращения), младенческой смертности. Высокий уровень заболеваемости населения. Дефицит квалифицированных медицинских кадров. Высокий уровень преступности. Высокая доля увеличения государственного долга.</p>
	<p>Чувашская Республика. Высокая доля закредитованности населения (ипотечные кредиты свыше 55%). Увеличение количества многодетных семей. Ограниченное количество земельных участков промышленного значения при имеющихся значительных неиспользуемых площадках земель сельскохозяйственного назначения.</p>
	<p>Республика Калмыкия. Слабая гидрографическая сеть, 98% водных ресурсов подаётся через каналы и оросительно-обводнительные системы рек Терек, Кума, Кубань, Волга (Астраханской, Волгоградской областей и Ставропольского края). Слабая инвестиционная привлекательность. Неблагоприятная демографическая ситуация (низкая рождаемость и миграционная убыль населения). Постоянное увеличение удельного веса населения старше трудоспособного возраста. Узость рынка сбыта, небольшие размеры деятельности. Высокая доля неформальной занятости свыше 32%.</p>
	<p>Республика Марий Эл. Неблагоприятная демографическая ситуация (сократилась численность женщин репродуктивного возраста, увеличилось количество населения старше трудоспособного возраста, а также населения моложе трудоспособного возраста), характеризующаяся естественной и миграционной убылью, особенно молодого поколения. Высокие тарифы на электроэнергию для потребителей, не относящихся к населению региона, что приводит к оттоку инвестиций, уход предприятий с регионального рынка. Наблюдаются ежегодный рост государственного долга, скрытые задолженности по бюджетным инвестициям, просроченная кредиторская задолженность (прямая угроза судебных издержек, штрафов, пеней, если взыскатель воспользуется правом на судебную защиту). Увеличивается доля объектов водопроводно-канализационного хозяйства, нуждающихся в аварийно-восстановительных работах, вместо планово-предупредительных ремонтных работ.</p>

Окончание табл. 5

Республика Адыгея. Снижение доли традиционного агропромышленного комплекса в структуре экономики.
Псковская область. Низкий уровень инвестиционной активности, инфраструктурной подготовки. Сокращение численности населения за счёт естественной убыли (высокий уровень смертности населения). Сдерживающим фактором выступают высокие энергетические тарифы. Дефицит медицинских кадров. Высокий уровень эвтрофикации водных объектов, которые определены как «загрязнённый и грязный». Высокий уровень антропогенного воздействия (объекты накопленного экологического вреда: нефтешламовое хранилище в г. Невеле Псковской области, склады устаревших пестицидов на территории Псковской области, закрытая городская свалка в г. Пскове.
Курганская область. Инвестиционный потенциал низкий, основная причина – высокие энерготарифы.

Таким образом, развитие проблемных регионов с помощью ИПСЭР будет направлено:

в Республике Алтай – на обеспечение опережающих темпов экономического развития, повышение качества и безопасности среды жизни населения региона и развитие социального сектора;

в Республике Тыва – на повышение качества среды для жизни, создание условий для развития предпринимательства, дальнейшую реализацию действующих и перспективных инвестиционных проектов с их выходом на полную мощность, сокращение бедности населения за счёт введения выплат на 3-го ребенка;

в Алтайском крае – на обеспечение темпов опережающего экономического развития, создание условий для развития бизнеса (малого и среднего), развитие транспортной и социальной инфраструктур;

в Республике Карелия – на обеспечение опережающих темпов экономического развития путём реализации крупных инвестиционных проектов в сфере добычи полезных ископаемых и обрабатывающих производств. Повышение качества среды для жизни за счёт строительства инженерной инфраструктуры жилищного строительства. Развитие социальной сферы. Но при этом бюджет региона не имеет будущих потенциалов, так как параметры бюджета в настоящее время не могут обеспечить полноценные реализационные мероприятия по ускоренному социально-экономическому развитию (ежегодный прирост государственного долга);

в Чувашской Республике – на обеспечение строительства промышленных парков, агропромышленных парков, технопарков с целью привлечения наиболее эффективных и высокопроизводительных резидентов (за счёт федерального бюджета), а также обеспечение поддержки моногородов. Ослабление сдерживающих факторов по ускоренному экономическому развитию, диверсификация экономики региона (увеличение объёма производства продукции, транспортная доступность).

Создание преференциальных режимов на территории региона (ТОСЭР в г. Новочебоксарске, г. Канаш: освобождение от налога на добавленную стоимость, установление комфортного режима свободной таможенной зоны);

в Псковской области – на поддержание промышленности, агропромышленного комплекса, а также создание условий для развития малого и среднего бизнеса и их кооперации. Обеспечение специальных налоговых режимов (налог на профессиональный доход). Реализация пилотного проекта по компенсации физическим лицам, то есть не резидентам РФ, суммы налога на добавленную стоимость при вывозе товаров за пределы таможенной территории Евразийского экономического союза. Планируется за счет включения в государственную программу РФ ликвидировать несанкционированные свалки, нефтешламохранилища, вывоз и утилизация хранящихся в области устаревших пестицидов. Предоставление социального контракта (софинансирование расходов). Но наблюдается низкая бюджетная обеспеченность с высокой долей государственного долга. Все финансовые мероприятия, направленные на развитие региона, планируются за счёт федеральных субсидий;

в Республике Калмыкия – на создание преференциальных режимов (особой экономической зоны либо территории опережающего социально-экономического развития). Основным недостаток экономики – это недостаточность собственных оборотных средств. Регион не может обеспечить финансирование проектно-сметных документаций, что влечет торможение внедрения, а также разработку различных 11 инвестиционных проектов. Также предполагается после внедрения ЖД (Улан Хол – Адык – Яшкуль – Элиста – Зимовники) снизить тарифы на электроэнергию за счет компенсации межтарифной разницы за счёт средств федерального бюджета (перекрестное субсидирование). Планируется повысить качество среды для жизни;

в Республике Марий Эл – на решение ключевых социально значимых проблем развития, которые сдерживают экономику региона, путем существенного ослабления факторов, сдерживающих развитие в сфере промышленности (реализация инвестиционных проектов по строительству, реконструкции и модернизации перерабатывающих производств, убойных цехов, приобретение технологического оборудования для их оснащения). В сфере сельского хозяйства (семеноводства, льноводства, молочного скотоводства, птицеводства, строительство и внедрение ветеринарной лаборатории). Повышение инвестиционной привлекательности региона, развитие транспортно-логистического комплекса, жилищно-коммунального хозяйства и отраслей социальной сферы. В настоящее время у региона нет финансовых возможностей для решения образовавшихся проблем (43,9% безвозмездные поступления в бюджет). Из-за высоких тарифов по электроэнергии относительно населения не региона возникает угроза ухода различных предприятий в другие соседние региональные рынки. По причине отсутствия возможности прохождения транзитного железнодорожного транспорта, наличия разрыва в железнодорожном

коридоре «Север – Юг», недостроенной с советских времен железнодорожной ветки Зеленый Дол (Татарстан) – Котельнич (Кировская область), а также отсутствия электрификации железнодорожной ветки Зеленый Дол (Татарстан) – Яранск (Кировская область) по территории региона данный вид транспорта неэффективен (тупиковая ветка). Но один из возможных путей, который позволит уменьшить нагрузку для регионального бюджета, это решение о передаче в федеральную собственность дороги общего пользования регионального значения Нижний Новгород – Боковая – Йошкар-Ола. А разработка механизмов по снижению цен на электрическую энергию окажет комплексный эффект на регион (повышение инвестиционной привлекательности региона, снижение цен на производимую продукцию, рост налоговых поступлений в бюджеты всех уровней);

в Республике Адыгея – на улучшение качества жизни и ускорение экономического роста путём создания территорий с преференциальными режимами осуществления предпринимательской деятельности, а также на создание других условий для реализации инвестиционных проектов, реализацию «якорного» проекта по созданию горнолыжного курорта с обеспечением необходимого энергоснабжения и иных инвестиционных проектов в сфере туризма, завершение строительства высоковольтной линии 110 кВ «Апшеронская – Самурская» и строительство воздушных линий электропередач 110 кВ «Самурская – Лагонаки», строительство газораспределительной станции «Новый сад», которая позволит подключить новых потребителей к системе газоснабжения, расширение инструментов социальной защиты населения путём повышения доступности и качества услуг социальной сферы;

в Курганской области – на ослабление факторов, тормозящих ускоренное развитие, диверсификацию экономики, повышение производства продукции, обеспечение транспортной доступности, улучшение инженерной инфраструктуры для ИЖС, на создание особых экономических зон (ОЭЗ) промышленно-производственного типа, внедрение регионального экспортного стандарта с разработкой нормативно правовой базы, развитие фармацевтической промышленности, субсидирование первоначальных взносов по договорам лизинга, предоставление займов субъектам предпринимательства, развитие индустриальных парков «brownfield», «greenfield», «Территория областного развития», «Курганский машиностроительный завод» на территории ТОСЭР в г. Катайск, г. Далматово, г. Курган, с. Иковка и др.

Выводы

В основном все проблемные регионы связывает то, что целевые ориентиры установлены на создание эффективной экономики и развитие человеческого капитала. При этом все запланированные финансовые мероприятия, направленные на развитие регионов, планируются за счёт федеральных субсидий. На реализацию основных мероприятий в ИПСЭР предусматривается 1% из бюджета региона, а федеральный бюджет

обеспечивает 99% всех расходов «отобранных» проблемных субъектов до 2024 г. с возможностью пролонгации мероприятий на 2025–2027 гг. Для регионов со слаборазвитой и проблемной экономикой, вошедших в список «отобранных», предоставляются уникальные финансовые возможности. Государственным органам, регулирующим реализацию ИПСЭР проблемных регионов, необходимо унифицировать формы предоставления разрабатываемых комплексных планов развития, требовать качественного составления содержания планов, что может решить проблемы несанкционированных расходов бюджетных средств, а также повысить качество предоставляемых на экспертизу стратегических документов. В проблемных регионах социальные и экономические проблемы зачастую идентичны, отличие лишь в количественных размерах социально-экономических показателей. В результате исследования, проведённого на основе SWOT-анализа ИПСЭР, авторы пришли к выводу, что качественная сторона ИПСЭР пока не на достаточном уровне. У каждого региона внутреннее содержание и проблемы как бы схожи, но при этом возникает трудность при сравнительном выявлении общей картины по алгоритму «мозаики». Необходимо более чётко охарактеризовать положительные позиции территорий: Республика Алтай, Республика Тыва, Алтайский край, Чувашская Республика, Республика Калмыкия, Марий Эл.

Наиболее выгодные позиции вклада в слаборазвитую экономику – это сфера туризма с его рекреационными возможностями. Поэтому регионам необходимо более чётко обозначить данный положительный аспект для привлечения финансовых средств, хотя бы для наращивания притока туристов, которые, приезжая на территорию проблемного региона, будут оставлять там свои сбережения в ходе получения фактических туристических услуг. Качественное представление положительных сторон регионов и их будущих возможностей даёт положительный нюанс слаборазвитым экономикам перед аналогичными агентами в привлечении инвестиционных средств, несмотря на минимизированные масштабы поступления финансовых средств в местные бюджеты. Данные финансовые вливания в слаборазвитую экономику – это не только экономическая помощь бюджетам регионов, но и возможность «на волне» привлечь другие источники финансирования, кроме федеральных источников.

В каждом регионе отражены свои «слабые стороны и риски», но у некоторых регионов, таких как Республика Тыва, Алтайский край, Чувашская Республика, Республика Адыгея, данный аспект отражения информации не полный, хотя по содержательному наполнению ИПСЭР видно, что экономика этих регионов соответствует статусу «слаборазвитости» относительно экономик других, наиболее развитых регионов РФ. Необходимо более чётко конкретизировать моменты, которые необходимо усилить, а в некоторых случаях – ослабить, поскольку регионы вносят изменения по своим результативным показателям, чтобы качественно повысить содержание ИПСЭР. В данном контексте в ИПСЭР «минимизация» мероприятий, возможно, даст более существенные положительные результаты, чем «масштаби-

рование», которое более подойдет для долгосрочных комплексных планов. Эффект минимизации позволит устранить «дублирование» мероприятий – как в среднесрочных, так и в долгосрочных комплексных планах развития регионов. В едином ключе такие недостатки выявляются в сравнительной характеристике SWOT-анализа слаборазвитых экономик. На основе анализа других стратегических региональных документов, таких как «Стратегия социально-экономического развития», можно отдельно выделить путём пролонгации в ИПСЭР на 2025–2027 гг. отрицательные моменты – как необходимые мероприятия, которые должны быть реализованы для достижения экономического роста слаборазвитой экономики (риск нереализации поставленных задач может возникнуть не по вине самого региона, а на фоне мировых колебаний), чтобы поставленные целевые ориентиры по созданию эффективной экономики и развитию человеческого капитала были достигнуты к 2027 г. в слаборазвитых экономиках РФ в среднесрочной перспективе.

Список источников

1. Буланов В. Отношения обмена в воспроизводстве рабочей силы // Вопросы экономики. 1987. № 3. С. 12–21.
2. Ускова Т. В., Лукин Е. В. О перспективах развития региона на основе межрегионального сотрудничества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 3 (45). С. 60–81.
3. Егорова Н. Е. Особенности российской модели малого бизнеса и последствия пандемии COVID-19 // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. № 1. С. 71–85.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021 : стат. сб. / Росстат. М., 2021. 1112 с.
5. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726>.
6. Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/ffccd6ed40dbd803eedd11bc8c9f7571/Plan_po_dostizheniyu_nacionalnyh_celej_razvitiya_do_2024g.pdf.
7. Формирование индивидуальных планов развития территории // Министерство экономического развития Российской Федерации: [официальный сайт]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/formirovanie_individualnyh_planov_razvitiya_territoriy/.
8. Об утверждении Методических рекомендаций по организации работы по разработке индивидуальных программ социально-экономического развития субъектов Российской Федерации с низким уровнем социально-экономического развития : приказ Минэкономразвития России от 25.10.2019 № 698 (ред. от 01.02.2022).

URL: <https://sudact.ru/law/prikaz-minekonomrazvitiia-rossii-ot-25102019-n-698/metodic-heskie-rekomendatsii-po-organizatsii-raboty/ii/>.

9. Об утверждении индивидуальной программы социально-экономического развития Республики Алтай на 2020–2024 годы : распоряжение Правительства РФ от 09.04.2020 года № 937-п. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564652907>.

10. Об утверждении индивидуальной программы социально-экономического развития Республики Карелия на 2020–2024 годы : распоряжение Правительства РФ от 10.04.2020 № 973-п. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564652911>.

11. Об утверждении индивидуальной программы социально-экономического развития Республики Тыва на 2020–2024 годы : распоряжение Правительства РФ от 10.04.2020 № 972-п. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564652912>.

12. Об утверждении индивидуальной программы социально-экономического развития Чувашской Республики на 2020–2024 годы : распоряжение Правительства РФ от 03.04.2020 № 865-п. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564624530>.

13. Об утверждении индивидуальной программы социально-экономического развития Псковской области на 2020–2024 годы : распоряжение Правительства РФ от 08.04.2020 № 926-п. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564647745>.

14. Об утверждении индивидуальной программы социально-экономического развития Республики Калмыкия на 2020–2024 годы : распоряжение Правительства РФ от 12.04.2020 № 992-п. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564654455>.

15. Об утверждении индивидуальной программы социально-экономического развития Республики Марий Эл на 2020–2024 годы : распоряжение Правительства РФ от 08.04.2020 № 927-п. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564641706>.

16. Об утверждении индивидуальной программы социально-экономического развития Республики Адыгея на 2020–2024 годы : распоряжение Правительства РФ от 16.04.2020 № 1043-п. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564719295>.

17. Об утверждении индивидуальной программы социально-экономического развития Алтайского края на 2020–2024 годы : распоряжение Правительства РФ от 08.04.2020 № 928-п. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564647739>.

18. Об утверждении индивидуальной программы социально-экономического развития Курганской области на 2020–2024 годы : распоряжение Правительства РФ от 25.02.2020 № 422-п. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564319131>.

References

1. Bulanov V. Exchange relations in the reproduction of labor force. *Voprosy ekonomiki*, 1987, no. 3, pp.12–21. (In Russ.).

2. Uskova T. V., Lukin E. V. On the prospects for the development of the region on the basis of interregional cooperation. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, 2016, no. 3 (45), pp. 60–81. (In Russ.).

3. Egorova N. E. Features of the Russian small business model and the consequences of the COVID-19 pandemic. *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo*, 2021, no. 1, pp. 71–85. (In Russ.).

4. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2021: statistical collection. Moscow, 2021. 1112 p. (In Russ.).

5. On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030: Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 No. 474. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726>. (In Russ.).

6. A unified plan to achieve the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2024 and for the planned period up to 2030. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/file/ffccd6ed40dbd803eedd11bc8c9f7571/Plan_po_dostizheniyu_nacionalnyh_celej_razvitiya_do_2024g.pdf. (In Russ.).

7. Formation of individual plans for the development of the territory. *Ministry of Economic Development of the Russian Federation: [official site]*. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/formirovanie_individualnyh_planov_razvitiya_territoriy/. (In Russ.).

8. On the approval of the Guidelines for organizing work on the development of individual programs for the socio-economic development of constituent entities of the Russian Federation with a low level of socio-economic development: order of the Ministry of Economic Development of Russia dated 10/25/2019 No. 698 (as amended on 02/01/2022). Available at: <https://sudact.ru/law/prikaz-minekonomrazvitiia-rossii-ot-25102019-n-698/metodicheskie-rekomendatsii-po-organizatsii-raboty/ii/>. (In Russ.).

9. On approval of the individual program for the socio-economic development of the Altai Republic for 2020–2024: Decree of the Government of the Russian Federation dated April 9, 2020 No. 937-r. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/564652907>.

10. On approval of the individual program for the socio-economic development of the Republic of Karelia for 2020–2024: Decree of the Government of the Russian Federation dated April 10, 2020 No. 973-r. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/564652911>. (In Russ.).

11. On approval of the individual program for the socio-economic development of the Republic of Tuva for 2020–2024: Decree of the Government of the Russian Federation No. 972-r dated April 10, 2020. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/564652912>. (In Russ.).

12. On approval of the individual program for the socio-economic development of the Chuvash Republic for 2020–2024: Decree of the Government of the Russian Federation No. 865-r dated April 3, 2020. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/564624530>. (In Russ.).

13. On approval of the individual program for the socio-economic development of the Pskov region for 2020–2024: Decree of the Government of the Russian Federation of 04/08/2020 No. 926-r. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/564647745>. (In Russ.).

14. On approval of the individual program for the socio-economic development of the Republic of Kalmykia for 2020–2024: Decree of the Government of the Russian Federation dated April 12, 2020 No. 992-r. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/564654455>. (In Russ.).

15. On approval of the individual program for the socio-economic development of the Republic of Mari El for 2020–2024: Decree of the Government of the Russian Federation No. 927-r dated April 8, 2020. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/564641706>. (In Russ.).

16. On approval of the individual program for the socio-economic development of the Republic of Adygea for 2020–2024: Decree of the Government of the Russian Federation dated April 16, 2020 No. 1043-r. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/564719295>. (In Russ.).

17. On approval of the individual program for the socio-economic development of the Altai Territory for 2020–2024: Decree of the Government of the Russian Federation of 04/08/2020 No. 928-r. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/564647739>. (In Russ.).

18. On approval of the individual program for the socio-economic development of the Kurgan region for 2020–2024: Decree of the Government of the Russian Federation of February 25, 2020 No. 422-r. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/564319131>. (In Russ.).

Информация об авторах

С. П. Монгуш – младший научный сотрудник, Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, г. Кызыл, Республика Тыва, Россия.

А. Ч. Кылгыдай – научный сотрудник, Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, г. Кызыл, Республика Тыва, Россия.

Information about the authors

S. P. Mongush – Junior Researcher, Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources of Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Kyzyl, Tuva Republic, Russia.

A. Ch. Kylgydai – Researcher, Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources of Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Kyzyl, Tuva Republic, Russia.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 3. С. 73–88.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 3. P. 73–88.

ПОЛИТИКА

Научная статья

УДК 327(470+510:4/5)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/73-88>

МЕНЯЮЩИЙСЯ БАЛАНС СИЛ В ЕВРАЗИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Андрей Игоревич Козинец¹, Марина Олеговна Дмитриева²

^{1,2}Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

¹kozinetc.ai@dvfu.ru

²dmitrieva.mo@dvfu.ru

Аннотация. В статье анализируются ключевые аспекты сотрудничества Российской Федерации и Китайской Народной Республики в Евразии в контексте меняющегося баланса сил в регионе. Большая Евразия рассматривается как новая концепция взаимодействия государств континента, подчёркивающая равноправное сотрудничество и инклюзивность. Центральная Азия (ЦА) является геополитическим ядром Евразии, трансграничным регионом, способным в перспективе обеспечить связанность всего континентального пространства. При этом главным международным институтом как Центральной Азии в частности, так и Евразии в целом сегодня является Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС). В качестве теоретической основы исследования используется концепция баланса сил, являющаяся краеугольной для парадигмы политического реализма в теории международных отношений. Для анализа конкретных международных ситуаций и расстановки сил в регионе авторы обращаются к индексам совокупной силы государств. Классическими и наиболее известными индексами являются Сводный индекс национального потенциала Д. Сингера и Индекс воспринимаемой мощи Р. Кляйна. Для оценки совокупного потенциала государств в данной статье применяется индекс совокупной национальной мощи, созданный тайваньским исследователем Чан Чиньлуном. Подсчёт совокупной мощи государств – членов ШОС по формуле индекса позволяет прийти к ряду выводов. Так, представляется интересной перспектива формирования «треугольника» в Евразии ввиду того, что Китай, Россия и Ин-

дия значительно превосходят по своим материальным возможностям остальные страны региона, при этом их цели и интересы не всегда тождественны.

Ключевые слова: Большая Евразия, Центральная Азия, Шанхайская Организация Сотрудничества, баланс сил, российско-китайское сотрудничество.

Для цитирования: Козинец А. И., Дмитриева М. О. Меняющийся баланс сил в Евразии и перспективы российско-китайского сотрудничества // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 3. С. 73–88. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/73-88>

POLITICS

Original article

THE CHANGING BALANCE OF POWER IN EURASIA AND PROSPECTS FOR RUSSIAN-CHINESE COOPERATION

Andrei I. Kozinets¹, Marina O. Dmitrieva²

^{1, 2}Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

¹kozinetc.ai@dvfu.ru

²dmitrieva.mo@dvfu.ru

The article is devoted to the key aspects of cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China in Eurasia in the context of the changing balance of power in the region. Greater Eurasia is viewed as a new concept of interaction and collaboration between the states of the continent, which emphasizes equal cooperation and inclusiveness. Central Asia is the geopolitical core of Eurasia, a cross-border region capable of ensuring the connectivity of the entire continental space in the prominent future. At the same time, the Shanghai Cooperation Organization is currently the main international institution of both Central Asia in particular and Eurasia in general. The theoretical basis of the research relies on the concept of the balance of power, which is the cornerstone for the paradigm of political realism in the International Relations Theory. The authors refer to different indices of the aggregate strength of states for the purposes of calculation of regional balance of power. The classic and most known indices are the Composite Index of National Potential by D. Singer and the Index of Perceived Power by R. Klein. In order to assess the aggregate potential of states, this article uses the index of aggregate national power created by the Taiwanese researcher Chang Chin-Lung. The calculation of total power of the SCO member states using the index formula has led to a number of conclusions. Therefore, the prospect of forming a 'triangle' in Eurasia seems

to be interesting due to the fact that in terms of their material capabilities China, Russia and India are significantly superior to other countries in the region, while their goals and interests are not always identical.

Keywords: Bigger Eurasia, Central Asia, Shanghai Cooperation Organization, Balance of Power, Russian-Chinese cooperation.

For citation: Kozinets A. I., Dmitrieva M. O. The changing balance of power in Eurasia and prospects for Russian-Chinese cooperation // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 3. P. 73–88. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/73-88>

Введение

Большая Евразия представляет собой концепцию нового типа взаимодействия государств континента. Данное взаимодействие нацелено на всеобъемлющее и равноправное сотрудничество евро-азиатских государств, их экономическое развитие и усиление «голоса» на международной арене. Как отмечает С. Караганов, Большая Евразия является основой геостратегической идентичности России, а также связующим элементом нового мегапроекта континентальных государств и их организаций [1]. Большая Евразия включает в себя страны Северо-Восточной, Юго-Восточной, Южной и, конечно же, Центральной Азии, которая выступает в качестве геополитического и геоэкономического ядра формирующегося евразийского сообщества.

В данной статье подразумевается, что ЦА – это регион, состоящий из пяти постсоветских государств – Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан и Кыргызстан. После распада Советского Союза эти страны вынуждены были столкнуться с рядом вызовов и необходимостью решения сложных задач, таких как: государственное строительство, налаживание партнёрских отношений, конкуренция за ресурсы (например – водные), преодоление имущественного расслоения общества, противодействие экстремизму.

При этом ЦА представляет собой трансграничный регион [2], который при реализации позитивного сценария социально-экономического развития и политической стабильности в центральноазиатских государствах, а также снижении вызовов и угроз в сфере безопасности способен стать системообразующим элементом для обеспечения *связанности* (от англ. *connectivity*) пространства Большого Евразийского партнёрства, в том числе промышленных центров Восточной и Южной Азии с международными рынками сбыта.

В случае реализации негативного сценария ЦА, наоборот, рискует превратиться в своеобразный *инсулятор* [3], разделяющий континент на западную и восточную часть, на север и на юг, а также блокирующий большую часть возможных трансконтинентальных связей.

Всё вышеизложенное убедительно демонстрирует, что для успешной реализации инициативы Большого Евразийского партнёрства необходимо обеспечить выстраивание инклюзивных и равноправных форматов межгосударственного сотрудничества в евразийском «ядре» – Центральноазиатском регионе. Для этого нужно учитывать как интересы участников, так и их объективные возможности к реализации своих интересов.

Концепция баланса сил

Концепция баланса сил занимает одно из ключевых мест в теории международных отношений, будучи особенно популярной у последователей школы политического реализма. Баланс сил представляет собой распределение влияния между отдельными акторами на международной арене, образующими полюса силы, что позволяет характеризовать международную систему как однополярную, биполярную или многополярную, в зависимости от имеющегося соотношения сил ведущих держав. Данная концепция может применяться как к анализу ситуации на глобальном уровне, так и в отношении отдельных регионов.

Классическими работами по балансу сил являются труды М. Каплана [4] и К. Уолтца [5]. Важное место данная концепция занимает и в работах российских исследователей, среди которых можно выделить А. Богатурова [6], Д. Дегтерёва [7, с. 448–509], И. Тимофеева [8].

Для применения концепции баланса сил в анализе конкретных международных ситуаций используются различные формализованные модели баланса сил и индексы силы (мощи) стран. Благодаря этому становится возможным сводить всю совокупность внешнеполитических ресурсов государства к языку цифр, что позволяет претендовать на некоторый уровень объективности получающихся оценок. К наиболее известным индексам такого рода относятся Сводный индекс национального потенциала Д. Сингера [9] и Индекс воспринимаемой мощи Р. Кляйна [10].

Для оценки совокупного потенциала государств в данной работе используется индекс совокупной национальной мощи, выведенный тайваньским исследователем Чан Чиньлуном, который в своём исследовании модернизировал методику Кляйна [11].

Индекс совокупной национальной мощи рассчитывается по следующей формуле:

$$\text{Power} = \frac{\text{Critical Mass} + \text{Economic Strength} + \text{Military Strength}}{3},$$

где *Power* – совокупная мощь государства; *Critical Mass* – критическая масса, определяемая как сумма отношения численности населения страны к общемировой и отношения размеров территории страны к общемировой; *Economic Strength* –

экономическая сила, определяемая как отношение национального ВВП к общемировому; Military Strength – военная сила, определяемая как отношение национальных военных расходов к общемировым. При этом в данном индексе также применяются мультипликаторы (коэффициенты), позволяющие отразить пропорциональность каждой из трёх сфер совокупной национальной мощи. Так, элементы критической массы умножаются на 100, а элементы экономической и военной силы – на 200, что подчеркивает первостепенное значение национальной военной и экономического секторов в структуре внешнеполитических ресурсов.

По представленной формуле будет рассчитан индекс совокупной мощи государств – членов ШОС, так как на сегодняшний день именно в ней представлено большинство евразийских держав, а сама организация является площадкой для согласования интересов и выработки общих подходов в решении международных проблем на обширном пространстве Евразии.

Интересы России и Китая в Центральной Азии

Россия традиционно является важным игроком в ЦА. Со второй половины XIX века Российская Империя была активнейшим образом вовлечена в политические и социально-экономические процессы в регионе. При этом, родоплеменные объединения казахов (Старший, Средний и Младший жуз) вошли под российское покровительство значительно раньше – в 1731-м, 1732-м и 1822-м годах соответственно [12]. В дальнейшем территория ЦА входила в состав Российской Империи и Советского Союза.

После распада Советского Союза ЦА не потеряла свою значимость для России, хоть её влияние и снизилось, а регион стал привлекать большое внимание для ряда внешних игроков, включая США, Турцию, Иран. Тем не менее, Российская Федерация может и сегодня считаться определяющим региональным игроком. Этому способствуют полтора века общей истории, некоторая схожесть политических систем, по-прежнему высокая распространенность русского языка в центральноазиатских странах [13].

Роль России для региона определяется самой протяжённой в мире непрерывной сухопутной границей между РФ и Казахстаном (7 598,8 км), масштабной трудовой и образовательной миграцией, связанностью инфраструктуры с советских времен, включая транспортные развязки и узлы. На протяжении последних 30 лет Россия играет ключевую роль в обеспечении региональной безопасности и противодействии международному терроризму и экстремизму. Так, Российской Федерацией были приложены немалые усилия в стабилизации ситуации в Таджикистане в годы проходившей там гражданской войны – 1992–1997 гг. Позитивная роль России в обеспечении политической стабильности стран региона проявилась и в январе 2022 г., во время массовых протестов, проходивших в Казахстане. Российская

сторона отправила наибольшее число единиц техники и личного состава в рамках миротворческой миссии Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ), запрошенной казахстанскими властями для помощи в урегулировании кризисной ситуации.

Российская Федерация также является лидером по участию в региональных институтах ЦА. Страны региона входят в интеграционные структуры, возглавляемые Москвой, – ЕАЭС и ОДКБ. В Шанхайской организации сотрудничества Россия также играет важную роль. В настоящее время РФ вместе с другими членами Евразийского Союза предпринимают меры, которые направлены на уменьшение последствий, связанных с негативным воздействием западных санкций в отношении России. Так, в марте 2022 г. было принято Распоряжение Совета ЕЭК от 17.03.2022 № 12 «О реализации мер по повышению устойчивости экономик государств – членов Евразийского Экономического Союза, включая обеспечение макроэкономической стабильности» [14].

Учитывая тот факт, что у России в настоящих условиях становится меньше возможностей для развития экономического развития в регионе, ОДКБ может стать ведущей организацией по продвижению национальных интересов РФ в ЦА.

Говоря о значении ЦА для Китая, нельзя не принимать во внимание, что на нынешнем этапе развития китайской внешней политики на первый план вышла «периферийная дипломатия» (周边外交 – Zhōubiān wàijiāo). Она представляет собой «дипломатию добрососедства» по-китайски: периферия не рассматривается в качестве чего-то отсталого и ненужного, а наоборот, позиционируется в качестве значимого направления внешней политики и дипломатии. Если при четвёртом поколении руководства КНР во главе с Ху Цзиньтао применялась формула «великие державы – это ключ, а периферия – приоритет» [15], то сегодня официальный Пекин делает однозначный упор на своих ближайших соседей.

Опираясь на официальные заявления Председателя КНР, можно выделить как минимум два основных направления «периферийной дипломатии». Во-первых, она способствует достижению краеугольной цели всей политики КПК последних десятилетий – великому возрождению китайской нации. Во-вторых, она способствует продвижению концепции «сообщества единой судьбы» человечества на международной арене [16].

Помимо прочего, интересы Китая в развитии добрососедских отношений со странами ЦА обусловлены нуждами собственного экономического развития. Регион обладает значительными запасами сырьевых ресурсов, в которых нуждается экономика Поднебесной. ЦА в перспективе может стать важным рынком сбыта китайских товаров и услуг, а также важной транспортной артерией, позволяющей осуществлять бесперебойные поставки из Китая в Европу, минимизируя зависимость от морских торговых путей, в значительной мере подконтрольных ВМФ Соединенных Штатов

Америки. Важность региона во внешнеполитической и экономической стратегии КНР была наиболее явно ознаменована тем фактом, что о главном мегапроекте современного Китая – «Экономическом поясе Шёлкового пути» впервые было объявлено Председателем Си в крупнейшей стране региона Казахстане [17].

ШОС как главная институциональная платформа Евразии

ШОС сегодня становится естественным центром притяжения для Большой Евразии на институциональном уровне. За последние годы ШОС эволюционировала из региональной структуры в площадку для обсуждения проблем глобального уровня. После вхождения в 2017 г. Индии и Пакистана в ШОС в качестве полноправных членов Организация стала крупнейшим в мире объединением по общей площади и численности населения. На экономики стран ШОС приходится около четверти мирового валового продукта.

Сегодня первоочередной задачей для ШОС становится обеспечение новых направлений регионального сотрудничества и развития в условиях растущей глобальной неопределённости и роста числа международных рисков. Однако благодаря увеличению числа государств-членов совокупная мощь ШОС в мире может возрасти, что, в свою очередь, позволит выходить на уровень решений более амбициозных целей [18]. К последним может относиться и продвижение Большого Евразийского партнёрства.

В 2022 г. председателем организации был Узбекистан, который проводит прагматичную политику по налаживанию связей и транспортных коридоров Центральной и Южной Азии, нормализации отношений между соседями региона. К саммиту ШОС, прошедшему в Самарканде 15–16 сентября, было приковано внимание мировой общественности по ряду причин: это был первый очный формат проведения мероприятия после начала пандемии; было интересно, насколько страны «не-запада» сплочены и способны решать актуальные проблемы. Если обратиться к выступлениям глав государств Центральной Азии на встречах в рамках саммита, можно заметить, что они поднимали одни и те же вопросы с большим или меньшим акцентом на отдельные моменты. К ним относятся: обеспечение безопасности в зоне действия и по периметру организации, проблемы терроризма, экстремизма и наркотрафика, урегулирование афганской проблемы, вопросы логистической взаимосвязанности и строительства новых маршрутов, сопряжения интеграционных проектов, активизации экономического и инвестиционного сотрудничества, развития IT сферы и цифровизации, проблема изменения климата, культурное взаимодействие. Все страны-члены согласны, что ШОС необходимо приложить усилия для реализации своего потенциала.

Если взаимодействие Москвы и Пекина в рамках ОДКБ находится ещё только на стадии становления, то сотрудничество в формате ШОС имеет уже

давнюю историю, которая была не всегда безоблачной – разногласия по некоторым вопросам (например, о создании зоны свободной торговли) давали почву для предположений о скором скатывании организации до уровня клуба по интересам. Сейчас, когда Россия и Китай развивают формы взаимодействия в регионе, ШОС представляется возможность стать точкой сопряжения интеграционных проектов РФ и КНР – Евразийского Союза и инициативы Пояса и Пути. Кроме того, страны – члены ШОС демонстрируют единый подход в отношении Талибана¹ и устройства Афганистана. К настоящему времени Китай, Пакистан, Узбекистан, Россия и Туркменистан аккредитовали дипломатов от Талибана без политического признания. По всей видимости, это можно считать шагом в достижении регионального консенсуса с последующим полноценным признанием нынешних афганских властей.

Говоря о политике Китая в ШОС, можно отметить некоторый отход от активного участия в ней. Пекин в последние годы уделял больше внимания своему флагманскому проекту – инициативе Пояса и Пути. В отношении стран ЦА стоит отметить, что они занимают значимую роль в осуществлении многих проектов инициативы. Однако власти КНР остались верными своей тактике, придавая большее значение двустороннему взаимодействию в противовес многостороннему сотрудничеству. Несмотря на ожидания стан региона, Китай не стал вкладываться в социальные проекты, реализуя только те, которые были интересны ему самому. В своей речи на заседании Совета глав государств – членов ШОС Си Цзиньпин обратил внимание на то, что «Важно не допустить попыток внешних сил провоцировать «цветные революции», совместно противодействовать вмешательству во внутренние дела других стран под каким бы то ни было предлогом, держать судьбу страны в своих руках» [19].

Россия видит широкие возможности для развития политического, экономического и гуманитарного развития в рамках ШОС. Позитивно оценивается наращивание роли ШОС в поддержании мира и стабильности на пространстве всей Евразии. В своём выступлении на заседании Совета глав государств – членов ШОС Президент В. Путин отметил внеблоковый статус Организации, её открытость к взаимодействию с любыми странами, выступил за скорейшее завершение вступления Ирана в состав полноформатных членов ШОС, начало приёма в состав членов организации Республики Беларусь, а также поприветствовал получение статуса партнёра по диалогу ШОС Египтом, Катаром, Саудовской Аравией [20].

---

¹ Организация, запрещённая в РФ.

Выводы о региональном балансе сил

Помимо оценки субъективных мотиваций, заявлений и действий акторов, для комплексного понимания региональной архитектуры и меняющегося баланса сил резонно рассмотреть объективный потенциал государств. Наличие тех или иных внешнеполитических ресурсов (к которым относятся военный потенциал, экономические, демографические, географические ресурсы, а также элементы «мягкого влияния») в значительной мере определяет возможности государств на международной арене [2]. Соответственно, принятие этих объективных факторов во внимание может быть весьма полезным как для целеполагания в области внешней политики, так и для понимания возможных перспектив динамики международных отношений в том или ином регионе.

Примечательно, что в момент возникновения современной геополитической конфигурации ЦА, когда регион перестал быть внутренним регионом СССР (когда политические, экономические, а также вопросы безопасности обеспечивались из одного центра), расположенные здесь новые независимые государства обладали более высоким уровнем жизни, нежели соседняя Китайская Народная Республика. Так, согласно данным Всемирного Банка, в 1992 г. номинальный ВВП на душу населения¹ в КНР был ниже, чем у Таджикистана, который находился на последнем месте среди центральноазиатских республик по этому показателю. Однако все последние 30 лет экономика Китая росла значительно более высокими темпами, позволив Поднебесной выйти на лидирующие позиции, опережая в том числе и Российскую Федерацию по этому показателю. Изменения в уровнях подушевого ВВП в КНР, РФ и государствах ЦА представлены ниже (рис. 1).

Общеизвестно, что КНР сегодня обладает крупнейшим ВВП, рассчитанным по паритету покупательной способности, и вторым – по номинальному. Сегодня китайская экономика превосходит совокупный размер экономик всего объединения ЕАЭС. Это позволяет рассматривать Китай в качестве главного игрока в ЦА и в Евразии в целом. Тем не менее, в сфере внешнеторговых связей государств ЦА однозначного доминирования Китая не наблюдается. Наоборот, по итогам 2021 г. Российская Федерация являлась главным торговым партнёром для Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана. Сравнение объёмов торговли государств ЦА с РФ и КНР, согласно данным официальных ведомств, представлено ниже (рис. 2).

Однако о соотношении сил в регионе невозможно судить, опираясь только на какой-то один индикатор. Используя индекс совокупной национальной мощи, рассмотрим получившееся соотношение, для удобства представленное в виде табл. 1.

---

¹ Рассчитанный в текущих долларах США.

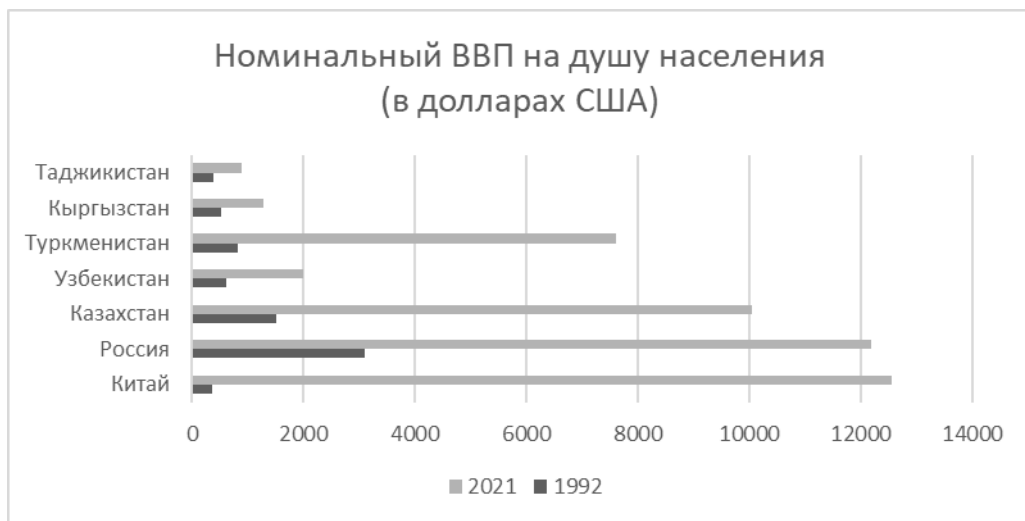

Рис. 1. Номинальный ВВП на душу населения в КНР, РФ и государствах ЦА в 1992 г. и 2021 г.

Источник: Составлено авторами по материалам Группы всемирного банка:
<https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?end=2021&locations=RU-CN-KZ&start=1992>

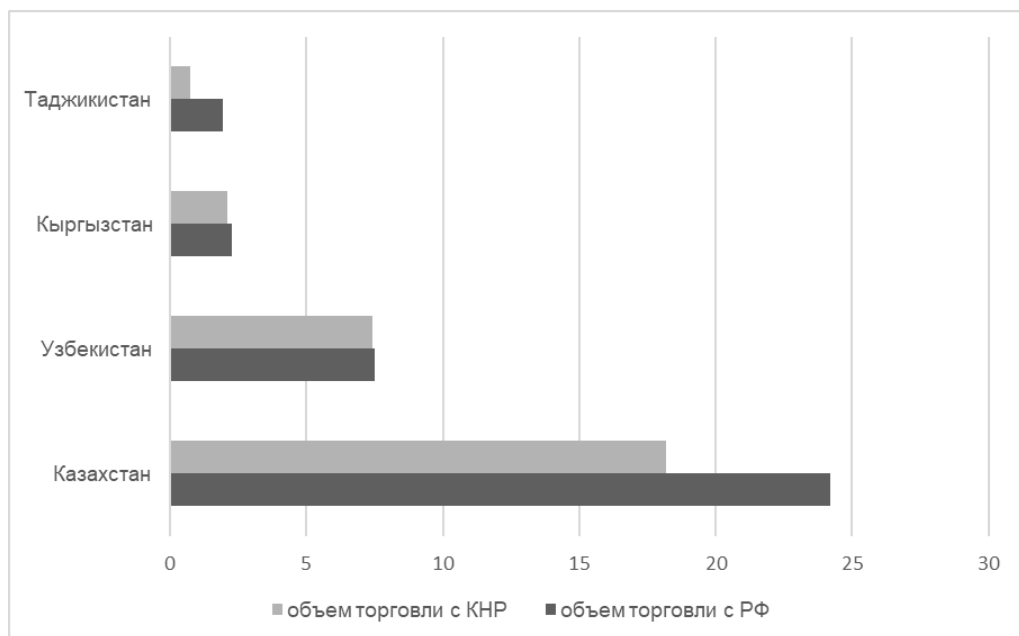

Рис. 2. Объём торговли стран ЦА с РФ и КНР в 2021 г., млрд долл.

Источник: Составлено авторами на основе официальной статистики [21; 22; 23; 24; 25]

Таблица 1

Индекс совокупной национальной мощи стран ШОС

Страна	Значение индекса совокупной национальной мощи
Китай	27,51
Россия	10,76
Индия	10,46
Пакистан	1,69
Казахстан	0,95
Узбекистан	0,30
Кыргызстан	0,08
Таджикистан	0,08

Источник: Составлено авторами по методике Индекса совокупной национальной мощи [11] при использовании данных Группы всемирного банка: <https://data.worldbank.org/> и Global FirePower Index: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php>

Значение индекса позволяет прийти к интересным выводам. Во-первых, речь идёт о более чем двукратном отрыве Китая от стран, ближайших по значению индекса совокупной национальной мощи, – России и Индии. Причём, Китай занимает первое место по всем трём базовым показателям данного индекса, особенно выходясь над остальными в сфере экономической силы (пятикратный отрыв от занимающей второе место по этому показателю Индии). Во-вторых, результаты России и Индии близки. Громадное население позволяет Индии опережать РФ по показателю критической массы, Индия также опережает Россию в сфере экономической силы благодаря большему ВВП. Сильной стороной РФ в этом индексе выступает показатель военной мощи, где она занимает второе место.

Тем самым получается, что, исходя из совокупной национальной мощи государств, мы можем говорить о потенциальном «треугольнике» на пространстве Евразии. Сегодня уже не представляется возможным рассматривать регион ЦА и ШОС как его главную институциональную платформу в виде «дуумвирата» Москвы и Пекина. Расширение членства ШОС убедительно показывает растущий интерес всё большего числа международных акторов к евразийским и центральноазиатским процессам. Новые участники привносят своё видение и будут стараться реализовать свои национальные интересы. С другой стороны, подобные преимущественно материальные показатели также не стоит абсолютизировать, так как очень многое зависит и от политической воли, мотивации и готовности к вовлечённости в решение региональных проблем. В этой связи дополнительного внимания и изучения заслуживает внешнеполитическая и экономическая стратегия Индии в Евразии (и Центральной Азии, в частности) так как её внешнеполитический потенциал не вызывает сомнений.

Заключение

Подводя итоги, можно сделать вывод, что наибольшим ресурсом для реализации своих национальных интересов и подходов к развитию региональной архитектуры обладает Китайская Народная Республика. «Вес» Китая в регионе в значительной мере обусловлен экономической мощью.

По-видимому, для РФ нет особого смысла каким-либо образом пытаться противостоять росту китайского экономического влияния в ЦА из-за обозначенного выше разрыва в материальном потенциале. Правильным и обоснованным является решение о сопряжении стратегии развития ЕАЭС, где ведущую роль играет Россия, с китайской инициативой «Пояса и Пути». Многосторонние и инклюзивные подходы к развитию регионального сотрудничества в полной мере соответствуют интересам и России, и центральноазиатских государств.

Тем не менее, существуют политико-институциональные риски, обусловленные, в первую очередь, высокой восприимчивостью структуры ЕАЭС к внешним шокам. Возможно появление разногласий между участниками процесса евразийской интеграции в том случае, если Пекин будет усиливать упор на двусторонние форматы инвестиционного, торгового, инфраструктурного сотрудничества со странами ЦА, а особенно – если региональные государства окажутся в ситуации прямой конкуренции друг с другом за китайские финансы. Этот сценарий может иметь существенные негативные последствия как для общей атмосферы доверия в регионе, так и для интересов Российской Федерации в данном направлении.

В настоящее время Россия стремится продвигать интеграционные проекты для поддержания своей роли в ЦА, в то время как Китай, не пренебрегая ими, старается действовать в двустороннем формате. При этом республики региона продолжают проводить многостороннюю внешнюю политику, диверсифицируя связи с внешним миром. В условиях, когда мир поляризуется, сохранять такое поведение становится всё более проблематично. Показателен пример Казахстана, официальные лица которого были вынуждены несколько раз прояснять позицию страны по вопросу поддержки действий России на Украине. Во многом это обусловлено тем, что санкции, которые введены против России, автоматически бьют и по Казахстану.

Если страны ЦА и не выразили поддержку действиям России на Украине, они и не поддержали санкции, которые были введены против неё. Так, в ходе голосования в Генеральной Ассамблее ООН за проект резолюции, предлагавшей исключить РФ из Совета по правам человека ООН, страны ЦА проголосовали против. Очевидно, что республики региона будут придерживаться нейтральной и многовекторной позиции так долго, как это будет возможно. Внерегиональные акторы, почувствовав возможность нарастить свое влияние и ослабить влияние России и Китая, будут стараться активно действовать в Центральной Азии. Ряд визитов официальных лиц Соединенных Штатов, Европейского Союза, Японии в конце лета – начале осени

2022 г. наглядно демонстрируют этот тезис. Очевидно, что Москва и Пекин выступают общим блоком для минимизации этого влияния.

Список источников

1. Караганов С. От поворота на Восток к Большой Евразии // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ot-povorota-na-vostok-k-bolshoj-evrazii/>.
2. Волынчук А. Б. Трансграничный регион: теоретические основы геополитического исследования // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 4(8). С. 49–55.
3. Buzan B., Weaver O. Regions and Powers. The Structure of International Security. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. P. 63–65.
4. Kaplan M. Balance of power, bipolarity and other models of international systems // The American Political Science Review. 1957. Vol. 51 (03). P. 684–695.
5. Waltz K. International Structure, National Force, and the Balance of World Power // Journal of International Affairs. 1967. Vol. 21 (02). P. 215–231.
6. Богатуров А. Д. Плюралистическая однополярность и интересы России // Свободная мысль. 1996. № 2. С. 24–36.
7. Дегтерёв Д. А. Количественные методы в прикладном анализе международных отношений : дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.04. М., 2019. 644 с.
8. Тимофеев И. Н. Баланс сил, взаимозависимость и идентичность: конкуренция эмпирических моделей решения дилеммы безопасности // Вестник МГИМО–Университета. 2008. № 3. С. 48–59.
9. Singer D. Reconstructing the Correlates of War Dataset on Material Capabilities of States, 1816–1985 // International Interactions. 1987. Vol. 14 (02). P. 115–132.
10. Cline R. The Power on Nations in the 1990s: A Strategic Assessment. Lanham: University Press of America, 1994. 152 p.
11. Chang C. A. Measure of National Power // Analytické Centrum. URL: <https://www.analytickecentrum.cz/upload/soubor/original/measure-power.pdf>.
12. Письмо Западно-Сибирского генерал-губернатора управляющему МИД К. Нессельроде по вопросу о присоединении Старшего жуза к России // Восточная Литература. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XVIII/1760-1780/Kazach_rus_17_18/101-120/115.htm.
13. Лукин В. А. Возвышающийся Китай и будущее России. Работы о Китае и российско-китайских отношениях. М. : Международные отношения, 2018. 792 с.
14. Евразийская экономическая комиссия. Распоряжение Совета ЕЭК №12 «О реализации мер по повышению устойчивости экономик государств – членов Евразийского экономического союза, включая обеспечение макроэкономической стабильности». URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01431501/err_18032022_12.
15. Песцов С. К. Регионализм и новая периферийная политика Китая // Мировая политика. 2017. № 3. С. 103–118.

16. 五年来, 习近平这样谈周边外交 // Xinhua. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/xxjxs/2018-10/25/c_1123609951.htm. В течение пяти лет Си Цзиньпин подобным образом говорил о Центральной Азии.

17. Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев университете (полный текст). Посольство Китайской Народной Республики в Республике Казахстан. URL: http://kz.china-embassy.gov.cn/rus/zhgx/201309/t20130916_1045309.htm.

18. Кулинцев Ю. ШОС во внешнеполитической стратегии России // Российский совет по международным делам. 2 октября 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/shos-vo-vneshnepoliticheskoy-strategii-rossii/>.

19. Полный текст выступления председателя КНР Си Цзиньпина на 22-м заседании Совета глав государств – членов ШОС // Синьхуа Новости. URL: <https://russian.news.cn/20220916/2cd9a2c37d0345e5b84c004ff6d70cf3/c.html>.

20. Выступление Президента России на заседании Совета глав государств – членов ШОС в расширенном составе // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69361>.

21. Внешнеэкономическая деятельность // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <http://www.stat.kg/ru/statistics/vneshneekonomicheskaya-deyatelnost/>.

22. О внешней торговле в 2021 году // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/26_23-02-2022.html.

23. Товарооборот Казахстана за 2021 год составил \$105,5 млрд // Единая платформа интернет-ресурсов госорганов Казахстана. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mti/press/news/details/326171?lang=ru>.

24. Торговые партнёры Республики Таджикистан // Портал Министерства экономического развития и торговли Республики Таджикистан. URL: <https://tajtrade.tj/menu/28?l=ru>.

25. O'zbekiston Respublikasi tashqi savdo aylanmasi (2021- yil yanvar-dekabr) // O'zbekiston Respublikasi Davlat Statistika Qo'mitasi URL: <https://stat.uz/uz/matbuot-markazi/qo-mita-yangiliklar/17059-o-zbekiston-respublikasi-tashqi-savdo-aylanmasi-2021-yil-yanvar-dekabr>. Внешнеторговый оборот Республики Узбекистан (январь-декабрь 2021г.). Государственный Комитет Республики Узбекистан по статистике.

26. Мальгин А. Внешнеполитические ресурсы России и пределы их реализации // Pro et Contra. 2001. № 4. С. 94–117.

References

1. Karaganov S. From the turn to the East to Greater Eurasia. *Rossiya v global'noi politike*. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/ot-povorota-na-vostok-k-bolshoj-evrazii/>. (In Russ.).

2. Volynchuk A. B. Cross-border region: theoretical foundations of geopolitical research. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 2009, no. 4 (8), pp. 49–55. (In Russ.).
3. Buzan B., Weaver O. *Regions and Powers. The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. pp. 63–65. (In Engl.).
4. Kaplan M. Balance of power, bipolarity and other models of international systems. *The American Political Science Review*. 1957. Vol. 51 (03), pp. 684–695. (In Engl.).
5. Waltz K. International Structure, National Force, and the Balance of World Power. *Journal of International Affairs*, 1967, vol. 21(02), pp. 215–231. (In Engl.).
6. Bogaturov A. D. Pluralistic unipolarity and interests of Russia. *Svobodnaya mysl'*, 1996, no. 2, pp. 24–36. (In Russ.).
7. Degtarev D. A. *Quantitative methods in applied analysis of international relations: Dis. Dr. (Polit. Sci)*. Moscow, 2019. 644 p. (In Russ.).
8. Timofeev I. N. Balance of power, interdependence and identity: competition of empirical models for solving the security dilemma. *Vestnik MGIMO–Universiteta*, 2008, no. 3, pp. 48–59. (In Russ.).
9. Singer D. Reconstructing the Correlates of War Dataset on Material Capabilities of States, 1816–1985 // *International Interactions*. 1987 Vol. 14(02). P. 115–132. (In Engl.).
10. Cline R. *The Power on Nations in the 1990s: A Strategic Assessment*. Lanham: University Press of America, 1994. 152 p. (In Engl.).
11. Chang C. A. Measure of National Power. *Analytické Centrum*. Available at: <https://www.analytickecentrum.cz/upload/soubor/original/measure-power.pdf>. (In Engl.).
12. Letter from the West Siberian Governor-General to the Foreign Ministry Manager K. Nesselrode on the question of joining the Senior Zhuz to Russia. *Vostochnaya Literatura*. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Documenty/M.Asien/XVIII/1760-1780/Kazach_rus_17_18/101-120/115.htm. (In Russ.).
13. Lukin V. A. *Towering China and the future of Russia. Works about China and Russian-Chinese relations*. Moscow: International relations, 2018. 792 p. (In Russ.).
14. Eurasian Economic Commission. Decree of the EEC Council No. 12 «On the implementation of measures to increase the stability of the economies of the Member States of the Eurasian Economic Union, including ensuring macroeconomic stability». Available at: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01431501/err_18032022_12. (In Russian).
15. Pestsov S. K. Regionalism and the new peripheral policy of China. *Mirovaya politika*, 2017, no. 3, pp. 103–118. (In Russ.).
16. For five years, Xi Jinping spoke about Central Asia in this way. *Xinhua*. Available at: http://www.xinhuanet.com/politics/xxjxs/2018-10/25/c_1123609951.htm. (In Chinese).
17. Speech by Chinese President Xi Jinping at Nazarbayev University (full text). Embassy of the People's Republic of China in the Republic of Kazakhstan. Available at: http://kz.china-embassy.gov.cn/rus/zhgx/201309/t20130916_1045309.htm. (In Russ.).

18. Kulintsev Y. SCO in Russia's foreign policy strategy. *Russian Council for International Affairs*, October 2, 2020. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/shos-vo-vneshnepoliticheskoy-strategii-rossii/>. (In Russ.).

19. Full text of Chinese President Xi Jinping's speech at the 22nd meeting of the SCO Council of Heads of State. *Xinhua News*. Available at: <https://russian.news.cn/20220916/2cd9a2c37d0345e5b84c004ff6d70cf3/c.html>. (In Russ.).

20. Speech by the President of Russia at a meeting of the Council of Heads of State – Members of the SCO in an expanded format. *Official website of the President of Russia*. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/69361>. (In Russ.).

21. Foreign economic activity. *National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic*. Available at: <http://www.stat.kg/ru/statistics/vneshneekonomicheskaya-deyatelnost/> (In Russ.).

22. On foreign trade in 2021. *Federal State Statistics Service*. Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/26_23-02-2022.html. (In Russ.).

23. The trade turnover of Kazakhstan for 2021 amounted to \$105.5 billion. *Unified platform of Internet resources of state bodies of Kazakhstan*. Available at: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mti/press/news/details/326171?lang=ru>. (In Russ.).

24. Trade partners of the Republic of Tajikistan. *Portal of the Ministry of Economic Development and Trade of the Republic of Tajikistan*. Available at: <https://tajtrade.tj/menu/28?l=ru>. (In Russ.).

25. Foreign trade turnover of the Republic of Uzbekistan (January-December 2021). Available at: <https://stat.uz/uz/matbuot-markazi/qo-mita-yangiliklar/17059-o-zbekiston-respublikasi-tashqi-savdo-aylanmasi-2021-yil-yanvar-dekabr>. (In Uzbek).

26. Malgin A. Foreign policy resources of Russia and the limits of their implementation. *Pro et Contra*, 2001, no. 4, pp. 94–117. (In Russ.).

Сведения об авторах

А. И. Козинец – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

М. О. Дмитриева – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Information about the authors

A. I. Kozinets – Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

M. O. Dmitrieva – Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer at the Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 3. С. 89–99.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 3. P. 89–99.

Научная статья

УДК 321

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/89-99>

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ: ПОИСК ДОКТРИНАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ

Рашид Мухтарович Магомедов

Северо-Кавказский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия, gashidrpa@mail.ru

Аннотация. Автором выделены и рассмотрены доктринально-методологические основания исследования политической целостности. Политическая целостность представлена в качестве многофакторного образования, многоуровневой модели, включающей институционально-политический и институционально-правовой уровни, политико-ментальные и политико-культурные компоненты, аксиологические кластеры, а также соответствующих политических акторов (государство в целом, властные элиты). В рамках рассмотрения вопроса о природе и особенностях социально-политической целостности, способах её достижения и сохранения анализируются место и роль конвергенционных и дивергенционных процессов, имеющих место в интеграционных политико-правовых трендах прошлого и настоящего, влияющих на разного рода институциональные трансформации и метаморфозы, ценностную эволюцию и т. п.

Ключевые слова: политическая целостность, политические институты, властные элиты, государство, политические процессы, конвергенция, дивергенция, политическая система, политические архетипы.

Для цитирования: Магомедов Р. М. Социально-политическая целостность: поиск доктринальных оснований // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 3. С. 89–99. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/89-99>

Original article

SOCIO-POLITICAL INTEGRITY: SEARCH FOR DOCTRINAL BASES

Rashid M. Magomedov

North Caucasian Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation),
Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia, rashidrpa@mail.ru

Abstract. The article defines and reviews the doctrinal and methodological bases of political integrity studies. The political integrity is presented as multiple-factor education, the multilevel model including institutional political, institutional, and legal levels, political-mental and political-cultural components, the corresponding political actors (the state in general, imperious elite), as well as axiological clusters. Within reviewing the nature and features of socio-political integrity, the study analyzed the ways of its achievement and preservation the place and role of convergent and divergent processes involved in the integration political and legal trends of the past and the present influencing various institutional transformations and metamorphoses, value evolution, etc.

Keywords: political integrity, political institutes, imperious elite, state, political processes, convergence, divergence, political system, political archetypes.

For citation: Magomedov R. M. Socio-political integrity: search for doctrinal bases // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 3. P. 89–99. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/89-99>

Насколько бы ни была революционна (или, наоборот, консервативна) та или иная политическая доктрина, последняя так или иначе выстраивается вокруг ключевой проблемы – *политической целостности*, и с этим трудно спорить. Это положение дел во многом определяется местом и ролью последней в любом политическом или государственно-правовом (политико-правовом) пространстве, в котором именно политическая целостность и является его базовой качественной характеристикой, имплицитно институциональную конфигурацию, порядок и многообразие результатов имеющих место властных отношений, сохранение политических (политико-ментальных) констант и уровень их воздействия на сохранение и устойчивое развитие национальной политической жизни и т. п.

Ясно также, что политическую целостность особым образом конструируют (властные элиты и др.), воспроизводят, охраняют, различным образом (идейно, ма-

териально, в силовом порядке и т. п.) укрепляют, а определенные политические (имеющие характер «движущих» в условиях реформ либо революций) силы с ней борются, разрушают, «ниспровергают», правда, чтобы затем опять же построить принципиально новую целостность, более или менее радикально отличающуюся от предшествующего политического проекта (этот аспект, причём весьма ярко и поэтично, выразили, например, классики марксизма в «Манифесте коммунистической партии» [1], в котором даже буржуазия представлена в виде «революционного разрушителя», т. к. «повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения...», тем более этот «разрушающий» опыт должен быть взят на вооружение новым революционным классом – пролетариатом).

Однако все эти радикальные и охранительные, фундаменталистские¹ и иные «регистры мысли» и механизмы практической деятельности (социально-политические практики, направленные на сохранение или разрушение единого политико-правового порядка) ориентированы на многоаспектное исследование феномена политической целостности. Последний же выражает хорошо известную антинормию качественных характеристик публично-властной организации общества – *политическую устойчивость и динамику, в основе которых также лежит проблема целостности и процессов политико-правовой интеграции.*

Совершенно справедливо в этом плане отмечает И. Красавин: «Спрашивать, что первично, сообщество или динамика, бессмысленно, необходимо понять их в ситуации постоянной совместимости. Сообщество *постоянно собирается и разделяется*, пребывая *одновременно в разных состояниях*, но тщательно *отделяя одно состояние от другого* (курсив мой. – Р. М.)» [2].

Конечно, заявленная проблематика актуальна не только с теоретико-методологической точки зрения, поскольку позволяет реконструировать формы и стили политического мышления, идентифицировать принципы и вектор доктринальных и программных положений политического моделирования, но и в практическом плане, т. к. обсуждаемые вопросы востребованы в рамках проблемы обеспечения национальной безопасности и устойчивого цивилизационного развития современных политических сообществ, формирования адекватных и эффективных технологий, платформ публично-властного управления процессами социально-политической интеграции, воспроизводства государственно-правовой целостности в рискогенном и нестабильном, глобализирующемся мире, особенно с позиции

---

¹ Термин «фундаментализм» здесь используется в качестве особой практики радикальной мысли (движимой неприятием существующего порядка, политической организации, религиозной ценностно-нормативной системы и т.д.) и формы практической (радикального сопротивления, непримиримой борьбы) деятельности, направленных на разрушение имеющейся политической (или иной, например, религиозной, социально-культурной и проч.) целостности, которая может быть выражена в различных формах сборки (общества или сообщества). См., например, об этом: [10].

движения последнего от двухполярного (СССР и США во второй половине XX в.) – к однополярному (гегемония США на рубеже XX–XXI вв.), затем к многополярному (начало XXI в.) и опять к двухполярному (Россия и США, «коллективный» Запад в настоящее время).

Рассматривая политическую традицию трактовки и аналитического описания феномена социально-политической целостности, можно увидеть, что этот феномен анализируется в различных доктринальных контекстах и, соответственно, разных содержательно-смысловых измерениях: в одних социально-политическая целостность интерпретируется в качестве некоторого абсолютного *первоначала* (мифического, религиозного, идеократического и т. д.), предшествующего всякой конкретной политической организации общества (это интуитивно-сакральный подход к пониманию природы политической целостности и её значению для развития властного пространства в конкретных государствах); в других целостность представлена как институционально-политическая организация общества, и здесь в основном анализируются вопросы взаимосвязи, взаимовлияния, институциональных (в том числе, и правовых), а также функциональных характеристик социально-политических институций, обеспечивающих политическое единство того или иного социума; в третьих речь идёт о социально-политическом процессе в конкретном обществе, в контексте которого и формируется эта целостность, т.е. утверждается, что именно политическая коммуникация и некие «опривыченные» варианты взаимодействия разных политических акторов (включая, разумеется, и государство), устойчивые формы и модели властных и иных отношений создают целостный политический порядок; в четвёртых акцентируется внимание на сознательно-волевых и иных практических действиях, и речь в основном здесь идёт об изменчивости социально-политических практик, а сама целостность объявляется некой *фикцией*, необходимой для формирования общей арены (или платформы), важной для политической конкуренции, взаимодействию разных политических сил и т. п.

Несомненно, следует рассмотреть и архитектуру политической целостности, представляя её как ряд взаимосвязанных между собой уровней, на которых и происходит формирование и развитие социально-политической целостности. При этом важно подчеркнуть, что все эти уровни не только связаны, но и оказывают взаимное влияние, а изменение одного из уровней, соответственно ведёт к изменению всей архитектуры целостности. В то же время следует учитывать и тот факт, что одни уровни подвержены действию целого спектра факторов и могут изменяться достаточно *мобильно*, подстраиваясь под внутренние и внешние изменения, возникающие и действующие в общественной системе, под те или иные вызовы и угрозы, действующие в конкретно-исторический период. Другие же, напротив, более *устойчивы*, образующие – условно – «каркас» или фундамент социально-политической целостности, поэтому их изменение достаточно медленное и может проис-

ходить (а в большинстве случаев и происходит [3; 4; 5]) в течение нескольких поколений или не происходить вообще¹.

Итак, можно выделить следующие уровни формирования, развития и трансформации социально-политической целостности:

1) *социокультурный уровень*, формирующий базовый фундамент целостности конкретной общественной системы, это её стержневые, «арматурные» основания;

2) *уровень повседневного восприятия*, оценки и участия в социально-политической жизни общества, на котором формируются и развиваются обыденные представления о значимости политических институций, функциональных и структурных характеристики политического порядка и отдельных институтов, обычные и приемлемые формы публично-властного взаимодействия в системе личность – общество – государство и т. п.;

3) *идейно-концептуальный уровень*, отражающий доминирующие идеи, ценностно-нормативные и идеологические системы, их доктринальное оформление в политических проектах и программных положениях различных политических субъектов (государств, политических партий, общественных организаций и т. д.);

4) *уровень институционально-политической организации* и система доминирующих публично-властных дискурсов, выступающих основанием, каркасом политического порядка в конкретно-исторический период времени;

5) доминирующие *формы и технологии* социально-политической интеграции.

Как отмечают А. А. Пелипенко и И. Г. Яковенко, в настоящее время в социально-гуманитарной системе знания доказанным является «непреложный факт существования неких устойчиво воспроизводящихся констант, выполняющих роль несущих конструкций в той или иной сфере реальности» [6, с. 77], причём эти константы – не детерминированные модели или «биологические коды», которые определяют политическое, экономическое, правовое и прочие формы поведения, а представляют собой лишь чистые формы и чистую направленность, «базовый уровень... в котором весь опыт самоорганизации снят в виде этих самых смыслообразующих направленностей (моделей структурирования)» [6, с. 22].

Исследователи подчёркивают, что эта направленность выражается в основном в трёх взаимосвязанных формах: *во-первых*, базовые направленности определяют «онтологические координаты» смыслообразующего отношения субъектов, а также субъект-объектного взаимодействия; *во-вторых*, формируют направленности, отражающие «содержание и интенсивность переживаемого такового взаимодей-

---

¹ Например, как отмечает В. В. Аверьянов, «...не изменчивость в изменениях есть суть и парадокс «динамического консерватизма». Другими словами, «кристаллизация слоёв традиции в виде исторически новых ответов на «вызовы» как внешней среды, так и на внутренние деструктивные тенденции, при этом сама традиция в её пневматолитическом измерении не меняется и не растёт, меняется лишь опыт взаимодействия с иным; растут институции такого опыта и сами механизмы взаимодействия с иными культурами» [11, с. 563].

ствия»; *в-третьих*, имеет место общая направленность (генеральный вектор) специфического понимания окружающего мира, а также «рефлексия и кодификация этого переживания» в различных знаково-символических системах [6, с. 82].

Здесь важно подчеркнуть, что архетипические основания политической целостности и процессов социально-политической интеграции представляют собой вовсе не архаический уровень политической культуры, противостоящий процессам трансформации, эволюции общественно-политической системы. Напротив, под архетипическими основаниями следует понимать «осевые элементы» политической культуры, общие направленности и формальные модели, которые задействованы в конкретно-исторических практиках структурирования и воспроизводства социально-политической целостности, они обуславливают «ступенчатое движение вперёд посредством вариационного сочетания старого с новым» [7, с. 175].

Здесь проблематика политической динамики и развития противоречий в политическом процессе обусловлены творческими и инновационными моментами, возникающими в развитии публично-властной организации. При этом крайним, радикальным вариантом трансформации (как процесса более общего, нежели специфические процессы – *модернизм* либо *консерватизм*) социально-политической организации является понятие «кризис», который может как привести к разрушению социально-политической целостности, так и предложить новые форматы и направления трансформации политических институтов.

Обратим внимание, что *обыденный* уровень политического сознания и социально-политической активности включает повседневные формы и сложившиеся, привычные модели взаимодействия в системе личность – общество – государство, а также устойчивые «когнитивные сценарии» и эмоционально-психологические формы легитимации и восприятия социально-политических процессов и событий.

Именно на данном уровне «практическое (обычно-повседневное) поведение отражает (и реально), в отличие, например, от (официально признанных) правовых обычаев, специфику юридического быта нации, этносов, конкретных групп. Отметим, что на этом уровне формируется право, вырастающее *из потребностей социокультурной интеграции и взаимодействия...* Данная социальная интеграция и социальное творчество, общественная самоорганизация ... находит своё объяснение как попытка реализации на эмпирическом уровне, кроме индивидуальных интересов и потребностей, абсолютных («трансперсональных») ценностей. В этих формах «социобильности» (коммуникативности) проявляется социально-культурная сущность права, его функции, место и значение в жизни общества» [8, с. 238–239].

Этот уровень связан с развитием «низовых» движений, гражданских инициатив, различных «стилевых форм» политической активности в основе которых лежат процессы самовыражения и самоорганизации. На этом уровне происходит *конвергенция* старого и нового, социокультурных основ социально-политической целост-

ности и процессов самоорганизации, взаимодействие сложившегося политического опыта и инновационных факторов в общественно-политической жизни – новых вызовов и угроз, актуальных интересов, потребностей и проч.

Категории «конвергенция» и «дивергенция» в гуманитарном дискурсе всегда оставались одними из наиболее сложных и неоднозначных понятий, а поэтому требовали основательного изучения, особенно применительно к государству, праву, политическим и социально-экономическим системам. Не случайно и то, что эти концепты, их содержание и смысл по-разному интерпретировались в философских, правовых, политологических теориях, получали различное осмысление в отличающихся научных дискурсах, однако всегда считались весьма важными для понимания интеграционной (или, наоборот, дезинтеграционной) динамики отличающихся по своей сущности и институциональному ландшафту политических пространств (систем, миров и др.).

Отметим, что исследование природы конвергенционных процессов с позиции вопроса о природе и специфике политической целостности имеет не только (а, возможно, и не столько) теоретическую значимость, сколько практическую целесообразность, тем более что в рамках политико-правового познания актуализация этой темы самым тесным образом сопряжена с глобализационной проблематикой, а именно с развертыванием глобализационных процессов на разных геополитических уровнях (региональном, континентальном и планетарном¹). Проблемы глобализации, её позитивных и негативных сторон вот уже более двадцати лет так или иначе проходят через многочисленные исследования российских политологов, философов, правоведов, экономистов и др., причём, в самых разных контекстах (например, при изучении специфики «реального» государственного суверенитета, анализе сущности «суверенной демократии», выявлении особенностей, причин, последствий юридических «заимствований», идеологических или институциональных рецепций и т. п.).

В общем же можно утверждать, что в ходе усилий отечественных гуманитариев возникло и предметно оформилось такое междисциплинарное направление научных исследований, как «глобалогия», конечно, имеющее свои отрасли, а точнее – дискурсы (политическая глобалогия, правовая глобалогия, экономическая глобалогия и др.).

Ясно, что эвристические акценты в этом «глобалогическом» познавательном пространстве зависят от принятия того или иного дискурса, явленного в рамках политического, правового, философского или социально-экономического измерения решаемых проблем. Кроме этого они, несомненно, будут зависеть от пространственной привязки изучаемых в глобализационном контексте явлений. Так, пред-

---

¹ «Региональная и континентальная глобализация охватывает группу географически сопредельно расположенных стран, имеющих общие экономические, политические, военные интересы, культурные, национальные и другие традиции» [12, с. 57].

ставляется очевидным, что региональные и континентальные границы рассматриваемых, например, в политическом или правовом дискурсе проблем во многом повлияют на отличные от их планетарно-глобализационного «погружения» результаты, оценки, выводы и рекомендации.

Рассматривая конвергенционно-дивергенционную проблематику в дискурсивно-пространственном контексте, сразу необходимо заметить, что конвергенция – это своего рода «вход» в иное политико-правовое пространство, либо создание качественно нового пространства и иных политических и юридических дискурсов, а дивергенция – это, с одной стороны, «выход» национальной политической и правовой системы из прежнего социального пространства, а с другой – сохранение (или возврат) оригинальных, самобытных, традиционных политических дискурсов.

Причем, движение «навстречу друг другу» в любом случае создаёт новое дискурсивное поле в отношении политической целостности, новые практики и доктрины, хотя и в разных (двух) возможных формах интеграции: вариант «смешанности» политических, правовых и экономических институтов и модель «поглощения» одного политико-правового пространства другим. Движение же «друг от друга» предполагает развитие и функционирование политических (а значит и всех иных) структур, формируя тем самым новые политико-правовые пространства (целостности), либо «включая» их в уже имеющиеся институциональные образования, а значит, политические традиции, ценностные ориентиры, смыслы и т. п.

Например, в отношении первой из этих дилемм ещё в 1965 г. «Бизнес уик», характеризуя широко обсуждаемую в то время теорию конвергенции, писала: «Сущность этой теории состоит в том, что происходит совместное движение навстречу друг другу, как со стороны СССР, так и со стороны США. При этом Советский Союз заимствует у капитализма концепцию прибыльности, а капиталистические страны, в том числе США, – опыт государственного планирования... В то время как СССР делает осторожные шаги в направлении капитализма ... многие западные страны одновременно заимствуют те или иные элементы из опыта социалистического государственного планирования. И вот складывается весьма любопытная картина: коммунисты становятся менее коммунистическими, а капиталисты – менее капиталистическими по мере того, как две системы всё ближе и ближе приближаются к какой-то средней точке» [9, с. 19–20].

Такая конвергенция, естественно, деформирует сложившуюся институциональную и идеологическую составляющую политической целостности, влияет на качественные характеристики её «скреп», тем не менее она становится возможной, поскольку формирование новых идейно-смысловых оснований социально-политической активности и политического самовыражения всё же реализуется не на пустом месте, а под воздействием социокультурных архетипов, доминирующих ценностно-нормативных константах и т. д. На этом основании развиваются и формы эмоцио-

нально-психологической легитимации политических институций, управленческих решений, политического порядка в целом.

Обобщая, скажем следующее. Эмоционально-психологическое «ощущения должного» и коллективные ожидания придают особую направленность (позитивную или негативную) в оценке протекающих социально-политических процессов и событий, а также во многом определяют специфическую «мотивационную структуру», связанную с принятием и выбором соответствующих форм поведения и моделей публично-властного взаимодействия¹. Эмоционально-психологический элемент в процессе социально-психологической интеграции и сохранении политической целостности выражается, как правило, в политическом чувствовании и стереотипах обычно-политического поведения. Первое связано с процессом самоорганизации в общественной (политической) системе доминирующих эмоционально-психологических установок, отражающих устойчивое отношение к действующему политическому порядку и функционирующим политическим институтам. Именно в обыденном политическом чувствовании содержатся базовые (родовые) и распространённые эмоции, без наличия которых невозможны его видовые проявления – чувства патриотизма, политической ответственности, социальной справедливости и т. п., важность которых для сохранения политической целостности и устойчивого функционирования её институциональных и ценностных основ как в прошлом, так и в настоящем трудно переоценить.

Список источников

1. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto.htm>.
2. Красавин И. *Techné. Сборка сообщества*. М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2013. 595 с.
3. Исаев И. А. *Идея порядка в консервативной ретроспективе : монография*. М. : Проспект, 2011. 400 с.
4. Мордовцев А. Ю., Попов В. В. *Российский правовой менталитет*. Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ, 2007. 448 с.

---

¹ Р. Циппелиус по поводу иррациональных оснований публичной жизни и управления совершенно справедливо замечает, что на обыденном уровне социально-политической жизни общества, а также «в области выбора цели иррациональный фактор вмешивается уже благодаря тому, что оценка различных целей и предпочтений не может быть осуществлена рационально: с одной стороны, за разными целеполаганиями стоят различные социальные силы и субъект; с другой, даже те предпочтения, которые пользуются одобрением большинства, так или иначе изменяются в зависимости от ситуаций и времени. Это означает, что необходимо угадывать, предчувствовать будущие предпочтения, что само по себе выходит за рамки рациональной калькуляции» (Циппелиус Р. *Общество и право. Основные понятия социологии права и государства // Право XX века: Идеи и ценности*. М., 2001. С. 264.)

5. Мамычев А. Ю., Мордовцев А. Ю., Овчинников А. И. Национально-культурные основы российской государственности и правовой политики. Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2015. 210 с.
6. Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. М. : Языки русской культуры, 1998. 271 с.
7. Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. Л. : Наука, 1986. 303 с.
8. Овчинников А. И., Мамычев А. Ю., Мамычева Д. И. Архетипические и социокультурные основы правопонимания и правовой политики российского государства : монография. Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2015. 288 с.
9. Современные буржуазные теории о слиянии капитализма и социализма. М., 1970. 243 с.
10. Армстронг К. Битва за Бога : История фундаментализма. М. : Альпина нон-фикшн, 2013. 502 с.
11. Аверьянов В. В. Традиция и динамический консерватизм. М. : Институт динамического консерватизма, ООО «Центр издательский дом», 2012. 695 с.
12. Хорин Е. М. [Аннотация на кн.]: Циппелиус Р. Общество и право. Основные понятия социологии права и государства // Право XX века: Идеи и ценности. М., 2001. С. 231–238.

References

1. Marx K., Engels F. Manifesto of the Communist Party. Available at: <https://www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto.htm/> (In Russ.).
2. Krasavin I. *Techne. Community assembly*. Moscow; Ekaterinburg: Armchair scientist Publ., 2013. 595 p. (In Russ.).
3. Isaev I. A. *The idea of order in a conservative retrospective: monograph*. Moscow: Prospekt Publ, 2011. 400 p. (In Russ.).
4. Mordovtsev A. Yu., Popov V. V. *Russian legal mentality*. Rostov: SFedU Publ., 2007. 448 p. (In Russ.).
5. Mamychev A. Yu., Mordovtsev A. Yu., Ovchinnikov A. I. *National-cultural foundations of Russian statehood and legal policy*. Vladivostok: Publishing House of VGUES, 2015. 210 p. (In Russ.).
6. Pelipenko A. A., Yakovenko I. G. *Culture as a system*. Moscow: Languages of Russian culture Publ., 1998. 271 p. (In Russ.).
7. Chistov K. V. *Folk traditions and folklore. Essays on theory*. Leningrad: Nauka Publ., 1986. 303 p. (In Russ.).
8. Ovchinnikov A. I., Mamychev A. Yu., Mamycheva D. I. *Archetypal and sociocultural foundations of legal understanding and legal policy of the Russian state: monograph*. Vladivostok: Publishing House of VGUES, 2015. 288 p. (In Russ.).

9. Modern bourgeois theories about the fusion of capitalism and socialism. Moscow, 1970. 243 p. (In Russ.).

10. Armstrong K. The Battle for God: A History of Fundamentalism. Moscow: Alpina non-fiction, 2013. 502 p. (In Russ.).

11. Averyanov V. V. Tradition and dynamic conservatism. Moscow: Institute of Dynamic Conservatism, Center Publishing House LLC, 2012. 695 p. (In Russ.).

12. Khorin E. M. [Summary on the book]: Zippelius R. Society and Law. Basic concepts of the sociology of law and state. *Pravo XX veka: Idei i tsennosti*. Moscow, 2001, pp. 231–238. (In Russ.).

Сведения об авторе

Р. М. Магомедов – преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия.

Information about the author

R. M. Magomedov – Teacher of Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines of the North Caucasian institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation), Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia.

ПРАВО

Научная статья

УДК 340.1:629.331

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/100-123>

АВТОНОМНЫЕ АВТОМОБИЛЬНЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА: ПРАВОВОЙ ОПЫТ СИНГАПУРА, КИТАЯ И ЮЖНОЙ КОРЕИ

Елена Александровна Березина

Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Россия,
helalex@mail.ru

Аннотация. Во многих странах мира в настоящее время идёт интенсивное развитие технологий беспилотного вождения, основанных на использовании систем искусственного интеллекта. Среди различных видов беспилотного транспорта особое место занимает автономный автомобильный транспорт, который постепенно становится частью нашей жизни. В Российской Федерации действует Программа экспериментально-правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств и разрабатывается законопроект о высокоавтоматизированных транспортных средствах. Значительных успехов в сфере правового регулирования общественных отношений, связанных с производством и эксплуатацией автономных транспортных средств, достигли страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Целью исследования является анализ правового опыта в сфере правового регулирования автономного вождения таких стран Азиатско-Тихоокеанского региона, как Сингапур, Китай, Южная Корея. Каждая из указанных стран в качестве одной из национальных целей развития цифровой экономики ставит выход на лидирующие позиции в области внедрения беспилотных транспортных средств в транспортную систему государства. Положительный правовой опыт этих государств, сформировавшийся в результате правотворческой деятельности, направленной на регулирование общественных отношений, связанных с производством и эксплуатацией автономных транспортных средств, а также опыт претворения этих правовых норм в жизнь может быть заимствован Российской Федерацией при создании и совершенствовании законодательства о высокоавтоматизированных транспортных средствах, над которым сейчас идет ак-

тивная работа. В частности, может быть использована разработанная исследователями из Южной Кореи и внедренная в юридическую практику данного государства концепция «автономной системы совместного вождения».

Ключевые слова: право, технология, цифровая технология, правовая технология, технология автономного вождения, автономная система совместного вождения, высокоавтоматизированные транспортные средства, беспилотные транспортные средства, автономные транспортные средства, правовое регулирование, страны Азиатско-Тихоокеанского региона, право Южной Кореи, право Китая, право Сингапура.

Для цитирования: Березина Е. А. Автономные автомобильные транспортные средства: правовой опыт Сингапура, Китая и Южной Кореи // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 3. С. 100–123. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/100-123>

LAW

Original article

AUTONOMOUS AUTOMOBILE VEHICLES: LEGAL EXPERIENCE OF SINGAPORE, CHINA AND SOUTH KOREA

Elena A. Berezina

Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia, helalex@mail.ru

Abstract. There is an intensive development of unmanned driving technologies based on the use of artificial intelligence systems in many countries of the world. Autonomous automobile transport takes a special place among the various types of unmanned transport. They are becoming a part of our life. There is a Program of experimental legal regime in the field of digital innovations for the operation of highly automated vehicles in the Russian Federation. And the draft law on highly automated vehicles is being developed. The countries of the Asia-Pacific region have achieved significant success in the field of legal regulation of public relations related to the production and operation of autonomous vehicles. The purpose of scientific research is to analyze the legal experience in the field of legal regulation of autonomous driving in the countries of the Asia-Pacific region such as Singapore, China, and South Korea. Each of these countries, as one of the national goals for the development of the digital economy, includes entry into a leading position in introduction of unmanned vehicles into the transport system of the state. The positive legal experience of these states, formed as a result of law-making activities aimed at regulating public relations connected with the production and operation of

autonomous vehicles, as well as the experience of implementing these legal norms in practice, can be borrowed by the Russian Federation when creating and improving legislation on highly automated vehicles, which is currently being actively developed. In particular, the concept of an "autonomous co-driving system" developed by researchers from South Korea and introduced into the legal practice of this state can be used.

Keywords: law, technology, digital technology, legal technology, autonomous driving technology, autonomous cooperative driving system, highly automated vehicles, unmanned vehicles, autonomous vehicles, legal regulation, countries of the Asia-Pacific region, South Korean law, Chinese law, Singapore law.

For citing: Berezina E. A. Autonomous automobile vehicles: legal experience of Singapore, China and South Korea // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol 24, no 3. P. 100–123. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/100-123>

Введение

В настоящее время в Российской Федерации активно идёт обсуждение вопросов внедрения в отечественную транспортную систему беспилотных транспортных средств. Как было подчёркнуто на X Петербургском международном юридическом форуме, состоявшемся 29 июня – 1 июля 2022 г., в рамках сессии «Беспилотные транспортные средства: новации в регулировании», можно выделить два общемировых тренда в развитии беспилотного транспорта: разработку нормативно-правовой основы регулирования общественных отношений в сфере производства и эксплуатации беспилотных транспортных средств и формирование рынка, который позволит использовать технологию, получая экономическую эффективность [1]. Участники сессии обратили внимание на определённые успехи в правовом регулировании данных общественных отношений, достигнутых в РФ, в частности: создание нормативной основы для проведения правового эксперимента по тестированию беспилотного автомобильного транспорта [2], расширение географии использования беспилотных транспортных средств, создание экспериментального правового режима [3].

Кроме того, правотворческие органы находятся на этапе разработки законопроекта о высокоавтоматизированных транспортных средствах [4]. Обсуждение положений проекта ведётся довольно интенсивно, заинтересованные лица предлагают различные варианты его усовершенствования, в частности, 16 апреля 2022 г. была предложена уже четвёртая редакция законопроекта [4]. Вместе с тем, в тексте законопроекта есть несовершенства, касающиеся как нарушения правил юридической техники, так и содержательных характеристик.

Подобные процессы создания правовой основы для эксплуатации беспилотного транспорта происходят и в других государствах. «В некоторых странах в том или ином виде нормативные документы, регулирующие эксплуатацию беспилотных автомобилей,

разработаны или активно разрабатываются» [5, с. 123]. Осуществляя правовое регулирование в сфере эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств, Российская Федерация может заимствовать положительный опыт законодательной деятельности в этой сфере других стран, в частности стран Азиатско-Тихоокеанского региона, а также обратить внимание на доктринальные положения, разработанные учёными-юристами данного региона, изучающими проблемы регламентации общественных отношений в сфере производства и эксплуатации беспилотного транспорта.

Рассмотрим, как на сегодняшний день складывается ситуация с эксплуатацией беспилотных автомобилей и её правовым регулированием в ведущих странах Азиатского-Тихоокеанского региона. Крупнейшие автопроизводители, такие как Nissan, Toyota, Hyundai, Honda, а также ведущие IT-компании Samsung, Huawei, Baidu осуществляют инвестиции в разработку беспилотных автомобилей и системы искусственного интеллекта.

Правовой опыт Сингапура

Наиболее подготовленным к внедрению и принятию автономных транспортных средств государством оказался Сингапур, который занял в 2020 г. первое место в Индексе готовности автономных транспортных средств (AVRI) KPMG [6]. Сингапур имеет лидирующие позиции в мире по развитию рынка автономного транспорта и совершенствованию законодательства в сфере общественных отношений, связанных с его эксплуатацией. Ещё в 2017 г. в Сингапуре были разработаны Правила дорожного движения (автономных транспортных средств) 2017 г., предназначенные для правового регулирования общественных отношений в сфере тестирования беспилотных транспортных средств на дорогах, включая дороги общего пользования [7]. Автономный автомобиль определяется в законодательстве как «автомобиль, полностью или в значительной степени оснащённый автономной системой (также широко известный как беспилотное транспортное средство)», в свою очередь «автономная система» для автотранспортного средства означает систему, которая позволяет управлять транспортным средством без активного физического контроля или контроля со стороны человека-оператора (ст. 2 Road Traffic Act, 1961 [8]). Согласно Правилам 2017 г., испытания автономных транспортных средств на дорогах, включая дороги общего пользования, разрешены только в случае, если лицо имеет специальное разрешение от Управления наземного транспорта Сингапура.

Правила 2017 г. предусматривают обязанность лиц, уполномоченных Управлением наземного транспорта Сингапура на проведение тестирования или одобренного специального использования беспилотного транспорта, застраховать свою ответственность до того, как разрешённые испытания или специальное использование могут начаться, или внести залог в размере не менее 1,5 миллионов сингапурских долларов в Управление наземного транспорта Сингапура на всё

время испытания или утвержденного специального использования (ст. ст. 14, 15 Правил, 2017 г.). Страхование ответственности должно действовать на протяжении всего срока действия в течение всего периода тестирования или утвержденного специального использования. В части 3 Правил 2017 г. подробно раскрыты обязанности лиц по обеспечению технического обслуживания автономного транспортного средства, по сбору данных с регистратора, по ведению учёта, по уведомлению об инцидентах и несчастных случаях (ст. ст. 16–19 Правил, 2017 г.).

Изначально была обозначена определённая область передвижения беспилотных транспортных средств. При этом с течением времени данная область могла быть расширена принятием соответствующего нормативного акта. Так, в октябре 2019 г. Сингапур расширил свою испытательную зону, предназначенную для тестирования беспилотных транспортных средств, охватив и все дороги общего пользования в западной части Сингапура [9].

Органы государственной власти Сингапура прилагают большие усилия, чтобы Сингапур стал мировым центром развития беспилотных технологий. В 2017 г. в Сингапуре был создан Центр передового опыта по исследованиям и тестированию автономных транспортных средств (CETRAN) при Наньянском технологическом университете, который осуществляет фундаментальные исследования в области функционирования систем, используемых в автономных транспортных средствах, разрабатывает требования, касающиеся их тестирования и установления стандартов их эксплуатации [10]. Центр имеет специальный испытательный полигон для тестирования беспилотных автомобилей. Тестирование позволяет исследовать функционирование беспилотных транспортных средств в реальном мире и проверить правильность моделирования процессов автономного вождения в виртуальном мире. Эффективность работы центра обусловлена его непосредственным взаимодействием с правотворческими органами Сингапура, осуществляющими правовое регулирование в данной сфере, организациями, обслуживающими дорожную инфраструктуру города-государства, полицейскими и экспертами в области технологий автономного вождения: CETRAN тесно контактирует с Управлением наземного транспорта, агентством по планированию, дорожной полицией. Общее руководство взаимодействием осуществляется Правительством Сингапура в рамках программы «Умная нация». В 2014 г. на конференции «Автономный транспорт: прокладывание дороги для будущей мобильности» в Сингапуре был создан CARTS (Комитет автономного автомобильного транспорта Сингапура), в который помимо представителей государственных органов вошли представители промышленности, ряд известных международных специалистов в областях беспилотных технологий, искусственного интеллекта, городского планирования, новых бизнес-моделей и транспортных решений, а также представители общественности и научно-исследовательского сообщества [11].

Кроме того, правительство Сингапура предоставило финансирование для тестирования беспилотных транспортных средств таким организациям, как NuTonomy, APTIV (Delphi), Singapore Technologies и NTU-Volvo. Компания NuTonomy первой в мире ещё 6 лет назад запустила в эксплуатацию беспилотное такси, опередив на несколько недель американскую корпорацию Uber [12]. Заинтересованность сингапурских властей в скорейшем внедрении массового беспилотного общественного транспорта в городскую среду можно объяснить общим сдерживающим подходом со стороны государства к регулированию отношений владения и эксплуатации личного автотранспорта своими гражданами, проявляющимся в необходимости получения на тендерной основе сертификатов на право приобретения автомобиля и высоких налогах для владельцев личного автотранспорта.

Высокая динамика в развитии беспилотного транспорта обуславливает и такое же интенсивное обсуждение проблем правового регулирования процессов эксплуатации беспилотных автомобилей сингапурскими юристами. Так, например, Patrick Yeo полагает, что лучшим решением всех проблем, связанных с дорожно-транспортными происшествиями с участием беспилотных автомобилей, является полное отделение автономных транспортных средств от автомобилей, управляемых человеком. И такое раздельное сосуществование должно продолжаться до тех пор, пока технологии искусственного интеллекта не смогут полностью оснастить беспилотные автомобили всем спектром человеческих качеств и поведения [13]. Следует отметить, что далеко не все разделяют данный тезис о необходимости создания искусственного интеллекта, равноценного человеческим способностям. Более того, некоторые авторы видят опасность в создании искусственного суперинтеллекта и считают, что такие системы могут представлять угрозу человечеству, так как искусственные сверхразумные системы будут превосходить человека конструктивно и смогут развиваться намного быстрее, чем люди [14].

Расхождения в оценках экспертов о целесообразности создания систем искусственного суперинтеллекта следует рассматривать скорее с философской позиции как вопрос о рисках повышения нестабильности и возможного коллапса мировой системы в рамках четвёртой промышленной революции. Практически же существующие на сегодняшний день системы искусственного интеллекта, использующиеся в беспилотных автомобилях, уступают человеческим возможностям при оценке нестандартных ситуаций и относятся к системам слабого искусственного интеллекта [15, с. 107].

Правовой опыт Китая

Следующее государство, рынок автономного транспорта которого является одним из самых развитых в мире, – Китай. Согласно индексу готовности стран к использованию автономного транспорта, по итогам 2020 г. Китай находился на

20-м месте в мире, но имел огромный потенциал выйти в число лидеров своего региона и мира во многом благодаря активной политике по поддержке развития беспилотного транспорта со стороны Государственного комитета по развитию и реформам и Министерства транспорта Китая [6]. Кроме того, для Китая, как и для Сингапура, характерно выстраивание взаимодействия между представителями производителей, деятельность которых по тестированию беспилотных транспортных средств активно поддерживает Правительство КНР, и правотворческими органами, ответственными за правовое регулирование отношений в сфере эксплуатации беспилотных транспортных средств, старающимися осуществлять его максимально эффективно, стремясь к 2025 г. вывести страну в число мировых лидеров по развитию автономных транспортных средств и технологий искусственного интеллекта. Руководитель автомобильного сектора KPMG China считает автономное вождение «жемчужиной автомобильного интеллекта, сложным сочетанием искусственного интеллекта, ориентированного на пользователя дизайна и сложного производства, которое превратит автомобиль из чисто механического продукта в то, что в Китае часто называют «мобильным третьим пространством» [16]. Государственный Совет КНР определил в качестве приоритетного направления развития транспортной системы автономное вождение ещё в 2015 г., когда разработал концепцию «Сделано в Китае 2025» [17], в которой в качестве одного из направлений предусмотрено развитие производства и эксплуатации автономных транспортных средств на ближайшие 10 лет. В марте 2021 г. в 14-м пятилетнем плане Китая на 2021–2025 гг. (и устанавливающим долгосрочные цели до 2035 г.), в разделе «Национальное экономическое и социальное развитие», в качестве одной из целей было закреплено развитие автономного вождения и интеллектуальной мобильности [18]. В 2020 г. Государственный Совет издал Новый энергетический план промышленного развития транспортных средств на 2021–2035 гг., в котором в качестве цели развития была закреплена разработка высоко автономных транспортных средств для коммерческого применения к 2025 г. (в определённых областях) и достижение крупномасштабного его применения к 2035 г. Министерство промышленности и информационных технологий КНР разработало правила проведения дорожных испытаний автономных транспортных средств. Данные нормативно-правовые акты стали основой для развития автономного транспорта. КНР уделяет большое внимание инфраструктуре, которая необходима для использования автономных транспортных средств (технологии 5G, технологии использования искусственного интеллекта, облачные технологии, создание специальных центров сбора и обработки данных, разработка интеллектуальной транспортной инфраструктуры). Все эти технологии помогают осуществлять сбор и анализ информации для прогнозирования и планирования будущего развития транспортной системы в целях достижения полного автономного вождения [16].

Выход Китая на лидерские позиции в сфере развития беспилотного транспорта можно объяснить несколькими факторами: наличие комплексного подхода (так, на выставке Экспо-2020, прошедшей в Дубае в октябре 2021 – марте 2022 г., Китай в своём павильоне представил не просто модель беспилотного транспортного средства, а целую концепцию «Умный город», в которую органично вписывается и автономный транспорт; проведена работа не только над совершенствованием беспилотного вождения, но и над всей дорожно-транспортной инфраструктурой, а также над формированием позитивного отношения граждан к новейшим технологиям); тесное сотрудничество высокотехнологичных компаний, науки, технологии, Правительства КНР; высокие темпы технологического развития производителей автономных транспортных средств; разработка чёткой системы планирования всех происходящих процессов внедрения беспилотных транспортных средств на 5, 10 и более лет; творческая инициатива всех участников процесса создания и эксплуатации автономных транспортных средств по внедрению инновационных технологий; бóльший объём данных, по сравнению с другими странами, для тестирования и обучения систем искусственного интеллекта и беспилотных технологий; наличие стратегии «Made in China 2025» [19], согласно которой на государственном уровне в сфере беспилотного транспорта была официально провозглашена цель по становлению Китая мировым лидером; государственные программы инвестиций в области беспилотного транспорта; обращение пристального внимания на образовательную сферу, подготовку специалистов в сфере IT-технологий; использование новейших технологий связи (сеть нового поколения 5G) и соответствующей для автономного вождения инфраструктуры; повышение восприимчивости китайских потребителей к внедрению новых технологий; повышенное внимание к вопросам кибербезопасности (Китай лидирует в мире по изучению решений безопасности для индустрии умных автомобилей. Компания Qi-Anxin, например, имеет лабораторию безопасности, созданную специально для автомобилей, подключенных к Интернету, чтобы помочь автопроизводителям создать лучшую систему безопасности. По данным Китайского альянса индустрии кибербезопасности, Qi-Anxin является лучшей компанией в Китае по кибербезопасности [20]); большим количеством стартапов в данной сфере. Ещё в 2019 г. в Китае было зарегистрировано 40 компаний, которые занимались разработками в области беспилотных транспортных средств [21], и их количество со временем неуклонно растёт.

Успешность проводимых в Китае мероприятий по развитию автономного вождения во многом зависит от общих тенденций цифрового Китая. Всего за 5 последних лет доля цифровой экономики в ВВП КНР выросла с 4 трлн долларов до 6,7. Это почти 40% от общего объёма ВВП [22]. Активизация развития цифровой экономики Китая происходит и благодаря организуемым на высшем уровне саммитам, конференциям, симпозиумам, на которых обсуждаются вопросы цифровиза-

ции. Так, 23 июля 2022 г. в Китае прошёл пятый саммит «Цифровой Китай», в ходе которого Хуан Куньмин, член Политбюро ЦК Коммунистической партии Китая, заявил, что необходимы дополнительные усилия для содействия индустриализации цифровых технологий и цифровой трансформации отраслей, чтобы построить процветающую цифровую экономику (необходимы ускоренные темпы развития цифрового правительства, новых умных городов и цифровых деревень, а также повышение цифровой грамотности и навыков населения). Ху Хоукунь (Hu Houkun), председатель правления Huawei Technologies Co., сказал, что фокус цифровых приложений смещается со стороны потребителя в сторону производства. Такие приложения, как автономное вождение, дистанционное управление на основе 5G и автоматическое обнаружение с помощью искусственного интеллекта, применяются в производственной, горнодобывающей, транспортной и других отраслях [23].

Согласно последним данным, приведённым в China Daily, китайский город Шэньчжэнь стал пионером реформ и открытости в Китае, поскольку позволил полностью автономным транспортным средствам ездить по определённым дорогам, разработав первые в стране правила, предназначенные для «интеллектуальных и подключённых к Интернету» транспортных средств, вступившие в силу 1 августа 2022 г. В новых правилах автономные транспортные средства разделяются на три типа: транспортные средства с условно автономным вождением, транспортные средства с высокоавтономным вождением и транспортные средства с полностью автономным вождением. При этом, если первые два типа транспортных средств должны иметь оборудование для водителей, то при изготовлении транспортных средств третьего типа автопроизводителям не обязательно оснащать их таким оборудованием. Постановление также разъяснило правила привлечения к ответственности за дорожно-транспортные происшествия, связанные с автономным вождением [24].

В Китае проблема правового регулирования юридической ответственности за вред, причиненный автономными транспортными средствами, служит предметом постоянных дискуссий. Так как Китай является страной, в которой сосредоточено несколько крупных автопроизводителей, то и в сфере законодательства эта страна придерживается позиций европейских стран, в частности Германии, и некоторых американских штатов, таких как Мичиган, Теннесси, в которых также имеются крупные автоконцерны. Особенностью данного подхода выступает уменьшение зоны ответственности производителей автомобилей и, соответственно, её большее перераспределение в сторону собственника, владельца автомобиля и оператора [25]. Сторонники такой позиции объясняют свою точку зрения тем, что если производители беспилотных транспортных средств будут нести юридическую ответственность за аварии, в которых были задействованы их автомобили, то опасения производителей значительно затормозят процесс технологического развития беспилотных автомобилей и окажут общий сдерживающий эффект на всю производ-

ственную отрасль. Однако, если будет выявлен системный характер какой-то технической неисправности, то в этом случае производитель может быть привлечён к ответственности [15].

Ряд китайских юристов полагают, что Китай должен переходить к «единой модели страхования», которая в настоящее время применяется в Великобритании. Согласно британской модели, основную ответственность за ущерб, причинённый беспилотными автомобилями, несут страховые компании [26]. Если беспилотный автомобиль находился в автономном режиме управления, пострадавшая сторона по умолчанию обращается за выплатами в страховую компанию. Таким образом, страховая компания выступает в роли буфера между производителем и пострадавшей стороной, и позиция британского правительства заключается в том, что пострадавший всегда получает компенсацию. Возмещение убытков страховая компания может переложить на водителя, если будет выявлено, что автономный режим управления был активирован в недопустимых обстоятельствах, либо на производителя, если в дорожно-транспортном происшествии вина водителя отсутствует [27].

Правовой опыт Южной Кореи (Республики Корея)

В этой стране уделяется огромное внимание правовому регулированию отношений в сфере производства и эксплуатации беспилотных транспортных средств. Параллельно с осуществлением правового регулирования проходит и внедрение беспилотных транспортных средств в транспортную систему Южной Кореи. С августа 2022 г. беспилотное такси на бесплатной основе ездит по самому загруженному району Сеула. Такси с технологией автономного вождения 4-го уровня было протестировано 9 июня 2022 г. Министерством земли, инфраструктуры и транспорта и компанией Hyundai Motor Co. В качестве первых пассажиров выступили глава Министерства и мэр Сеула. Hyundai Motor планирует постепенно расширять испытания. В его планы входит коммерциализация беспилотных автомобилей четвертого уровня к 2027 г. Министр земли, инфраструктуры и транспорта Вон сказал: «Моё сердце трепещет от радости, когда я вижу, как корейская технология беспилотного вождения фактически демонстрируется людям во всем мире на самой оживлённой трассе» [28].

Эффективность процессов внедрения автономных транспортных средств в Южной Корее можно обосновать активной поддержкой процессов коммерциализации беспилотных транспортных средств государством, в котором разработана национальная стратегия развития автономного транспорта, большим количеством корейских компаний, занимающихся разработкой систем беспилотного вождения (например, компания Samsung создала технологическую платформу для автономного транспорта DRVLINЕ, которая предлагает клиентам комплексный набор инструментов разработки и тестирования автоматизированного транспортного сред-

ства [29], высокой степенью принятия технологий населением и высокой оценкой населения важности внедрения беспилотных транспортных средств, большой площадью мест тестирования (например, был специально создан полигон «K-city»), высоким уровнем развития дорожной инфраструктуры, высокой скоростью мобильного соединения (использование технологий 5G). Президент Республики Корея, выступая на церемонии Декларации национального видения автомобильной промышленности будущего, заявил, что цель Южной Кореи – «стать ведущей страной в производстве автомобилей будущего к 2030 году» [30]. Для достижения данной цели в сфере беспилотного транспорта Южная Корея поставила задачи стать первой страной, завершившей к 2024 г. дорожно-транспортную инфраструктуру, необходимую для беспилотных автомобилей, и быстро развить всю экосистему технического обслуживания данных автомобилей. Среди главных проектов, направленных на внедрение беспилотного транспорта, были обозначены: подготовка соответствующей нормативно-правовой и институциональной основ, развитие беспроводных сетей связи между автомобилями и дорогами, детальное 3D-картографирование автомобильных дорог страны, интегрированная система управления дорожным движением, дорожные знаки, дорожная безопасность [30].

В сфере создания нормативно-правовой основы Республика Корея добилась значительных успехов: за последние годы были приняты нормативно-правовые акты, регулирующие общественные отношения в сфере производства и эксплуатации беспилотных транспортных средств (Закон о продвижении и поддержке коммерциализации автономных транспортных средств [31], Постановление о введении в действие Закона о продвижении и поддержке коммерциализации автономных транспортных средств [32], Положение о введении в действие Закона о продвижении и поддержке коммерциализации автономных транспортных средств [33]), а также внесены изменения в нормативно-правовые акты, так или иначе связанные с дорожно-транспортной сферой (Закон об управлении автомобилями [34], Постановление о введении в действие Закона об управлении автомобилями [35], Правила эксплуатации и стандарты автомобилей и автомобильных запчастей [36], Правила применения Закона об управлении автомобилями [37], Закон о гарантиях возмещения ущерба, причинённого эксплуатацией автомобиля [38], Правила дорожного движения [39]). При этом планируется ещё принять Руководство по автомобильной кибербезопасности, Этические принципы для беспилотных транспортных средств, Положение о требованиях безопасной эксплуатации и испытательном пробеге автономных транспортных средств.

Ст. 18.2. Правил дорожного движения предусматривает, что «Автономная система вождения» означает автономную систему вождения в соответствии с п. п. 2 п. 1 ст. 2 Закона о продвижении и поддержке коммерциализации автономных транспортных средств», который предусматривает, что «автономная система вождения» относится к

оборудованию автоматизации, программному обеспечению и всем соответствующим устройствам, которые позволяют управлять транспортным средством путём самораспознавания и оценки окружающих условий и дорожной информации без манипуляций со стороны водителя или пассажиров. Такое же понятие содержится и в п. 64. Правил эксплуатации и стандартов автомобилей и автомобильных запчастей (аббревиатура: Автомобильные правила) [36]. Интересной является разработка Южной Кореей концепции «Автономной системы совместного вождения», которая в соответствии с п. п. 3 п. 1 ст. 2 Закона о продвижении и поддержке коммерциализации автономных транспортных средств означает дорожно-транспортную систему, включающую в себя: во-первых, сигнальные устройства (устройства, управляемые человеком или электричеством для отображения таких сигналов, как движение, остановка, изменение направления, предупреждение и т. д. с использованием букв, символов или огней в дорожном движении (ст. 2.15 Правил дорожного движения [39]); во-вторых, систему знаков безопасности (знаков, указывающих на предостережение, предписание, инструкцию и т. д., необходимых для обеспечения безопасности дорожного движения, или символов, букв или линий, нанесённых на полотно дороги (ст. 2.16 Правил дорожного движения [39]); в-третьих, систему транспортных объектов (дорог, железных дорог, портов, терминалов и т. д., необходимых для эксплуатации транспортных средств, а также объектов или сооружений, прикреплённых к таким объектам для обеспечения бесперебойной работы транспортных средств (ст. 2.4 Закона об эффективности национальной интегрированной транспортной системы [40]). Автономная система совместного вождения относится к «интеллектуальной транспортной системе», которая означает систему научной автоматизации эксплуатации и управления транспортными системами, осуществляемой путём разработки и использования передовых транспортных технологий, таких как электронные, контрольные и коммуникационные технологии, а также транспортная информация для транспортных средств, в целях повышения эффективности перевозок, повышения уровня безопасности эксплуатации транспортных средств, улучшения транспортной системы (ст. 2.16 Закона об эффективности национальной интегрированной транспортной системы). То есть корейский законодатель делает акцент на «совместном вождении», последовательно применяя этот подход для анализа особенностей автономного вождения.

В обоснование необходимости использования именно автономной системы совместного вождения отмечается её более безопасный характер: технология автономного вождения развивается в направлении более безопасного «автономного совместного вождения» во взаимодействии с дорожной инфраструктурой. Подчёркивается, что это будет способствовать повышению степени безопасности функционирования транспортной системы.

Возникает потребность в системе управления сертификацией автономной системы совместного вождения. Для обеспечения надёжности и безопасности комму-

никационных сообщений, генерируемых придорожными устройствами и транспортными средствами на дороге, требуется система управления сертификацией автономного совместного вождения, особенностям содержательного и формального характера которой посвящена большая часть Закона о продвижении и поддержке коммерциализации автономных транспортных средств (гл. 4 «Сертификация автономного совместного вождения для обеспечения безопасности автономных транспортных средств»). В числе дефинитивных норм права законодатель предусматривает новое понятие «абонент», означающее владельца или управляющего автомобилем или придорожной базовой станцией, на которую выдан сертификат удостоверяющим центром сертификации (п. п. 11 п. 1 ст. 2 Закона о продвижении и поддержке коммерциализации автономных транспортных средств).

В законе предусмотрено выделение двух видов автономных транспортных средств: во-первых, частично автономное транспортное средство: автономное транспортное средство, которое не может работать только с автономной системой вождения или требует вмешательства водителя или пассажира, например, требует постоянного внимания со стороны водителя; во-вторых, полностью автономное транспортное средство: автономное транспортное средство, которое может работать только с автономной системой вождения и не требует вмешательства водителя или пассажира (п. 2 ст. 2 Закона о продвижении и поддержке коммерциализации автономных транспортных средств).

Особенностью правового регулирования в сфере обеспечения безопасности на транспорте в Южной Корее является широкое привлечение общественности: так, ст. 5.2. Правил дорожного движения предусматривает создание ассоциаций образцовых водителей в целях содействия взаимному сотрудничеству между образцовыми водителями и эффективного осуществления волонтерской деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения.

Развитие технологий автономного вождения обеспечивается выработкой государственной политики в данной сфере, нацеленной на его поддержку, направлениями которой являются: сбор и предоставление отечественной и зарубежной информации о развитии технологий, связанных с инфраструктурой для обеспечения безопасности и эксплуатации автономных транспортных средств и системой дорожной логистики на основе автономного вождения; исследование и разработка основных технологий, связанных с безопасностью автономных транспортных средств, инфраструктурой для поддержки эксплуатации, транспортными и логистическими системами на основе автономного вождения и т. д.; проведение научных исследований в данной сфере; подготовка профессиональных кадров (ст. ст. 24, 25 Закона о продвижении и поддержке коммерциализации автономных транспортных средств).

Для совершенствования услуг в области автономного вождения в Южной Корее был разработан «Стандарт данных об автономных транспортных средствах

K-Alliance», в формировании которого приняли участие государственные органы, муниципалитеты, где происходит тестирование автономных транспортных средств, Hyundai Motor и Ассоциация стандартов. Это было необходимо для обеспечения совместимости различных информационных данных, применяемых для автономного вождения, собираемых и используемых в инфраструктуре, такой как транспортные средства, дороги и сигналы светофора [41].

Корейские производители активно участвуют в сотрудничестве с компаниями из других стран АТР в этой области. Так, производитель автомобилей Hyundai взаимодействовал с компаниями из России, США, Сингапура в области технологий беспилотного транспорта [6].

Южнокорейское государство во взаимодействии с наукой и представителями производителей добилось за последние годы высоких показателей развития общественных отношений в сфере автономных транспортных средств. Положительный опыт правового регулирования производства и эксплуатации беспилотных транспортных средств может быть использован в РФ при усовершенствовании отечественного законодательства.

Заключение

Подводя итоги анализа правового опыта Сингапура, Китая и Южной Кореи в сфере автономного вождения, можно обратить внимание на то, что информационные технологии в данных странах, как и в России, значительно опережают правотворческую деятельность. Это связано, во-первых, с длительным процессом законотворчества, осуществляемым по определённым стадиям; во-вторых, с новизной появившихся сравнительно недавно общественных отношений, связанных с автономным вождением, и с трудностями предвидения направлений дальнейшего развития автономных транспортных средств, в которых используется технология искусственного интеллекта; в-третьих, с необходимостью взвешенного подхода в урегулировании данных общественных отношений, который бы сочетал в себе, с одной стороны, стимулы для производителей автономных транспортных средств и их коммерциализации, с другой стороны, меры, которые позволят обеспечить безопасность членов общества при эксплуатации автономных транспортных средств и учёт морально-нравственных и этических ценностей при их регулировании; в-четвёртых, с потребностью соотносить динамизм регулируемых общественных отношений в сфере автономного вождения и статичность законодательных актов; в-пятых, с необходимостью согласования вновь создаваемых правовых норм с большим количеством заинтересованных в развитии этих отношений частных лиц и государственных органов; в-шестых, с участием в исследовании проблем автономного вождения специалистов из различных сфер научных знаний и практической деятельности: правоведов, специалистов по информационным технологиям, экспертов

по информационной безопасности, строителей, техников, технологов, разработчиков систем искусственного интеллекта, специалистов по средствам связи, социологов и философов; в-седьмых, с необходимостью учесть все положительные и отрицательные моменты внедрения автономного вождения. «К сожалению, Россия меньше других стран продвинулась в разработке законодательства в сфере использования роботомобилей» [5, с. 125], поэтому изучение опыта государств, которые имеют больше практики в регулировании общественных отношений, связанных с автономным вождением, представляет для отечественного законодателя и учёных определённый интерес.

Для всех этих стран, как и для России, характерно проведение правовых экспериментов по тестированию беспилотных транспортных средств, в том числе на дорогах общего пользования, которые позволят сделать выводы о будущем беспилотного транспорта и наиболее эффективных способах правового регулирования общественных отношений в этой сфере.

Азиатско-Тихоокеанский регион характеризуется наличием большого количества автопроизводителей, в том числе тех, которые принимают активное участие во внедрении технологий, используемых в беспилотном транспорте. Такие государства, как Сингапур, Южная Корея, Китай, выступают одними из лидеров рынка беспилотных автомобилей, что можно объяснить поддержкой государством новых технологий, наличием специальных научно-исследовательских центров, занимающихся проблемами внедрения беспилотного транспорта, быстрым совершенствованием нормативно-правовой базы в данной сфере регулирования общественных отношений, инновационным подходом к совершенствованию транспортной системы, высокой активностью ведущих производителей автомобилей данного региона, созданием партнёрств с участием компаний из различных государств, высокой степенью специализации конкретных компаний в определённой области производства (в аппаратной сфере, в сфере производства программного обеспечения, в области создания лидаров, радаров, датчиков, обеспечения функционирования беспроводной связи и т. д.). Как было отмечено ещё в 2021 г., Азиатско-Тихоокеанский регион выходит на передний план в вопросах внедрения беспилотных транспортных средств [42], поэтому при исследовании проблем внедрения автономных транспортных средств в транспортную систему государства, а также при определении основных направлений правового регулирования в сфере их производства и эксплуатации Российская Федерация может ориентироваться на положительный опыт в данной сфере названных выше государств АТР.

Список источников

1. Беспилотные транспортные средства: новации в регулировании // X Петербургский международный юридический форум (Санкт-Петербург, 29 июня – 1 июля 2022 г.). URL: <https://legalforum.info/programme/business-programme/958/>.
2. О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств: Постановление Правительства РФ от 26.11.2018 № 1415 с изм. и доп. от 22.02.2020; от 7.02.2022 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 49 (часть VI). Ст. 7619; 2020. № 9. Ст. 1200; 2022. № 7. Ст. 982.
3. Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств: Постановление Правительства РФ от 9.03.2022 № 309 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 12. Ст. 1817.
4. О высокоавтоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: проект Федерального закона (проект подготовлен Минтранс России, ID проекта 02/04/06-21/00116763, дата создания 8 июня 2021 г.), четыре редакции; четвёртая редакция проекта Федерального закона от 16.04.2022. Доступ из СПС «Консультант Плюс».
5. Коробеев А. И., Чучаев А. И. Беспилотные транспортные средства, оснащённые системами искусственного интеллекта: проблемы правового регулирования // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. Т. 20, № 3. С. 117–132.
6. KPMG's Autonomous Vehicles Readiness Index (AVRI) for 2020. P. 3. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/xx/pdf/2020/07/2020-autonomous-vehicles-readiness-index.pdf>.
7. Road Traffic (Autonomous Motor Vehicles) Rules, 2017 // A Singapore Government Agency Website. Singapore Statute Online. URL: <https://sso.agc.gov.sg/SL/RTA1961-S464-2017?DocDate=20170823&WholeDoc=1#pr14->.
8. Road Traffic Act, 1961 (2020 revised edition). URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/RTA1961>.
9. Autonomous vehicle testbed to be expanded to Western Singapore –continued emphasis on public safety// Singapore Land Transport Authority. 2019. 24 Oct. URL: https://www.lta.gov.sg/content/ltagov/en/newsroom/2019/10/1/Autonomous_vehicle_testbed_to_be_expanded.html.
10. Centre of excellence for testing research of autonomous vehicles NTU. URL: <https://www.ntu.edu.sg/erian/research-capabilities/centre-of-excellence-for-testing-research-of-autonomous-vehicles-ntu>.

11. Committee on Autonomous Road Transport for Singapore. URL: https://www.nas.gov.sg/archivesonline/data/pdfdoc/20140903003/mot_news_release_carts_final.pdf.
12. Van Der Perre C. First driverless taxi hits the streets of Singapore // Reuters. 2016. 25 Aug. URL: <https://www.reuters.com/article/us-autos-selfdriving-singapore-idUSKCN1100ZG>.
13. Patrick Y. Driverless vehicles and the blame game: a legal conundrum // Asia Law Network. 2018. 7 Sept. URL: <https://learn.asialawnetwork.com/2018/09/07/driverless-vehicles-blame-game-legal-conundrum/>.
14. Lewis T. Artificial intelligence: friendly or frightening? // Live science. 2014. 4 Dec. URL: <https://www.livescience.com/49009-future-of-artificial-intelligence.html>.
15. Березина Е. А. Правовые технологии нормативного регулирования общественных отношений, связанных с эксплуатацией автономных (беспилотных) транспортных средств // Евразийский юридический журнал. 2020. № 6 (145). С. 104–109.
16. Levelling Up: Chinas race to an autonomous future / KPMGs Report on autonomous driving. URL: <https://home.kpmg/cn/en/home/insights/2022/06/special-report-on-autonomous-driving.html>.
17. The State Council, PRC, Notice of the State Council on Promulgating «Made in China 2025» Plan, May 2015. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/19/content_9784.htm.
18. Outline of the 14th Five-Year Plan (2021–2025) for national economic and social development and long-range objectives for 2035. March 2021. URL: <https://en.ndrc.gov.cn/policies/202203/P020220315511326748336.pdf>.
19. Made in China 2025. URL: <https://english.www.gov.cn/2016special/madeinchina2025/>.
20. Лидеры отрасли QI-ANXIN, Huawei и Tencent включены в новейший список ССИА Top 50 // Рамблер. Финансы. 25 июня 2021 г. URL: <https://finance.rambler.ru/business/46700465-lidery-otrasli-qi-anxin-huawei-i-tencent-vklyucheny-v-no-veyshiy-spisok-ccia-top-50/>.
21. Crunchbase Insights & Analysis. URL: <https://www.crunchbase.com>.
22. 5-й саммит «Цифровой Китай» стартовал в провинции Фуцзянь. URL: <https://russian.cgtn.com/n/BfJIA-BcA-GAA/FAEFIA/index.html>.
23. Si M. China planning more digital advances // China Daily. 2022. 25 Jul. URL: http://english.www.gov.cn/news/topnews/202207/25/content_WS62ddce52c6d02e533532e6d5.html.
24. Si M. Shenzhen gives green light to fully autonomous vehicles// China Daily. 2022. 08 Jul. URL: http://english.www.gov.cn/news/topnews/202207/08/content_WS62c77b57c6d02e533532d5cc.html.

25. Schaub M., Zhao A. Self-driving cars who will be liable // King and wood Mallesons. 2017. 29 Aug. URL: <https://www.chinalawinsight.com/2017/08/articles/corpora-tema/self-driving-cars%EF%BC%9Achina-and-beyond-who-will-be-liable%EF%BC%9F>.

26. New UK laws address driverless cars insurance and liability // Out-Law News. 23 Feb 2017. URL: <https://www.pinsentmasons.com/out-law/news/new-uk-laws-address-driverless-cars-insurance-and-liability>.

27. Anthony S. Self-driving cars should be liable for accidents, not the passengers – UK gov't // Ars technical. 2017. 23 Feb. URL: <https://arstechnica.co.uk/cars/2017/02/self-driving-car-insurance-liability-uk/>.

28. Lee J. Self-driving cars able to make U-turns, change lanes tested in Seoul // Korea.net. Sci/Tech. 2022. 10 Jun. URL: <https://www.korea.net/NewsFocus/Sci-Tech/view?articleId=216069#>.

29. Samsung Reveals DRVLIN^{TM} Platform, Takes Bold Step Toward Autonomous Future. 2018. 01 Aug. URL: <https://news.samsung.com/us/samsung-reveals-drvline-platform-autonomous-future/>.

30. Kim H., Lee J. Korea seeks to lead world in future cars by 2030 // Korea.net. Policies. 2019. 17 Oct. URL: <https://www.korea.net/NewsFocus/policies/view?articleId=178156>.

31. Закон о продвижении и поддержке коммерциализации беспилотных транспортных средств (сокращенно Закон об автономных транспортных средствах) (с изм. от 27.07.2021). URL: <https://www.law.go.kr/LSW/LsiJoLinkP.do?lsNm=%EC%9E%90%EC%9C%A8%EC%A3%BC%ED%96%89%EC%9E%90%EB%8F%99%EC%B0%A8+%EC%83%81%EC%9A%A9%ED%99%94+%EC%B4%89%EC%A7%84+EB%B0%8F+%EC%A7%80%EC%9B%90%EC%97%90+%EA%B4%80%ED%95%9C+%EB%B2%95%EB%A5%A0&paras=1&docType=&languageType=KO&joNo=#>. Кор.

32. Постановление о введении в действие Закона о продвижении и поддержке коммерциализации автономных транспортных средств (с изм. от 08.03.2022). URL: <https://www.law.go.kr/LSW/LsiJoLinkP.do?lsNm=%EC%9E%90%EC%9C%A8%EC%A3%BC%ED%96%89%EC%9E%90%EB%8F%99%EC%B0%A8+%EC%83%81%EC%9A%A9%ED%99%94+%EC%B4%89%EC%A7%84+EB%B0%8F+%EC%A7%80%EC%9B%90%EC%97%90+%EA%B4%80%ED%95%9C+%EB%B2%95%EB%A5%A0+%EC%8B%9C%ED%96%89%EB%A0%B9&paras=1&docType=&languageType=KO&joNo=#>. Кор.

33. Правила исполнения Закона о продвижении и поддержке коммерциализации автономных транспортных средств, введены в действие 28.01.2022 Постановлением Министерства земли, инфраструктуры и транспорта № 1103 от 28.01.2022. URL: <https://www.law.go.kr/LSW/LsiJoLinkP.do?lsNm=%E9E%90%EC%9C%A8%EC%A3%BC%ED%96%89%EC%9E%90%EB%8F%99%EC%B0%A8+%EC%83%81%EC%9A%A9%ED%99%94+%EC%B4%89%EC%A7%84+EB>

%B0%8F+%EC%A7%80%EC%9B%90%EC%97%90+%EA%B4%80%ED%95%9C+%EB%B2%95%EB%A5%A0+%EC%8B%9C%ED%96%89%EA%B7%9C%EC%B9%99&paras=1&docType=&languageType=KO&joNo=#. Кор.

34. Закон об управлении автомобилями (с изм. от 11.01.2022). URL: <https://www.law.go.kr/LSW/LsiJoLinkP.do?lsNm=%EC%9E%90%EB%8F%99%EC%B0%A8%EA%B4%80%EB%A6%AC%EB%B2%95&paras=1&docType=&languageType=KO&joNo=#>. Кор.

35. Постановление о введении в действие Закона об управлении автомобилями, введенное в действие 12.07.2022 Указом Президента № 32790 от 11.07.2022. URL: <https://www.law.go.kr/LSW/LsiJoLinkP.do?lsNm=%EC%9E%90%EB%8F%99%EC%B0%A8%EA%B4%80%EB%A6%AC%EB%B2%95+%EC%8B%9C%ED%96%89%EB%A0%B9&paras=1&docType=&languageType=KO&joNo=#>. Кор.

36. Правила эксплуатации и стандарты автомобилей и автомобильных запчастей (аббревиатура: Автомобильные правила), введенные в действие 05.07.2022 Постановлением Министерства земли, инфраструктуры и транспорта № 882 от 27.08.2021. URL: <https://www.law.go.kr/LSW/LsiJoLinkP.do?docType=&lsNm=%EC%9E%90%EB%8F%99%EC%B0%A8+%EB%B0%8F+%EC%9E%90%EB%8F%99%EC%B0%A8%EB%B6%80%ED%92%88%EC%9D%98+%EC%84%B1%EB%8A%A5%EA%B3%BC+%EA%B8%B0%EC%A4%80%EC%97%90+%EA%B4%80%ED%95%9C+%EA%B7%9C%EC%B9%99&languageType=KO&paras=1&joNo=#>. Кор.

37. Правила применения Закона об управлении автомобилями, введены в действие 15.05.2022 Постановлением Министерства земли, инфраструктуры и транспорта № 1120 от 14.04.2022. URL: <https://www.law.go.kr/LSW/LsiJoLinkP.do?lsNm=%EC%9E%90%EB%8F%99%EC%B0%A8%EA%B4%80%EB%A6%AC%EB%B2%95+%EC%8B%9C%ED%96%89%EA%B7%9C%EC%B9%99&paras=1&docType=&languageType=KO&joNo=#>. Кор.

38. Закон о возмещении ущерба, причиненного эксплуатацией автомобиля (с изм. от 27.07.2021). URL: <https://www.law.go.kr/LSW/LsiJoLinkP.do?lsNm=%EC%9E%90%EB%8F%99%EC%B0%A8%EC%86%90%ED%95%B4%EB%B0%B0%EC%83%81+%EB%B3%B4%EC%9E%A5%EB%B2%95&paras=1&docType=&languageType=KO&joNo=#>. Кор.

39. Правила дорожного движения. URL: <https://www.law.go.kr/%EB%B2%95%EB%A0%B9/%EB%8F%84%EB%A1%9C%EA%B5%90%ED%86%B5%EB%B2%95>. Кор.

40. Закон об эффективности национальной интегрированной транспортной системы (с изм. от 12.07.2021). URL: <https://www.law.go.kr/LSW/lsLinkProc.do?lsNm=%EA%B5%AD%EA%B0%80%ED%86%B5%ED%95%A9%EA%B5%90%ED%86%B5%EC%B2%B4%EA%B3%84%ED%9A%A8%EC%9C%A8%ED%99%94%EB%B2%95&chrClsCd=010202&mode=20&ancYnChk=0#>. Кор.

41. K-Alliance for Autonomous Vehicle Data Standards. 18.11.2020. URL: <https://www.korea.kr/news/pressReleaseView.do?newsId=156421568>. Коп.

42. Ramamurthy S. Asia Pacific view: autonomous vehicles // KPMG. 21 June 2021. URL: <https://home.kpmg/xx/en/blogs/home/posts/2021/06/autonomous-vehicles-adoption.html>.

References

1. Unmanned vehicles: innovations in regulation. *X St. Petersburg International Legal Forum (St. Petersburg, June 29 - July 1, 2022)*. Available at: <https://legalforum.info/programme/business-programme/958/>. (In Russ.).

2. On conducting an experiment on trial operation of highly automated vehicles on public roads: Decree of the Government of the Russian Federation of 26.11.2018 No. 1415 amended and additional from 22.02.2020; dated February 7, 2022. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2018, no. 49 (part VI), art. 7619; 2020, no. 9, art. 1200; 2022, no. 7, art. 982. (In Russ.).

3. On the establishment of an experimental legal regime in the field of digital innovations and the approval of the Program for an experimental legal regime in the field of digital innovations for the operation of highly automated vehicles: Decree of the Government of the Russian Federation of 03.09.2022 No. 309. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2022, no. 12, art. 1817. (In Russ.).

4. On highly automated vehicles and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: draft Federal Law (draft prepared by the Ministry of Transport of Russia, project ID 02.04.06-21/00116763, creation date June 8, 2021), four editions; fourth edition of the draft Federal Law of April 16, 2022. Access from the Legal Reference System «Consultant Plus». (In Russ.).

5. Korobeev A. I., Chuchaev A. I. Unmanned vehicles equipped with artificial intelligence systems: problems of legal regulation. *Aziatsko-Tikhoookeanskii region: ekonomika, politika, pravo = Pacific RIM*, 2018, vol. 20, no. 3, pp. 117–132. (In Russ.).

6. KPMG's Autonomous Vehicles Readiness Index (AVRI) for 2020. P. 3. Available at: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/xx/pdf/2020/07/2020-autonomous-vehicles-readiness-index.pdf>. (In Engl.).

7. Road Traffic (Autonomous Motor Vehicles) Rules, 2017. *A Singapore Government Agency Website. Singapore Statute Online*. Available at: <https://sso.agc.gov.sg/SL/RTA1961-S464-2017?DocDate=20170823&WholeDoc=1#pr14->. (In Engl.).

8. Road Traffic Act, 1961 (2020 revised edition). Available at: <https://sso.agc.gov.sg/Act/RTA1961>. (In Engl.).

9. Autonomous vehicle testbed to be expanded to Western Singapore –continued emphasis on public safety// Singapore Land Transport Authority, 2019. 24 Oct. Available at:

https://www.lta.gov.sg/content/ltagov/en/newsroom/2019/10/1/Autonomous_vehicle_testbed_to_be_expanded.html. (In Engl.).

10. Centre of excellence for testing research of autonomous vehicles NTU. Available at: <https://www.ntu.edu.sg/erian/research-capabilities/centre-of-excellence-for-testing-research-of-autonomous-vehicles-ntu>. (In Engl.).

11. Committee on Autonomous Road Transport for Singapore. Available at: https://www.nas.gov.sg/archivesonline/data/pdfdoc/20140903003/mot_news_release_carts_final.pdf. (In Engl.).

12. Van Der Perre C. First driverless taxi hits the streets of Singapore. *Reuters*, 2016, 25 Aug. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-autos-selfdriving-singapore-idUSKCN1100ZG>. (In Engl.).

13. Patrick Y. Driverless vehicles and the blame game: a legal conundrum. *Asia Law Network*, 2018, 7 Sept. Available at: <https://learn.asialawnetwork.com/2018/09/07/driverless-vehicles-blame-game-legal-conundrum/>. (In Engl.).

14. Lewis T. Artificial intelligence: friendly or frightening? *Live science*, 2014, 4 Dec. Available at: <https://www.livescience.com/49009-future-of-artificial-intelligence.html>. (In Engl.).

15. Berezina E. A. Legal technologies of regulatory regulation of public relations related to the operation of autonomous (unmanned) vehicles. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal*, 2020, no. 6 (145), pp. 104–109. (In Russ.).

16. Levelling Up: Chinas race to an autonomous future. KPMGs Report on autonomous driving. Available at: <https://home.kpmg/cn/en/home/insights/2022/06/special-report-on-autonomous-driving.html>. (In Engl.).

17. The State Council, PRC, Notice of the State Council on Promulgating «Made in China 2025» Plan, May 2015/ URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/19/content_9784.htm. (In Engl.).

18. Outline of the 14th Five-Year Plan (2021–2025) for national economic and social development and long-range objectives for 2035, March 2021. Available at: <https://en.ndrc.gov.cn/policies/202203/P020220315511326748336.pdf>. (In Engl.).

19. Made in China 2025. Available at: <https://english.www.gov.cn/2016special/madeinchina2025/>. (In Engl.).

20. Industry leaders QI-ANXIN, Huawei and Tencent are included in the latest CCIA Top 50 list. *Rambler. Finance*, June 25, 2021. Available at: <https://finance.rambler.ru/business/46700465-lidery-otrasli-qi-anxin-huawei-i-tencent-vklyucheny-v-noveyshiy-spisok-ccia-top-50/>. (In Russ.).

21. Crunchbase Insights & Analysis. URL: <https://www.crunchbase.com>. (In Engl.).

22. The 5th Digital China Summit kicked off in Fujian Province. Available at: <https://russian.cgtn.com/n/BfJIA-BcA-GAA/FAEFIA/index.html>. (In Russ.).

23. Si M. China planning more digital advances. *China Daily*. 2022. 25 Jul. Available at: http://english.www.gov.cn/news/topnews/202207/25/content_WS62ddce52c6d02e533532e6d5.html. (In Engl.).

24. Si M. Shenzhen gives green light to fully autonomous vehicles. *China Daily*, 2022, 08 Jul. Available at: http://english.www.gov.cn/news/topnews/202207/08/content_WS62c77b57c6d02e533532d5cc.html. (In Engl.).

25. Schaub M., Zhao A. Self-driving cars who will be liable. *King and wood Mallesons*, 2017, 29 Aug. Available at: <https://www.chinalawinsight.com/2017/08/articles/corporate-ma/self-driving-cars%E0%BC%9Achina-and-beyond-who-will-be-liable%E0%BC%9F>. (In Engl.).

26. New UK laws address driverless cars insurance and liability. *Out-Law News*, 23 Feb 2017. Available at: <https://www.pinsentmasons.com/out-law/news/new-uk-laws-address-driverless-cars-insurance-and-liability>. (In Engl.).

27. Anthony S. Self-driving cars should be liable for accidents, not the passengers – UK gov't. *Ars technical*, 2017, 23 Feb. Available at: <https://arstechnica.co.uk/cars/2017/02/self-driving-car-insurance-liability-uk/>. (In Engl.).

28. Lee J. Self-driving cars able to make U-turns, change lanes tested in Seoul. *Korea.net. Sci/Tech*, 2022, 10 Jun. Available at: <https://www.korea.net/NewsFocus/Sci-Tech/view?articleId=216069#>. (In Engl.).

29. Samsung Reveals DRVLINETM Platform, Takes Bold Step Toward Autonomous Future. 2018. 01 Aug. Available at: <https://news.samsung.com/us/samsung-reveals-drvline-platform-autonomous-future/>. (In Engl.).

30. Kim H., Lee J. Korea seeks to lead world in future cars by 2030. *Korea.net. Policies*, 2019, 17 Oct. Available at: <https://www.korea.net/NewsFocus/policies/view?articleId=178156>. (In Engl.).

31. Law on Promoting and Supporting the Commercialization of Unmanned Vehicles (abbreviated as Law on Autonomous Vehicles) (as amended on 07.27.2021). Available at: <https://www.law.go.kr/LSW/LsiJoLinkP.do?lsNm=%EC%9E%90%EC%9C%A8%EC%A3%BC%ED%96%89%EC%9E%90%EB%8F%99%EC%B0%A8+%EC%83%81%EC%9A%A9%ED%99%94+%EC%B4%89%EC%A7%84+%EB%B0%8F+%EC%A7%80%EC%9B%90%EC%97%90+%EA%B4%80%ED%95%9C+%EB%B2%95%EB%A5%A0&paras=1&docType=&languageType=KO&joNo=#>. (In Kor.).

32. Decree on the Enactment of the Law on the Promotion and Support of the Commercialization of Autonomous Vehicles (as amended on 08.03.2022). Available at: <https://www.law.go.kr/LSW/LsiJoLinkP.do?lsNm=%EC%9E%90%EC%9C%A8%EC%A3%BC%ED%96%89%EC%9E%90%EB%8F%99%EC%B0%A8+%EC%83%81%EC%9A%A9%ED%99%94+%EC%B4%89%EC%A7%84+%EB%B0%8F+%EC%A7%80%EC%9B%90%EC%97%90+%EA%B4%80%ED%95%9C+%EB%B2%95%EB%A5%A0+%EC%8B%9C%ED%96%89%EB%A0%B9&paras=1&docType=&languageType=KO&joNo=#>. (In Kor.).

33. Rules for the implementation of the Law on the Promotion and Support of the Commercialization of Autonomous Vehicles, entered into force on 01.28.2022. Decree of the Ministry of Land, Infrastructure and Transport No. 1103 of 01.28.2022. Available at: <https://www.law.go.kr/LSW/LsiJoLinkP.do?lsNm=%EC%9E%90%EC%9C%A8%EC%A3%BC%ED%96%89%EC%9E%90%EB%8F%99%EC%B0%A8+%EC%83%81%EC%9A%A9%ED%99%94+%EC%B4%89%EC%A7%84+%EB%B0%8F+%EC%A7%80%EC%9B%90%EC%97%90+%EA%B4%80%ED%95%9C+%EB%B2%95%EB%A5%A0+%EC%8B%9C%ED%96%89%EA%B7%9C%EC%B9%99&paras=1&docType=&languageType=KO&joNo=#>. (In Kor.).

34. Law on Driving Motor Vehicles (as amended on 11.01.2022). Available at: <https://www.law.go.kr/LSW/LsiJoLinkP.do?lsNm=%EC%9E%90%EB%8F%99%EC%B0%A8%EA%B4%80%EB%A6%AC%EB%B2%95&paras=1&docType=&languageType=KO&joNo=#>. (In Kor.).

35. Decree on the enactment of the Law on driving vehicles, entered into force on 07.12.2022 by Presidential Decree No. 32790 of 07.11.2022. Available at: <https://www.law.go.kr/LSW/LsiJoLinkP.do?lsNm=%EC%9E%90%EB%8F%99%EC%B0%A8%EA%B4%80%EB%A6%AC%EB%B2%95+%EC%8B%9C%ED%96%89%EB%A0%B9&paras=1&docType=&languageType=KO&joNo=#>. (In Kor.).

36. Rules for the operation and standards of vehicles and automotive parts (abbreviation: Automobile Regulations) put into effect on 07.05.2022 by the Decree of the Ministry of Land, Infrastructure and Transport No. 882 of 08/27/2021. Available at: <https://www.law.go.kr/LSW/LsiJoLinkP.do?docType=&lsNm=%EC%9E%90%EB%8F%99%EC%B0%A8+%EB%B0%8F+%EC%9E%90%EB%8F%99%EC%B0%A8%EB%B6%80%ED%92%88%EC%9D%98+%EC%84%B1%EB%8A%A5%EA%B3%BC+%EA%B8%B0%EC%A4%80%EC%97%90+%EA%B4%80%ED%95%9C+%EA%B7%9C%EC%B9%99&languageType=KO&paras=1&joNo=#>. (In Kor.).

37. Rules for the application of the Law on Driving Motor Vehicles, entered into force on 05.15.2022 by the Decree of the Ministry of Land, Infrastructure and Transport No. 1120 of 04.14.2022. Available at: <https://www.law.go.kr/LSW/LsiJoLinkP.do?lsNm=%EC%9E%90%EB%8F%99%EC%B0%A8%EA%B4%80%EB%A6%AC%EB%B2%95+%EC%8B%9C%ED%96%89%EA%B7%9C%EC%B9%99&paras=1&docType=&languageType=KO&joNo=#>. (In Kor.).

38. Law on compensation for damage caused by the operation of a car (as amended on 07.27.2021). Available at: <https://www.law.go.kr/LSW/LsiJoLinkP.do?lsNm=%EC%9E%90%EB%8F%99%EC%B0%A8%EC%86%90%ED%95%B4%EB%B0%B0%EC%83%81+%EB%B3%B4%EC%9E%A5%EB%B2%95&paras=1&docType=&languageType=KO&joNo=#>. (In Kor.).

39. Rules of the road. Available at: <https://www.law.go.kr/%EB%B2%95%EB%A0%B9%EB%8F%84%EB%A1%9C%EA%B5%90%ED%86%B5%EB%B2%95>. (In Kor.).

40. Law on the Efficiency of the National Integrated Transport System (as amended on 07.12.2021). Available at: <https://www.law.go.kr/LSW/lsLinkProc.do?lsNm=%EA%B5%AD%EA%B0%80%ED%86%B5%ED%95%A9%EA%B5%90%ED%86%B5%EC%B2%B4%EA%B3%84%ED%9A%A8%EC%9C%A8%ED%99%94%EB%B2%95&chrClsCd=010202&mode=20&ancYnChk=0#>. (In Kor.).

41. K-Alliance for Autonomous Vehicle Data Standards. 18.11.2020. Available at: <https://www.korea.kr/news/pressReleaseView.do?newsId=156421568>. (In Kor.).

42. Ramamurthy S. Asia Pacific view: autonomous vehicles. *KPMG*, 21 June 2021. Available at: <https://home.kpmg/xx/en/blogs/home/posts/2021/06/autonomous-vehicles-adoption.html>. (In Engl.).

Информация об авторе

Елена Александровна Березина – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург, Россия.

Information about the author

Elena Aleksandrovna Berezina – Candidate of Sciences (Law), Docent, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 3. С. 124–139.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 3. P. 124–139.

Научная статья

УДК 343.233:614.4(470)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/124-139>

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ, И ПАНДЕМИЯ COVID-19

Заур Махмудович Сизо

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия, sizo.zaur@mail.ru

Аннотация. Период пандемии новой коронавирусной инфекции затронул все сферы общественной жизни. Не является здесь исключением и механизм уголовно-правовой охраны. Преодоление последствий мировой эпидемии Covid-19 поставило довольно много вопросов в аспекте института обстоятельств, исключающих преступность деяния (глава 8 Уголовного кодекса Российской Федерации). В статье проведено исследование трёх из них – необходимой обороны, крайней необходимости и обоснованного риска. Целью данного исследования является выявление особенностей реализации соответствующих уголовно-правовых норм в условиях пандемии, оценка их достаточности для разрешения конкретных ситуаций. В работе использованы методы логического и системного анализа, проведен контент-анализ публикаций и синтез лучших прецедентов в правоприменительной практике. Обосновывается целесообразность законодательного определения привилегированного вида крайней необходимости, рассчитанной на применение в ситуации медицинской сортировки больных.

Ключевые слова: обстоятельства, исключающие преступность деяния; необходимая оборона, крайняя необходимость, обоснованный риск, медицинский риск, медицинская сортировка, пандемия, Covid-19.

Для цитирования: Сизо З. М. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, и пандемия Covid-19 // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 3. С. 124–139. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/124-139>.

Original article

CIRCUMSTANCES PRECLUDING CRIMINAL ACTS AND THE COVID-19 PANDEMIC

Zaur M. Sizo

Kuban State University, Krasnodar, Russia, sizo.zaur@mail.ru

Abstract. The period of the new coronavirus infection pandemic has affected all spheres of public life. The mechanism of criminal law protection is no exception here. Overcoming the consequences of the global Covid-19 epidemic has raised quite a few questions in terms of the institution of circumstances precluding the criminality of an act (Chapter 8 of the Criminal Code of the Russian Federation). The article studies three of them – necessary defense, extreme necessity and reasonable risk. The purpose of this study is to identify the features of implementing the relevant criminal law during the pandemic, and to assess their sufficiency to resolve specific situations. The work uses the methods of logical and system analysis, as well as the content analysis of publications and synthesis of the best precedents in law enforcement practice. The necessity of a legislative definition of a privileged type of emergency, designed for use in a situation of medical triage of patients, has been substantiated.

Key words: circumstances excluding the criminality of the act, necessary defense, emergency, justified risk, medical risk, triage, pandemic, Covid-19.

For citing: Sizo Z. M. Circumstances precluding criminal acts and the Covid-19 pandemic // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol 24, no 3. P. 124–139. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/124-139>

Институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, довольно хорошо разработан в отечественной юридической науке. Во многих исследованиях обстоятельно раскрываются догматические и прикладные вопросы правомерного или извинительного причинения вреда охраняемым законом отношениям в соответствии с УК РФ. Надо признать, что, несмотря на разработанность темы, единого понимания природы соответствующих обстоятельств в науке не наблюдается. Авторы расходятся даже в оценке их общего количества в уголовном законе. Изучение зарубежного законодательства и литературы показывает, что обстоятельства, исключающие преступность деяния, довольно часто определяются в блоке универсальных оснований, именуемых «defenses» или «защиты» от уголовного преследования. При этом наряду с обороной и крайней необходимостью к таким обстоятельствам относятся невменяемость, казус, недостижение возраста уголовной от-

ветственности, ошибка и др. К «defenses» относят все условия, которые так или иначе будут указывать на невозможность уголовного преследования, на отсутствие какого-либо обязательного признака состава преступления. Подход, по ряду причин весьма чуждый отечественной догматике и законодательной модели, реализованной в главе 8 УК РФ.

Пандемия Covid-19 заставила действовать различных субъектов в условиях нехватки различного рода ресурсов, порождающих ситуацию известного выбора, описанного в ст. 39 УК РФ. С другой стороны, разработка и апробирование вакцины от опасного инфекционного заболевания, применение нетрадиционных методов и средств лечения – всё это та самая рискованная деятельность, правомерность которой должна оцениваться в порядке ст. 41 УК РФ. Опыт, не только отечественный, но и зарубежный, высветил серьёзные проблемы с их применением в условиях пандемии. Многие теоретические дискуссии реализовались в жизни, и практика в отсутствие чётких рекомендаций оказалась в условиях правовой неопределенности. В этой связи задача науки заключается в том, чтобы осмыслить этот опыт, предложить возможные решения. Это представляется актуальным прежде всего в том смысле, что возникновение новых эпидемиологических угроз глобального характера экспертами оценивается как вполне реальная перспектива ближайших десятилетий.

Крайне дискуссионным является оценка самозащиты по смыслу ст. 37 УК РФ от действий, связанных с нарушением санитарно-эпидемиологических правил или с умышленным распространением инфекции в период пандемии. В теории такая необходимая оборона практически не рассматривается, практика отсутствует. В средствах массовой информации встречаются лишь отдельные сообщения о фактах насилия по отношению к кашляющим в общественных местах людям. Проведённое социологическое исследование показало, что большинство специалистов (около 75%) оценивают такую ситуацию как некую дидактическую конструкцию. Опрашиваемые преимущественно задавались следующим вопросом: можно ли такие деяния вообще признавать общественно опасным посягательством по смыслу ст. 37 УК РФ.

Изучение зарубежной литературы показало, что практически общепринятой позицией является представление о том, что умышленное деяние, направленное на заражение другого лица инфекционным заболеванием в отсутствие специальных положений закона, должно оцениваться как причинение вреда здоровью человека в зависимости от степени тяжести наступивших последствий. С теоретических позиций опровергнуть такую модель довольно сложно. Сомнение возникает только в плоскости практической реализации – как доказать, что именно конкретные действия лица повлекли инфицирование потерпевшего; как устранить сомнение в том, что потерпевший до этого уже не был инфицирован, но переносил болезнь бессимптомно; насколько обоснованно вменять те негативные последствия (осложнения) протекания инфекционного заболевания, если во многом они могут быть обу-

словлены индивидуальными особенностями организма потерпевшего (астма, диабет, престарелый возраст и др.)?

Если первые два вопроса решить с помощью юридической презумпции – признавать причинно-следственную связь установленной всегда при логичном проявлении признаков болезни / полагать, что, поскольку диагноза не было, значит потерпевший был здоров на момент посягательства, – а на последний предложить использовать правила квалификации посягательства с неконкретизированным умыслом, то выстраивается вполне жизнеспособная концепция юридической оценки посягательства на здоровье человека посредством распространения Covid-19.

Исходя из этих соображений, защитные действия от попытки инфицировать другого человека коронавирусной инфекцией, конечно же, образуют состояние необходимой обороны по смыслу ст. 37 УК РФ. И последняя должна признаваться правомерной во всех случаях, если не был причинен тяжкий вред здоровью или смерть посягающему. Аналогичным образом, на наш взгляд, должна решаться и ситуация с умышленным нарушением санитарно-эпидемиологических правил (ст. 236 УК РФ). В этой связи довольно дискуссионной представляется позиция Э. Ю. Латыповой, что в случае применения насилия для защиты от заражения опасным заболеванием, присутствует не состояние необходимой обороны, а близкое к ней состояние крайней необходимости, так как источник опасности не сам человек, а наличие у него опасного заболевания [1, с. 401]. В ситуации умышленных действий лицо использует инфекционное заболевание как средство совершения посягательства на здоровье потерпевшего. Поэтому источником опасности является всё же сам человек, а применённое в отношении него насилие должно оцениваться по правилам необходимой обороны.

Представление об умозрительности обороны в условиях пандемии является во многом спорным. Разве сложно допустить ситуацию, когда гражданин ограничивает свободу передвижения другого лица, заведомо нарушающего карантин и имеющего явные признаки болезни, принудительно выводит последнего из транспорта и удерживает до момента прибытия правоохранительных органов. Полагаем, что все признаки необходимой обороны по смыслу ст. 37 УК РФ здесь имеются, причём с учётом характера применённого насилия – обороны правомерной.

Г. С. Шкабин делает вывод, что пандемия Covid-19 с уголовно-правовых позиций объективно является опасностью наличной и действительной, непосредственно угрожающей правоохраняемым интересам. С учётом этого он резюмирует, что она может быть источником крайней необходимости и является основанием для причинения правомерного вреда [2, с. 43]. Согласимся с автором. Здесь уместно лишь уточнить, что пандемия или распространение в мировом масштабе инфекционного заболевания, представляющего значительную опасность для жизни и здоровью человека, не всегда выступает непосредственным источником крайней необходимо-

сти. Она является таким источником, когда для её преодоления принимаются меры по ограничению конституционных прав и свобод граждан в экстраординарном порядке. Во всех остальных случаях пандемия в некотором смысле находится на заднем плане непосредственной угрозы – тяжелого состояния конкретного пациента; прекращения производственного процесса, имеющего критическое значение для обеспечения жизнедеятельности населения и др.

Феномен и сама законодательная конструкция крайней необходимости в условиях пандемии Covid-19 могут быть рассмотрены в двух плоскостях. Первая касается особенностей и проблем реализации ст. 39 УК РФ в самых разнообразных видах деятельности, как бытовой, так и профессиональной. Вторая требует специального обстоятельного анализа ввиду известного комплекса крайне непростых и до настоящего времени неразрешённых проблем и противоречий – это применение правила о крайней необходимости в деятельности медицинских работников, в том числе в аспекте преодоления пандемии Covid-19. Представленное деление, конечно же, не претендует на абсолютность и может быть подвергнуто вполне обоснованной критике. Однако, упреждая возможные упреки в упрощении изучаемого явления, стоит пояснить, что поводом к такой классификации послужили наблюдение и опыт. Именно они довольно убедительно свидетельствуют в пользу того, что предметом профессиональной дискуссии, а иногда и широкого общественного обсуждения почти всегда выступали две ситуации.

Первая ситуация связана с осмыслением института крайней необходимости с учётом вводимых ограничений санитарно-эпидемиологического характера в целом. И здесь вопросы обсуждаются самые разные, но так или иначе общее мнение сводится к некой экстраполяции общетеоретических воззрений о крайней необходимости на пандемийный период, констатируется пригодность выработанных в науке правил и рекомендаций.

Вторая ситуация всегда рассматривается особо и затрагивает так называемую крайнюю необходимость медицинского работника. Тут наблюдается не просто несоответствие взглядов на решение конкретных проблем выбора медицинского персонала из двух зол, но общая неудовлетворённость состоянием отечественного уголовного законодательства в этом вопросе.

На первом уровне пандемия не выявила существенных противоречий в реализации права на причинение меньшего вреда охраняемым уголовным законом отношениям в целях устранения грозящей опасности. Распространение опасного инфекционного заболевания в мировом масштабе, как и природные стихийные бедствия, техногенные катастрофы, является универсальной угрозой, порождающей в определенных условиях состояние крайней необходимости у самых разных лиц.

Своё непосредственное воплощение крайняя необходимость получила в документах органов государственной власти субъектов Российской Федерации о введе-

нии обязательных мер по предотвращению распространению SARS-CoV-2. Соответствующие ограничения напрямую затронули конституционные права и свободы граждан, прежде всего право на свободу передвижения, что послужило поводом для обращений граждан с вопросом об их соответствии Основному закону страны¹. В своём решении Конституционный Суд Российской Федерации не только подтвердил конституционный характер вводимых запретов, ограничивающих свободу передвижения граждан, но и обозначил ряд значимых обстоятельств, которые могут возникать при юридической оценке действий, связанных с нарушением санитарно-эпидемиологических требований. Так, в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 25.12.2020 № 49-П содержится разъяснение, что не могут быть признаны неправомерными действия лица, нарушившего режим самоизоляции в состоянии крайней необходимости. Разъяснено это, как видно, применительно к законодательству об административных правонарушениях. Однако представляется очевидным, что аналогично эта проблема должна быть решена и применительно к действиям, содержащим признаки состава преступления, предусмотренного ст. 236 УК РФ². Оставление медицинского учреждения (либо места жительства при амбулаторном лечении) может быть обусловлено обстоятельствами, создающими опасность для других правоохраняемых интересов. Так, например, лицо может нарушить изоляционные требования в целях спасения собственной жизни (при пожаре и необходимости эвакуации), либо для обеспечения безопасности иных лиц (например, близких родственников, оказавшихся в силу стечения обстоятельств в беспомощном состоянии).

Подтверждение данной позиции можно найти в современной практике по делам об административных правонарушениях. Так, 5 февраля 2021 г. М., помещённый в режим самоизоляции по месту проживания, отсутствовал по месту жительства, вышел в магазин. Указанное установлено в ходе проверки участковым уполномоченным полиции. М. пояснил суду, что соблюдал режим самоизоляции по месту своего проживания один, в связи с плохим самочувствием (боли в животе) 5 февраля 2021 г. вынужден был пойти вечером в аптеку, расположенную рядом с домом, для приобретения лекарственных средств, которые были предписаны ему врачом. При этом соблюдал все требования по защите, был в маске и перчатках, опасности для окружающих не создавал. Суд в своём решении указал, что М.

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (Covid-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Ображиев К. В. Решения Конституционного суда РФ в системе формальных (юридических) источников российского уголовного права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 6. С. 59–64.

угрожала опасность ввиду ухудшения состояния здоровья и необходимости приобретения и приёма лекарственных препаратов, предписанных врачом. Прекращая производство по делу, суд указал, что М., нарушая режим изоляции, действовал в состоянии крайней необходимости, предотвращая опасность, которая угрожала его жизни, и иными средствами опасность не могла быть устранена¹.

Условия пандемии и объективная нехватка медикаментов на внутреннем рынке может послужить поводом к совершению незаконного производства лекарственных средств и медицинских изделий без специального разрешения (лицензии), либо к контрабанде соответствующих предметов. Изучение правоприменительной практики показало, что экстраординарные условия пандемии не учитывались правоприменителем при оценке действий в рамках ст. 235¹ УК РФ.

Так, К. был осужден за незаконное производство лекарственных средств без специальной лицензии, если такая лицензия обязательна, совершённое в крупном размере. Согласно решению суда, К., являясь генеральным директором, не имея лицензии, организовал производство и сбыт лекарственного средства – кислород медицинский газообразный. Произведённый медицинский кислород поставлялся в различные государственные медицинские учреждения на договорной основе. Общая стоимость поставленной продукции превысила необходимый крупный размер, предусмотренный примечанием к ст. 235¹ УК РФ². Полагаем, что применительно к данной ситуации в условиях известного дефицита медицинского кислорода содеянное лицом могло быть оценено как правомерная крайняя необходимость.

Ситуация крайней необходимости может возникнуть при реализации организационно-распорядительных полномочий в деятельности главного врача больницы либо заведующего отделением. Так, например, руководитель медицинского учреждения в отсутствие медицинского кислорода может принять решение об использовании кислорода технического. Равным образом при экспоненциальном росте поступающих заболевших главврач может принять решение о временной перепрофилизации деятельности как подчинённого коллектива, так и соответствующих помещений, предназначенных для лечения других пациентов. Так или иначе это приведёт к приостановке проведения плановых операций, существенному сокращению возможности приёма граждан с другими заболеваниями. Следовательно, все эти меры организационного характера при наступлении негативных последствий могут быть квалифицированы как злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ). Единственным препятствием к уголовному преследованию в данной ситуации является соблюдение руководителем медицинского учреждения требований ст. 39 УК РФ.

¹ Постановление Элистинского городского суда Республики Калмыкия от 14.04.2021 по делу № 5-1177/2021.

² Приговор Альметьевского городского суда от 18 мая 2020 г. по делу № 1-18/2020.

Надо сказать, что за период пандемии единственный оправдательный приговор со ссылкой на положения ст. 39 УК РФ был выявлен именно в подобной ситуации. Органами предварительного следствия действия главного врача городской больницы Якубовского были квалифицированы по ч. 1 ст. 285 УК РФ и по ч. 1 ст. 236 УК РФ. Согласно материалам дела, Якубовский в нарушение установленных требований, подвергая других пациентов и персонал больницы опасности заражения коронавирусной инфекцией, поместил свою супругу с подтверждённым диагнозом Covid-19 в отдельную палату интенсивной терапии терапевтического отделения больницы. Несмотря на представленные обвинением доказательства, суд в своём решении указал следующее: «...Якубовский, являясь заместителем главного врача больницы по лечебной работе (с учётом общего стажа работы в сфере здравоохранения 42 года), осознавая опасность, угрожающую жизни и здоровью ФИО, страдающей рядом тяжёлых хронических заболеваний, которые осложняли лечение у последней «внебольничной пневмонии», являющейся инфекционным заболеванием, в условиях инфекционного отделения КГБУЗ «Верхнебуреинская ЦРБ», находящегося на значительном удалении от основного корпуса больницы, где находится квалифицированный медицинский персонал, способный незамедлительно оказать необходимую медицинскую помощь больной круглосуточно, а также зная, что в инфекционном отделении используется аппарат ИВЛ (искусственной вентиляции легких) с истекшим сроком эксплуатации, с согласия заведующего терапевтическим отделением, в нарушение санитарных правил, предписывающих маршрутизацию указанных больных в инфекционное отделение, поместил ФИО в терапевтическое отделение вышеуказанной больницы для оказания ей квалифицированной медицинской помощи. При этом судом установлено, что Якубовский осознавал невозможность устранения вышеуказанной опасности жизни и здоровью пациента ФИО без нарушения прав и свобод других лиц, а именно медицинского персонала и пациентов терапевтического отделения, при отсутствии явного превышения допустимых при этом пределов, в том числе в виде причинения вреда здоровью, равного или большего по сравнению с тем, который мог быть причинен при дальнейшем развитии возникшей угрозы, поскольку были приняты исчерпывающие меры, направленные на предотвращение угрозы массового заболевания новой коронавирусной инфекцией «COVID-19» среди пациентов и работников Верхнебуреинской ЦРБ. На основании вышеизложенного судом установлено, что Якубовский действовал в состоянии крайней необходимости с целью устранения опасности, которая не могла быть устранена иными средствами, при этом последним не допущено превышений пределов крайней необходимости, что исключает преступность деяния. Судом установлена соразмерность возможного причинения вреда общественным отношениям (угроза заражения коронавирусной инфекцией медицинского персонала и пациентов терапевтического отделения) фактическому вреду здоровья

ФИО с угрозой летального исхода»¹. В апелляционной инстанции судебное решение изменено не было².

Вопрос об условиях и пределах правомерности крайней необходимости в медицине всегда привлекал повышенное внимание, являлся (и по сей день является) предметом бескомпромиссных дискуссий, а также темой многих обстоятельных исследований. Если попытаться обобщить состояние отечественной науки уголовного права по этой проблеме, то, пожалуй, вывод будет довольно неутешительным. Вековая полемика о крайней необходимости в медицине не завершилась формированием какой-либо цельной теории, которая была бы поддержана хотя бы большинством профессионалов. Вместо этого в исследованиях по медицине можно наблюдать конкретные ответы на строго очерченные вопросы.

Пандемия коронавирусной инфекции в зависимости от содержания вынужденных и вредоносных действий, которые медик может совершить, позволила выделить следующие виды крайней необходимости: 1) ситуации, позволяющие проводить медицинское вмешательство при наличии относительных и абсолютных противопоказаний; 2) ситуации, позволяющие проводить медицинское вмешательство с нарушением существующих стандартов оказания медицинской помощи; 3) ситуации, позволяющие врачу принять решение об отказе в оказании медицинской помощи.

Весьма распространенными в медицинской практике являются ситуации крайней необходимости, позволяющие проводить медицинское вмешательство при наличии относительных и абсолютных противопоказаний. К таким, например, можно отнести вынужденное применение врачом медицинского препарата, на который у пациента имеется аллергическая реакция, с целью устранения угрозы для жизни больного в условиях фактической недоступности других форм и (или) методов оказания помощи. Анализируя физиологические аспекты проведения искусственной вентиляции лёгких, многие авторы пишут о противопоказаниях к ней и об отрицательном влиянии респираторной поддержки на системы организма. Вместе с тем отмечается, что абсолютными показаниями к проведению искусственной вентиляции легких являются: 1) острая остановка спонтанного дыхания; 2) крайняя степень внезапно возникших дыхательных расстройств (терминальный или патологический ритм дыхания); 3) избыточная работа дыхательных мышц, что проявляется участием в дыхании вспомогательной мускулатуры; 4) прогрессирующие симптомы гиповентиляции и гипоксии. Нетрудно заметить, что описанные случаи проведения медицинского вмешательства при конкуренции противопоказаний и абсолютных или жизненно важных показаний в целом укладываются в конструкцию уголовно-правовой нормы о крайней необходимости.

¹ Приговор Железнодорожного районного суда города Хабаровска от 12 ноября 2021 г. по делу № 1-398/2021.

² Апелляционное постановление Хабаровского краевого суда от 03 февраля 2022 г. по делу № 22-222/2022.

Самостоятельной разновидностью крайней необходимости в медицинской деятельности при пандемии является ситуация, при которой врач принимает решение об отказе в оказании помощи, в том числе о прекращении её оказания. Природа подобной крайней необходимости заключается в так называемой «коллизии обязанностей». А. П. Дмитренко полагает, что признание коллизии обязанностей как источника возникновения опасности при крайней необходимости не противоречит действующему законодательству, обосновано в науке уголовного права и воспринято судебной практикой [3, с. 375].

В свою очередь, О. С. Капинус пишет: «...неоказание помощи больному в ситуации «коллизии жизней» нельзя оценивать с позиции ст. 39 УК РФ. Впрочем, это ни в коем случае не означает, что медицинский работник, оказавшийся перед сложным этическим выбором между несколькими тяжелобольными пациентами, должен нести уголовную ответственность по ст. 124 УК РФ за неоказание помощи больному. Нужно понимать, что в рассматриваемой ситуации отказ в оказании медицинской помощи является вынужденным, неизбежным. В условиях нехватки стационарных койко-мест, оборудования, лекарственных препаратов у врача отсутствует реальная возможность для оказания медицинской помощи всем нуждающимся, что исключает уголовную ответственность за преступное бездействие... И если при наличии одного свободного аппарата ИВЛ в медицинское учреждение одновременно поступило несколько больных, требующих неотложного проведения инвазивной искусственной вентиляции лёгких, то неоказание необходимой медицинской помощи больному нельзя признать преступным бездействием» [4, с. 108].

С указанными рекомендациями следует в целом согласиться. Однако здесь вопрос поставлен не о крайней необходимости, а о правовых критериях ответственности за пассивное поведение. Правило о невозможности привлечения лица к уголовной ответственности лица за бездействие в ситуации «коллизии обязанностей» неприменимо. Здесь речь идёт не об отсутствии фактической возможности действовать, а о сознательном выборе лица в пользу бездействия.

По мнению О. С. Капинус, уголовная ответственность врача, столкнувшегося с необходимостью делать выбор в пользу одного из нескольких пациентов, по ст. 124 УК РФ возможна только в тех случаях, когда соответствующий выбор был сделан в нарушение регламентов «сортировки» больных... И если врач принял заведомо незаконное решение госпитализировать пациента, не соответствующего установленным критериям, и отказал в госпитализации больному, который по медицинским показателям требует обязательной госпитализации, то при наличии последствий в виде смерти второго пациента или тяжкого вреда его здоровью содеянное необходимо квалифицировать по ст. 124 УК РФ как неоказание помощи больному [4, с. 108].

В Заявлении Всемирной Медицинской Ассоциации (ВМА) «О медицинской этике в период катастроф», принятом в 1994 г., указано, что пострадавшие, тяжесть состояния которых не соответствует возможностям оказания медицинской помощи и чья жизнь не может быть спасена в этих специфических обстоятельствах, такие как тяжелораненые, подвергшиеся радиоактивному облучению, получившие тяжелые несовместимые с жизнью ожоги, или *тяжёлые хирургические больные, требующие особо сложного и длительного оперативного вмешательства* (выделено мной. – З. С.), вынуждают врача делать выбор между ними и другими пострадавшими. По перечисленным причинам эта категория больных при сортировке классифицируется как «безнадёжные». Решение «оставить пострадавшего без внимания ввиду иных приоритетов, диктуемых ситуацией бедствия», не должно рассматриваться как «отказ от помощи человеку, находящемуся в смертельной опасности». Подобное решение, направленное на спасение максимального числа пострадавших, совершенно оправдано...» [5].

Надо признать, что действующая редакция ст. 39 УК РФ не позволяет реализовать соответствующие рекомендации на национальном уровне. Условия правомерности крайней необходимости по смыслу ст. 39 УК РФ делают невозможным такой выбор медицинского персонала. Таким образом, в отечественном правовом поле сложилась ситуация пробельности уголовно-правового обеспечения медицинской сортировки. В связи с этим полагаем необходимым внести изменения в УК РФ путём выделения привилегированного вида крайней необходимости медицинского работника, рассчитанной на применение в чрезвычайных условиях, в том числе в обстановке пандемии (ст. 39¹ «Медицинская сортировка»).

Современное регулирование медицинской сортировки в отечественном правовом поле позволяет сделать вывод о необходимости его совершенствования. Без этого предлагаемая норма не имеет предпосылок к существованию. С учётом имеющегося отечественного и зарубежного опыта надлежит предельно чётко определить критерии правомерного отказа медицинского работника от помощи пациенту с низким рейтингом выздоровления в пользу пациента с высоким рейтингом, нуждающегося в незамедлительной интенсивной терапии острой дыхательной недостаточности, то есть находящегося в опасном для жизни состоянии. Такая «скоринг-система», конечно же, является проблемой не только правовой, но прежде всего этической. Вместе с тем сейчас в условиях острой нехватки оборудования вся ответственность возлагается на конкретного специалиста, который с учётом своего опыта на свой страх и риск принимает самостоятельное решение прекратить поддержку пациента с отрицательной динамикой (когда исход представляется очевидным и является делом времени) и подключить к аппарату ИВЛ пациента с высоким шансом на выздоровление. Правильно ли это? Пожалуй, вопрос риторический. Упреждая возможную критику, заранее следует оговориться,

что сделанное предпочтение в пользу термина «медицинская сортировка», возможно, является ошибочным. В любом случае это обсуждаемо. Важным представляется реализация самой идеи.

Другим важным вопросом в период пандемии является применяемость и достаточность нормы об обоснованном риске (ст. 41 УК РФ). Среди специалистов является довольно распространенным мнение, что легитимация в уголовном законе рискованной деятельности, объявление её при известных обстоятельствах правомерной даже в ситуациях наступления тяжких последствий есть прежде всего важная гарантия научного поиска. Согласимся с этим. Во многих областях науки и техники без риска невозможно добиться сколь бы то ни было значимых результатов.

В период пандемии Covid-19 проблема обоснованного риска в уголовно-правовом контексте предстала исключительно в медицинской плоскости, причём в двух основных формах: 1) применимость правила об обоснованном риске для случаев использования лекарственных средств (прежде всего вакцин), не прошедших всех требуемых стандартами испытаний на безопасность; 2) применимость правила об обоснованном риске для оценки деятельности медицинских работников, которые в отсутствие каких-либо утвержденных алгоритмов лечения применяют собственные методики либо используют подходы, рекомендуемые другими специалистами, которые однако же не получили должной апробации и одобрения со стороны официальных органов в сфере здравоохранения.

Сразу необходимо указать, что вторая выделяемая форма обоснованного риска при пандемии не имеет должных под собой оснований. Врач не имеет права «выдумывать «на ходу», новые методики лечения, а равно по своему усмотрению увеличивать дозировку, нарушать обязательные ограничения по совместимости с другими препаратами, ссылаясь на допустимость риска для поиска эффективного алгоритма лечения Covid-19. В практике конкретного врача такое «творчество» есть преступление при наступлении тяжких последствий. Как уже отмечалось ранее, при определенных обстоятельствах ситуация вынужденного применения запрещённого для отдельного пациента препарата может возникнуть (например, при отсутствии в конкретной ситуации необходимых лекарственных средств), но оцениваться поведение медика здесь должно по правилам крайней необходимости.

Природа обоснованного риска по смыслу ст. 41 УК РФ не предполагает спонтанности действия. Напротив, это обстоятельство, исключающее преступность деяния, требует опоры на конкретные теоретические и эмпирические данные, предварительное обсуждение среди профессионального сообщества и, по большому счёту, соответствующее оформление принятого решения о допустимости осуществления мероприятий, связанных с риском причинения вреда охраняемым законом интересам.

О. С. Капинус отмечает, что «в любом случае, именно медицинские регламенты являются тем стандартом, с позиции которого необходимо оценивать соблюдение условий правомерности обоснованного риска. Они устанавливают границы рискованного поведения в соответствующей сфере, а потому отступление от них означает, что лицо нарушило требования ч. 2 ст. 41 УК РФ о принятии достаточных мер для предотвращения вреда охраняемым уголовным законом интересам. Соответственно, испытатели вакцины, нарушившие обязательные специальные правила, подлежат уголовной ответственности за причинение вреда жизни и здоровью добровольцев, участвующих в испытаниях» [4, с. 109].

В сведении обоснованного риска по смыслу ст. 41 УК РФ к соблюдению установленных медицинских регламентов «обстоятельного, репрезентативного и долгосрочного исследования» усматривается что-то противоречивое. Иными словами, получается, что обоснованный риск – это тот же профессиональный риск клинического исследования, который в известном смысле имеется всегда и в любых обстоятельствах. Согласиться с такой трактовкой, пожалуй, нельзя. Напротив, обоснованный риск в уголовно-правовом смысле присутствует там и тогда, где и когда медицинское сообщество в силу объективных обстоятельств вынуждено отступить от стандартов «обстоятельного, репрезентативного и долгосрочного исследования» вакцины, иного лекарственного средства, а равно метода лечения.

Таким образом, обоснованный риск в условиях пандемии представляет собой причинение вреда больному, связанное с отступлением от стандартов полного и долгосрочного исследования лекарственного средства или метода лечения, терапевтическое использование которых основывалось на достаточных теоретических и эмпирических данных, было одобрено коллегиальным мнением специалистов и санкционировано официальными органами в сфере здравоохранения в целях кардинального улучшения эпидемиологической обстановки.

Обоснованный риск в медицине всегда должен основываться на уверенном научном знании, качественном анализе и, соответственно, убедительном с научной точки зрения благоприятном прогнозе. В. В. Бабурин метко резюмирует по данному поводу, что эти действия должны соответствовать «современному уровню научных знаний» [6, с. 67]. Вместе с тем следует учитывать, что обоснованность риска не устраняется самим отсутствием точных знаний по какому-то отдельному предмету. Это довольно распространённая, если не сказать типичная, ситуация для научного поиска и научно-экспериментальной деятельности. Так, во временных методических рекомендациях по профилактике, диагностике и лечению новой коронавирусной инфекции (Covid-19) напрямую указывается, что «оценка риска кровотечений у больных с Covid-19 не разработана». Согласно шкале «IMPROVE» наиболее значимыми факторами риска крупных и клинически значимых некрупных кровотечений в первые 2 недели госпитализации у терапевтиче-

ских больных являются: активная язва желудка или 12-перстной кишки, кровотечение в предшествующие 3 месяца, возраст старше 85 лет, уровень тромбоцитов в крови ниже $50 \times 10^9/\text{л}$, тяжёлая печёночная недостаточность, скорость клубочковой фильтрации ниже $30 \text{ мл/мин}/1,73 \text{ м}^2 \dots$ » [7]. Иными словами, в отсутствие надлежащих эмпирических данных (по объективным и вполне понятным причинам) предлагаются лишь отдельные критерии оценки риска возможного осложнения.

Соблюдение данного условия правомерности обоснованного риска предполагает надлежащее экспертное обсуждение предлагаемого решения, его верификацию в свете самых последних публикаций по проблеме как в отечественных, так и в зарубежных источниках.

В отечественной теории уголовного права высказываются предложения по дополнению действующего уголовного законодательства специальной нормой об обоснованном медицинском риске [8, с. 65]. Данное предложение, на наш взгляд, имеет под собой должные основания и вполне может претендовать на реализацию в законотворческой практике. Здесь надо пояснить, что такая поддержка этой инициативы основывается на том убеждении, что любая детализация института обстоятельств, исключающих преступность деяния (конкретизация условий; выделение привилегированных видов; расширение общего перечня и т. п.), служит повышению защищённости личности от необоснованного уголовного преследования, тем самым повышает гуманистическую составляющую национального механизма уголовно-правовой охраны. В данном отношении глава 8 УК РФ не может предложить многое. Довольно лаконичный набор оснований, абстрактность признаков, исключительно избирательная применимость на практике – всё это свидетельство даже не стагнации, а неразвитости института. И наконец, нельзя не согласиться, что медицинская деятельность и по своей онтологической специфичности, и с точки зрения социальной значимости обладает совершенно особым (исключительным) статусом, требующим предметно-целевого регулирования, в том числе на уровне уголовного законодательства.

Список источников

1. Латыпова Э. Ю. О спорных вопросах содержания некоторых обстоятельств, исключающих преступность деяния, в свете пандемии Covid-19 // Материалы IV Международной научно-практической конференции «Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако», 22–23 мая 2020 г. Тамбов, 2020. С. 399–404.

2. Ображиев К. В. Решения Конституционного суда РФ в системе формальных (юридических) источников российского уголовного права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 6. С. 59–64.

3. Дмитренко А. П. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в уголовном праве России: основы теории, законодательной регламентации и правоприменения : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. М., 2010. 522 с.

4. Капинус О. С. Актуальные биоэтические проблемы и их правовое измерение // Государство и право. 2021. № 11. С. 100–110.
5. Заявление о вопросах медицинской этики в период катастроф. Принято 46-й Всемирной Медицинской Ассоциацией. Стокгольм. Швеция. 1994 г. URL: www.unesco.org.
6. Бабурин В. В. Понятие и виды риска в уголовном праве. Омск : Омская академия МВД России, 2006. 104 с.
7. Временные методические рекомендации «Профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Версия 15 (22.02.2022)» (утв. Минздравом России) (вместе с «Инструкцией по проведению диагностики COVID-19 с применением методов амплификации нуклеиновых кислот», «Инструкцией по проведению диагностики COVID-19 с применением иммунохимических методов», «Рекомендованными схемами лечения в амбулаторных условиях», «Рекомендованными схемами лечения в условиях стационара», «Инструкцией по соблюдению мер инфекционной безопасности для выездных бригад скорой медицинской помощи») // СПС «КонсультантПлюс».
8. Медицинское уголовное право: монография / отв. ред. А. И. Парог. М. : Проспект, 2022. 576 с.
9. Шкабин Г. С. Пандемия Covid-19 как источник опасности при крайней необходимости // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 3. С. 40–50.

References

1. Latypova E. Yu. On controversial issues of the content of certain circumstances excluding the criminality of an act in the light of the Covid-19 pandemic. In: *Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Tambovskie pravovye chteniya imeni F. N. Plevako», 22–23 maya 2020 g.* Tambov, 2020, pp. 399–404. (In Russ.).
2. Obrazhiev K. V. Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the system of formal (legal) sources of Russian criminal law. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2008, no. 6, pp. 59–64. (In Russ.).
3. Dmitrenko A. P. Circumstances precluding criminality of an act in the criminal law of Russia: fundamentals of theory, legislative regulation and law enforcement. Dis. Dr. (Legal Sci.). Moscow, 2010. 522 p. (In Russ.).
4. Kapinus O. S. Actual bioethical problems and their legal dimension. *Gosudarstvo i pravo*, 2021, no. 11, pp. 100–110. (In Russ.).
5. Statement on issues of medical ethics during disasters. Adopted by the 46th World Medical Association. Stockholm. Sweden. 1994. Available at: www.unesco.org. (In Russ.).

6. Baburin V. V. The concept and types of risk in criminal law. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2006. 104 p. (In Russ.).

7. Interim guidelines «Prevention, diagnosis and treatment of a new coronavirus infection (COVID-19). Version 15 (22.02.2022)» (approved by the Ministry of Health of Russia) (together with «Instructions for diagnosing COVID-19 using nucleic acid amplification methods», «Instructions for diagnosing COVID-19 using immunochemical methods», «Recommended schemes of treatment on an outpatient basis», «Recommended schemes of treatment in a hospital», «Instructions on compliance with infectious safety measures for mobile ambulance teams»). *Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tant-Plus»*. (In Russ.).

8. Rarog A. I. (ed.). Medical criminal law: monograph. Moscow: Prospekt Publ., 2022. 576 p. (In Russ.).

9. Shkabin G. S. Pandemic Covid-19 as a source of danger in case of emergency. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya*, 2020, no. 3, pp. 40–50. (In Russ.).

Информация об авторе

З. М. Сизо – советник юстиции, прокурор г. Горячий Ключ Краснодарского края, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия.

Information about the author

Z. M. Sizo – prosecutor of Goryachiy Klyuch, counselor of justice, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 3. С. 140–149.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 3. P. 140–149.

Научная статья

УДК 347.44-044.3

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/140-149>

СПЕЦИФИКА ОЦЕНОЧНЫХ ПОНЯТИЙ В ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОМ ПРАВЕ

Ася Ашотовна Аракелян

Северо-Кавказский социальный институт, г. Ставрополь, Россия, asek2304@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7359-8264>

Аннотация. Статья посвящена исследованию правовых и неправовых признаков оценочных понятий в гражданском праве, предложено авторское определение оценочных понятий. Целью данного исследования является выявление специфики оценочных понятий договорного права. В работе использованы методы логического и системного анализа предпосылок закрепления оценочных понятий в законе и определения круга лиц, наделенных правом толковать оценочные понятия в договоре. Изучение данной проблемы является значимым и актуальным в современном обязательственном праве, учитывая продолжающуюся тенденцию расширения использования оценочных понятий как законодателем, так и участниками обязательственных правоотношений.

Ключевые слова: оценочные понятия, договорное право, обязательственное право, поднормативное регулирование, толкование оценочных понятий.

Для цитирования: Аракелян А. А. Специфика оценочных понятий в обязательственном праве // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 3. С. 140–149. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/140-149>

Original article

THE ROLE OF EVALUATIVE CONCEPTS IN THE LAW OF OBLIGATIONS

Asya A. Arakelyan

North Caucasus Social Institute, Stavropol, Russia, asek2304@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of legal and non-legal features of evaluative concepts in civil law, the author's definition of evaluative concepts is proposed. The purpose of this study is to identify the specifics of the evaluative concepts of contract law. The paper uses methods of logical and systematic analysis of the prerequisites for fixing evaluative concepts in the law and determining the circle of persons entitled to interpret evaluative concepts in the contract. The study of this problem is significant and relevant in the modern law of obligations. given the continuing trend of expanding the use of evaluative concepts by both the legislator and the participants in legal obligations.

Keywords: evaluative concepts, contract law, obligation law, sub-normative regulation, interpretation of evaluative concepts.

For citing: Arakelyan A. A. The role of evaluative concepts in the law of obligations // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol 24, no 3. P. 140–149. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/140-149>

В конце XX в. и начале XXI в. на смену абсолютной свободе договора приходит концепция защиты слабой стороны в договоре, внедрение некоторых ограничений свободы договора. Не последнюю роль в этом играют оценочные понятия, такие как «разумность», «справедливость», «добросовестность», «недобросовестное поведение», «злоупотребление правом», «тяжёлые обстоятельства», «существенно», «разумно» и т. д. Перечень можно продолжить, ведь он зависит от социально-экономических условий конкретной правовой системы.

Оценочные понятия были предметом научных поисков Т. В. Кашаниной, А. Г. Диденко, Д. Н. Левиной и др. Но труды упомянутых выше учёных в значительной мере характеризовали оценочные понятия как общеправовую категорию. Между тем специфика оценочных понятий в договорном праве в том, что они могут устанавливаться не только государством, но и быть включены сторонами в текст договора.

Авторство термина «оценочные понятия» принадлежит исследователю проблемы применения норм права С. И. Вильнянскому. Введя данный термин в научный оборот, учёный считал, что оценочные понятия «...дают суду возможность

свободной оценки фактов и учёта индивидуальных особенностей конкретного случая при обязательном применении закона» [1, с. 13].

В результате дальнейших исследований учёными был предложен ряд авторских определений оценочных понятий. Так, Я. М. Брайнин под оценочными понимал понятия, которые не конкретизированы законодателем, а уточняются органом, что применяет закон [2, с. 27]. Т. В. Кашаниной была сформулирована следующая дефиниция: «...оценочное понятие – это выраженное в нормах права положение (предписание законодателя), в котором закрепляются наиболее общие признаки, свойства, качества, связи и отношения разнообразных предметов, явлений, действий, процессов, которые подробно не разъясняются законодателем с той целью, чтобы они конкретизировались путём оценки в процессе применения права...» [3, с. 16]. Будучи исследователем оценочных понятий в гражданском законодательстве, А. Г. Диденко считает, что таковым является понятие, «посредством которого законодатель предоставляет субъектам реализации правовых норм в процессе такой реализации (использовании, исполнении, соблюдении, применении норм права) самим определять меру, отделяющую одно правовое состояние от другого, либо правовое состояние от неправового» [4].

Каждая из вышеупомянутых дефиниций в той или иной мере раскрывает суть оценочных понятий в праве. Но, вместе с тем, они не отражают всей специфики оценочных понятий в договорном праве. Ввиду их значения как критерия ограничения договорной свободы, стоит сформулировать собственную авторскую дефиницию.

В этой связи отдельного исследования заслуживает вопрос определения круга субъектов, уполномоченных толковать и раскрывать содержание оценочных понятий в договоре.

Как указывает Конституционный Суд РФ, «именно судебная власть, действующая на основе принципов самостоятельности, справедливого, независимого, объективного и беспристрастного правосудия, по своей природе в наибольшей мере предназначена для решения споров на основе законоположений, в которых законодатель использует в рамках конституционных предписаний оценочные понятия» [5].

Аналогичную позицию мы находим и в практике Верховного Суда РФ, говорящего о предназначении именно судебной власти «для решения правовых споров, в том числе в случаях, касающихся уяснения нормативного содержания оценочных понятий, устанавливаемых законодателем в рамках дискреционных полномочий» [6].

Действительно, именно к полномочиям судебной власти отнесено решение правовых споров, вместе с тем, позиция некоторых учёных о том, что придание конкретного содержания оценочным понятиям всецело остается на усмотрении суда [7, с. 41], видится спорной особенно применительно к оценочным понятиям в обязательственном праве.

Стороны сами вправе определять условия договора, применять оценочные понятия в договоре по своему усмотрению, самостоятельно определять, соблюден ли баланс интересов, произошло ли существенное изменение обстоятельств. Ведь именно в этом и заключается основная особенность диспозитивного метода правового регулирования. Кроме того, стороны имеют широкую свободу относительно толкования содержания оценочных понятий в процессе правоприменения. Это признаёт и Конституционный Суд РФ: «Понятия "основы правопорядка" и "нравственность", как и всякие оценочные понятия, наполняются содержанием в зависимости от того, как их трактуют участники гражданского оборота и правоприменительная практика...» [8].

Круг лиц, наделённых правом толковать оценочные понятия, не ограничивается сторонами договора или судом. Например, прокурор уполномочен, оспаривая сделку, доказывать факт совершения её с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности (ст. 169 ГК РФ).

С учётом специфики договорного права целесообразно выделить следующие правовые признаки оценочных понятий в нём:

- 1) возможность установки их по усмотрению сторон в договоре;
- 2) окончательная неопределённость как в законодательных нормах, так и в конкретно взятом договоре между сторонами;
- 3) уточнение и конкретизация в ходе исполнения обязательства и в процессе правоприменительной практики;
- 4) нормативная нагрузка;
- 5) возможность осуществить нормативное регулирование с учётом специфики отдельно взятого договора;
- 6) толкование не только судом, сторонами договора, но и другими субъектами (в частности, прокурором).

С учётом дефиниций оценочных понятий, которые были указаны, и на основании выделенных признаков целесообразно предложить авторское определение оценочных понятий в договорном праве.

По нашему мнению, оценочными понятиями в договорном праве являются понятия, не конкретизированные законодателем, и предоставляющие суду, сторонам договора и другим уполномоченным или заинтересованным лицам возможность оценки фактов и учёта индивидуальных особенностей конкретного договорного правоотношения в пределах, определённых законом.

В правовой науке выделены различные предпосылки нормативного закрепления оценочных понятий. А. А. Малиновский к основаниям законодательного закрепления оценочных понятий относит: 1) объективную невозможность точного определения некоторых явлений и процессов в силу их своеобразия; 2) многогранность правовой действительности и невозможность четко выделить все её

характерные признаки; 3) мнимая очевидность содержания понятия на момент принятия нормативного предписания и сложность его дальнейшего применения; 4) нецелесообразность исчерпывающей детальной регламентации общественных отношений, что предоставляет судье или иному органу правоприменения право самостоятельно определить их содержание и урегулировать конкретную ситуацию [9, с. 271].

Т. В. Кашанина выделяет объективные и субъективные причины существования оценочных понятий. Под объективными учёный понимает социальные факторы, которые не зависят от воли и усмотрения законодателя, а являются результатом общественного развития. Такими, по мнению Т. В. Кашаниной, в частности являются: «1) многообразие явлений общественной жизни, 2) быстрая текучесть общественной жизни, видоизменяемость явлений социальной действительности; 3) органичная взаимосвязь права и морали» [3, с. 9]. Субъективными причинами, которые зависят от воли законодателя либо вытекают из самого общественного развития, на взгляд учёного, могут быть признаны «...погрешности, ошибки при составлении норм права, <...> недостаточная степень развития юридической науки, юридической техники, правового инструментария, практики применения правовых норм» [3, с. 10].

По мнению других авторов, в первую очередь воля человека характеризует как объективные, как и субъективные причины существования оценочных понятий. Так, Д. М. Левина к предпосылкам закрепления оценочных понятий в законодательстве относит: «1) динамизм общественных отношений; 2) изменчивость экономической и социальной обстановки в стране; 3) многообразие форм человеческого поведения и его результатов» [10, с. 19].

Тенденция к увеличению удельного веса оценочных понятий в гражданском законодательстве заметна именно в переходные этапы развития общества. В своё время в советском праве сформировалось критическое отношение к данным понятиям. Так, цивилистическая теория называла оценочные понятия «каучуковыми нормами», которые не нужны гражданскому законодательству как приводящие к путанице и неразберихе на практике.

Однако, не взирая на это, Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. содержал немалое количество норм с оценочными понятиями: «злонамеренное соглашение», «заблуждение, имеющее существенное значение» (ст. 32), «явно невыгодная сделка» (ст. 33), «добросовестный, недобросовестный владелец», «необходимые затраты» (ст. 59), «неустойка чрезмерно велика», «заслуживающий уважения интерес кредитора» (ст. 142), «недостатки, значительно уменьшающие цену» (ст. 195), «обычное значение» (ст. 227), «обстоятельства, имеющие существенное значение» (ст. 382), «значительные изменения» (ст. 385) [11], которые использовались преимущественно в нормах обязательственного права.

В дальнейшем в Гражданском кодексе РСФСР 1964 г. появились такие новые понятия, как: «тяжёлые обстоятельства» (ст. 58), «недобросовестно» (ст. 61), «добросовестный приобретатель» (ст. 152), «надлежащим образом» (ст. 168), «немедленно» (ст. 172), «ненадлежащее исполнение» (ст. 227), «обычно предъявляемые требования» (ст. 245), «нормальное использование» (ст. 248), «значительно превысить», «своевременно» (ст. 352) и др. [12].

Современное отечественное гражданское законодательство со свойственными ему принципами диспозитивности, свободы договора и предпринимательской деятельности, справедливости, добросовестности, разумности трудно представить без норм с оценочными понятиями. Из анализа действующего Гражданского кодекса Российской Федерации [13], который сохранил большинство норм с оценочными понятиями, содержащихся в Гражданских кодексах 1922 и 1964 гг., чётко прослеживается тенденция к более широкому применению законодателем оценочных понятий именно для регулирования договорных отношений. К ним, в частности, относятся такие, как: «заведомо недобросовестное осуществление прав» (ст. 10), «действовать добросовестно» (ст. 307), «разумный срок» (ст. 314), «разумные основания» (ст. 431.2), «недобросовестные действия» (ст. 434.1) и др.

Законодатель пошёл и по пути закрепления основных признаков некоторых из оценочных понятий.

Например, пункт 1 ст. 451 ГК РФ устанавливает, что изменение обстоятельств признаётся существенным, когда они изменились настолько, что, если бы стороны могли это разумно предвидеть, договор вообще не был бы ими заключён или был бы заключён на значительно отличающихся условиях. Пункт 1 ст. 302 ГК РФ даёт дефиницию добросовестного приобретателя, который возмездно приобрёл имущество у лица, не имевшего права его отчуждать, о чём приобретатель не знал и не мог знать.

Об оценочных понятиях упоминается также в судебных актах Конституционного Суда РФ. В частности, в постановлении Конституционного Суда РФ от 22.06.2017 № 16-П содержатся разъяснения, согласно которым «добросовестным приобретателем применительно к недвижимому имуществу в контексте пункта 1 ст. 302 ГК РФ в его конституционно-правовом смысле в правовой системе Российской Федерации является приобретатель недвижимого имущества, право на которое подлежит государственной регистрации в порядке, установленном законом, если только из установленных судом обстоятельств дела с очевидностью не следует, что это лицо знало об отсутствии у отчуждателя права распоряжаться данным имуществом или, исходя из конкретных обстоятельств дела, не проявило должной разумной осторожности и осмотрительности, при которых могло узнать об отсутствии у отчуждателя такого права» [5].

Верховный Суд РФ, разъясняя порядок уменьшения судом неустойки на основании статьи 333 ГК РФ, определяет критерии оценки «несоразмерности» неустойки, что является оценочным понятием. «Несоразмерность и необосно-

ванность выгоды могут выражаться, в частности, в том, что возможный размер убытков кредитора, которые могли возникнуть вследствие нарушения обязательства, значительно ниже начисленной неустойки» [14, п. 73]. Таким образом, мы имеем разъяснение содержания одного оценочного понятия «несоразмерность и необоснованность» посредством другого – «значительно», что является специфической чертой оценочных понятий.

Высший Арбитражный Суд РФ предлагает, оценивая одно абстрактное понятие – «соразмерность» неустойки последствиям нарушения денежного обязательства, соотнести его с другим оценочным понятием – величина «достаточная» для компенсации потерь кредитора, предлагая при этом абсолютно конкретный размер неустойки – двукратная учётная ставка Банка России.

В результате приведённых позиций и разъяснений высших судебных инстанций на сегодняшний день имеется сложившаяся судебная практика снижения размера договорной неустойки до двукратной ключевой ставки, что, несмотря на действующий принцип свободы договора (в том числе в части установления сторонами размера договорной неустойки), является своего рода ограничением данной свободы и в большей степени отвечает принципам добросовестности и недопустимости злоупотребления правом.

Данный пример наглядно демонстрирует возможность ограничения договорной свободы правоприменителем (в данном случае судом) в ходе реализации договорных отношений в процессе оценки конкретного положения (размер неустойки) на предмет его соответствия абстрактному понятию (соразмерность), содержание которого, как мы видим, может быть установлено, в свою очередь, посредством конкретных параметров, размеров и т. п.

Как справедливо отмечает А. Г. Диденко, «свободно избрав вид договора, сторона должна знать, что она подчиняет себя, во-первых, содержащимся в законодательном регулировании данного договора оценочным понятиям, во-вторых, той мере объективности оценочных понятий, которая сложилась в праве» [4].

Таким образом, из всего вышесказанного следует, что оценочные понятия, не являющиеся сами по себе ограничениями договорной свободы, в то же время при раскрытии этих понятий сторонами, судом или иным правоприменителем приобретают весьма чёткое содержание, которое можно считать ограничением свободы договора.

Список источников

1. Вильнянский С. И. Применение норм советского права // Учёные записки Харьковского юридического института. Вып. 7. Харьков, 1956. С. 13–32.
2. Брайнин Я. М. Уголовный закон и его применение. М. : Юридическая литература, 1967. 240 с.

3. Кашанина Т. В. Оценочные понятия в советском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1974. 22 с.
4. Диденко А. Г. Оценочные понятия в гражданском законодательстве // Гражданское законодательство. Статьи. Комментарии. Практика. Избранное. Т. V, вып. 36-45. Алматы, 2017. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32118836#pos=156;35.
5. По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. Н. Дубовца: Постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2017 № 16-П. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_218686/.
6. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 30.10.2019 по делу № 44-КА19-9. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-02092019-n-44-ka19-6/>.
7. Забоев К. И. Оценочные понятия как критерии ограничения свободы гражданско-правового договора // Российский юридический журнал. 2002. № 2 (34). С. 40–49.
8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества «Уфимский нефтеперерабатывающий завод» на нарушение конституционных прав и свобод статьёй 169 Гражданского кодекса Российской Федерации и абзацем третьим пункта 11 статьи 7 Закона Российской Федерации «О налоговых органах Российской Федерации»: Определение Конституционного Суда РФ от 08.06.2004 № 226-О. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_49667/.
9. Малиновский А. А. Оценочные понятия в законодательстве // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование : в 2 т. / под ред. В. М. Баранова. Т. 1. Новгород, 2001. С. 268–272.
10. Левина Д. Н. Теоретические проблемы толкования и применения оценочных понятий : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 36 с.
11. Гражданский кодекс РСФСР Постановление ВЦИК от 11.11.1922. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901808921>.
12. Гражданский кодекс РСФСР от 11.06.1964. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/3/page/13>.
13. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1 от 30.11.1994. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.
14. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7. URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/8478/>.

References

1. Vilnyansky S. I. Application of the norms of Soviet law. *Uchenye zapiski Khar'kovskogo yuridicheskogo instituta*, issue 7. Kharkov, 1956, pp. 13–32. (In Russ.).
2. Brainin Ya. M. Criminal law and its application. M.: Legal literature, 1967. 240 p. (In Russ.).
3. Kashanina T. V. Estimated concepts in Soviet law. Dis. Cand. (legal Sci.). Synopsis. Sverdlovsk, 1974. 22 p. (In Russ.).
4. Didenko A. G. Estimated concepts in civil legislation. *Grazhdanskoe zakonodatel'stvo. Stat'i. Kommentarii. Praktika. Izbrannoe. Vol. V, no. 36-45*. Almaty, 2017. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32118836#pos=156;35. (In Russ.).
5. In the case of checking the constitutionality of the provision of paragraph 1 of Article 302 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen A. N. Dubovets: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 22, 2017 No. 16-P. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_218686/. (In Russ.).
6. Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 30, 2019 in case No. 44-KA19-9. Available at: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-02092019-n-44-ka19-6/>. (In Russ.).
7. Zaboiev K. I. Estimated concepts as criteria for restricting the freedom of a civil law contract. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 2002, no. 2 (34), pp. 40–49. (In Russ.).
8. On the refusal to accept for consideration the complaint of the open joint-stock company "Ufimsk Oil Refinery" for violation of constitutional rights and freedoms under Article 169 of the Civil Code of the Russian Federation and the third paragraph of paragraph 11 of Article 7 of the Law of the Russian Federation "On Tax Authorities of the Russian Federation": Ruling of the Constitutional Court RF dated 06/08/2004 No. 226-O. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_49667/.
9. Malinovsky A. A. Evaluative concepts in legislation. In: Baranova E. V. (ed.) *Zakonotvorcheskaya tekhnika sovremennoi Rossii: sostoyanie, problemy, sovershenstvovanie*: in 2 volumes. Vol. 1. Novgorod, 2001, pp. 268–272. (In Russ.).
10. Levina D. N. Theoretical problems of interpretation and application of evaluative concepts. Dis. Cand. (Legal Sci.). Synopsis. N. Novgorod, 2007. 36 p. (In Russ.).
11. Civil Code of the RSFSR Decree of the All-Russian Central Executive Committee of 11.11.1922. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/901808921>. (In Russ.).
12. Civil Code of the RSFSR of 06.11.1964. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/3/page/13>. (In Russ.).

13. Civil Code of the Russian Federation. Part 1 dated 11.30.1994. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/. (In Russ.).

14. On the application by the courts of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for breach of obligations Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 24, 2016 No. 7. Available at: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8478/>. (In Russ.).

Сведения об авторе

А. А. Аракелян – аспирант кафедры гражданского права и процесса Северо-Кавказского социального института, г. Ставрополь, Россия.

Information about the author

A. A. Arakelyan – postgraduate student of the Department of Civil Law and Procedure of the North Caucasus Social Institute, Stavropol, Russia.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 3. С. 150–163.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 3. P. 150–163.

Научная статья

УДК 343.77:502.77(470)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/150-163>

ПОРЧА ЗЕМЛИ, НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕДР

Станислав Игоревич Голубев

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия,
S.Golubev16@rambler.ru

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы определения предмета преступления, предусмотренного ст. 254 УК РФ, а также обстоятельств мест совершения преступления, и, что немаловажно, рассмотрен досконально сам термин «земля». На основе анализа юридической литературы сделаны выводы об акцентировании внимания на иных характеристиках земли при её определении. Сделаны обоснованные выводы относительно нетождественности понятий недра и содержащее недра. При рассмотрении примеров судебной и следственной практики сделан вывод о том, что предметом преступления признают почву. В работе на наглядном примере показан вариант, при котором единственно возможным является буквальное толкование уголовно-правовой нормы, в которой предмет преступления зафиксирован как недра.

Ключевые слова: экологическая безопасность, земля, недра, экологическое преступление, объект преступления, предмет преступления, почва, суша.

Для цитирования: Голубев С. И. Порча земли, нарушение правил охраны и использования недр // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 3. С. 150–163. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/150-163>

Original article

LAND DAMAGE, VIOLATION OF THE RULES OF PROTECTION AND USE OF SUBSOIL

Stanislav I. Golubev

Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russia, S.Golubev16@rambler.ru

Abstract. The article discusses the issues of determining the subject of the crime under Art. 254 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the circumstances of the crime scene, and, importantly, the very term "land" itself has been thoroughly examined. Based on the analysis of legal literature, conclusions were drawn about focusing on other characteristics of the land in its determination. Reasonable conclusions are made regarding the non-identity of the concepts of subsoil and subsoil content. Analysis of the examples of judicial and investigative practice has led to the conclusion that soil is recognized as the object of the crime. Based on the clear example this research work shows the only possible variant that involves a literal interpretation of the criminal law norm, in which the object of the crime is recorded as subsoil.

Keywords: environmental safety, land, subsoil, environmental crime, object of crime, target of crime, soil, land.

For citing: Golubev S. I. Land damage, violation of the rules of protection and use of subsoil // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol 24, no 3. P. 150–163. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/150-163>

В ст. 254 УК РФ в качестве предмета преступления названа порча земли. Термин «земля» полисемантический, в толковых словарях выделяется несколько его лексических значений: планета; суша (в противоположность водному или воздушному пространству); почва – верхний слой планеты; страна, государство, а также вообще какая-нибудь большая территория; территория с угодьями, находящаяся в чьем-нибудь владении, пользовании [1, с. 224].

При определении земли в юридической литературе внимание акцентируется на иных её характеристиках. Она трактуется как: 1) природный объект, имеющий важное экологическое значение, охраняемый в качестве составной части природы; 2) природный ресурс, используемый и охраняемый в качестве основы жизни и деятельности населения (естественное средство производства и естественный производственный базис); 3) недвижимое имущество, объект права собственности и иных прав собственности; 4) объект водных общественных отношений и водных правовых отношений [2, с. 236]. Эти правовые позиции о земле согласуются с её

законодательной оценкой, содержащейся в п. 1 ч. 1 ст. 1 Земельного кодекса РФ: «...регулирование отношений по использованию и охране земли осуществляется исходя из представлений о земле как о природном объекте, охраняемом в качестве важнейшей составной части природы, природном ресурсе, используемом в качестве средства производства в сельском хозяйстве и лесном хозяйстве и основы осуществления хозяйственной и иной деятельности на территории Российской Федерации, и одновременно как о недвижимом имуществе, об объекте права собственности и иных прав на землю» [3]. Аналогичным образом земля характеризуется в Основах государственной политики использования земельного фонда Российской Федерации на 2012–2020 гг., утверждённых постановлением Правительства РФ от 3 марта 2012 г. № 297-р (в ред. от 28 августа 2014 г.).

В политологической и экономической литературе земля рассматривается в двух аспектах: как политическая и как экономическая категория. В первом значении во главу угла ставится её пространственный предел (границы), определяющий территорию государства или его административно-территориального образования; во втором значении она предстает как объект хозяйственной деятельности, собственности, пользования и правовой охраны. Например, в ст. 9 Конституции РФ сказано: «Земля и другие природные ресурсы используются и охраняются как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории».

...Земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности».

О земле как объекте права собственности говорится в ч. 1 ст. 36 Конституции РФ, а в ч. 3 этой же статьи – как предмете правового регулирования земельного законодательства.

Наряду с термином «земля» в нормативных правовых актах используются термины: в ГК РФ – земельные участки (ст. 279 и др.): в Земельном кодексе РФ – множественное число этого слова: зёмли.

Земля как природный объект и как природный ресурс, земельные участки и их части согласно ст. 6 Земельного кодекса РФ признаются объектами земельных отношений.

Специалистами выделяются свойства земли, к числу которых относят: 1) всеобщее условие и предмет человеческого труда; 2) территориальный базис жизни и деятельности людей; 3) неуничтожимость; 4) незаменимость; 5) невозобновляемость; 6) ограниченность в пространстве [4, с. 17–19].

В зависимости от целевого назначения в законодательстве выделяются категории земель. На основании закреплённых в нормативных правовых актах категорий и разрешённого использования в соответствии с зонированием территорий и требованиями законодательства с учётом природных, социальных, экономических и

иных факторов определяется правовой режим земель [5, с. 346] (п. 8 ч. 1 ст. 1 Земельного кодекса РФ). Их целевое назначение позволяет правильно организовать применение и охрану, а различия в правовом режиме – обеспечить дифференцированный подход к этому.

Согласно ст. 7 Земельного кодекса РФ земли в Российской Федерации по целевому назначению подразделяются на следующие категории:

1) земли сельскохозяйственного назначения; таковыми признаются земли, находящиеся за границами населённого пункта и предоставленные для нужд сельского хозяйства, а также предназначенные для этих целей. В их состав входят: сельскохозяйственные угодья; земли, занятые внутрихозяйственными дорогами, коммуникациями, лесными насаждениями, предназначенными для обеспечения защиты земель от негативного воздействия, водными объектами (в том числе прудами, образованными водоподпорными сооружениями на водотоках и используемыми для целей осуществления прудовой аквакультуры), а также зданиями, сооружениями, используемыми для производства, хранения и первичной обработки сельскохозяйственной продукции. Эти земли могут использоваться для ведения сельскохозяйственного производства, создания защитных лесных насаждений, научно-исследовательских, учебных и иных связанных с указанным производством целей, а также для целей аквакультуры (рыболовства) [6] (ст. 77 и 78 Земельного кодекса РФ) [7]. Отношения, связанные с владением, пользованием и распоряжением земельных участков из данных земель, регулируются Федеральным законом от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ (в ред. от 6 июня 2019 г.) «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» [8];

2) земли населённых пунктов; ими считаются земли, используемые и предназначенные для застройки и развития населённых пунктов. В их состав входят земельные участки, отнесённые в соответствии с градостроительными регламентами к следующим территориальным зонам: 1) жилым; 2) общественно-деловым; 3) производственным; 4) инженерных и транспортных инфраструктур; 5) рекреационным; 6) сельскохозяйственного использования; 7) специального назначения; 8) военных объектов; 9) иным территориальным зонам [9] (ст. 83, 85 Земельного кодекса РФ);

3) земли промышленности, энергетики, транспорта, связи, радиовещания, телевидения, информатики, земли для обеспечения космической деятельности, земли обороны, безопасности и земли иного специального назначения; они расположены за границей населённых пунктов и используются или предназначены для обеспечения деятельности указанных организаций и (или) их объектов, решения иных специальных задач.

В состав земель промышленности и иного специального назначения в целях обеспечения безопасности населения и создания необходимых условий для эксплуатации объектов промышленности, энергетики, особо радиационно опасных и

ядерно опасных объектов, пунктов хранения ядерных материалов и радиоактивных веществ, транспортных и иных объектов могут включаться зоны с особыми условиями использования земель (ст. 87 Земельного кодекса РФ) [10];

4) земли особо охраняемых территорий и объектов; к ним относятся земли, которые имеют особое природоохранное, научное, историко-культурное, эстетическое, рекреационное, оздоровительное и иное ценное значение и которые изъяты полностью или частично из хозяйственного использования и оборота и для которых установлен особый правовой режим. Такими являются земли: особо охраняемых природных территорий; природоохранного назначения; рекреационного назначения; историко-культурного назначения; особо ценные земли (ст. 94–100 Земельного кодекса РФ). Согласно ст. 5 Федерального закона от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ (в ред. от 31 декабря 2014 г.) «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» [11] с учётом особенностей правового режима территорий традиционного природопользования они также относятся к указанной категории земель федерального, регионального или местного значения [12];

5) земли лесного фонда – это лесные и нелесные земли, состав которых устанавливается лесным законодательством (ст. 101 Земельного кодекса РФ). К лесным относятся земли, на которых расположены леса, и земли, предназначенные для восстановления (вырубки, гари, редины, пустоши, прогалины и др.); к нелесным – земли, необходимые для освоения лесов (просеки, дороги и др.), и земли, неудобные для использования (болота, каменистые россыпи и др.) (ст. 6.1 Лесного кодекса РФ) [13];

б) земли водного фонда; таковыми признаются земли, покрытые поверхностными водами, сосредоточенными в водных объектах; занятые гидротехническими и иными сооружениями, расположенными на водных объектах (ст. 102 Земельного кодекса РФ) [14];

7) земли запаса – это земли, находящиеся в государственной или муниципальной собственности и не предоставленные гражданам или юридическим лицам (ст. 102 Земельного кодекса РФ) [15].

В уголовно-правовой литературе по характеристике предмета преступления, предусмотренного ст. 254 УК РФ, в целом сложились две позиции. Согласно первой из них им выступает земля. При этом В. В. Палий, например, воспринимает её как природный ресурс [16]; О. Л. Дубовик полагает, что предметом преступления выступает земля, понимаемая как любой вид земельного участка [17, с. 240].

Представители второй позиции относят к нему земли, но только как земную поверхность на глубине её почвенного слоя [18, с. 412]. Некоторые авторы ограничивают последний лишь его плодородным слоем [19, с. 522].

Не выдерживает критики позиция О. Н. Кузнецовой, считающей, что предмет преступлений, предусмотренных ст. 247 и 254 УК РФ, является одинаковым, к нему

относятся отходы и иные опасные вещества [20, с. 499]. Нетрудно заметить, что в процессе порчи земли не оказывается воздействия на эти вещества (между тем это является одним из необходимых условий для признания той или иной вещи материального мира предметом преступления), а вследствие нарушения правил обращения с ними происходит отравление, загрязнение или иная порча земли.

Подобный разброс мнений в первую очередь обусловлен отражением предмета преступления в уголовно-правовой норме. Если исходить из законодательного его определения, то можно признать формальную правоту авторов, так и воспринимающих этот признак состава преступления (разумеется, без учёта имеющихся нюансов, не влияющих на суть). Однако, как было показано, в законодательстве не уголовно-правового характера выделяются категории земель, которые охраняются иными уголовно-правовыми нормами. Наиболее наглядно это видно на примере земель особо охраняемых территорий и объектов, воздействие на которые охватываются ст. 262 УК РФ.

На наш взгляд, в целом наиболее обоснованной представляется вторая точка зрения, согласно которой предметом выступает почва, однако, вопреки утверждениям некоторых авторов, не как смежное понятию «земля» [16, с. 396], а как одно из определений последней. Причём предпочтительнее позиция криминалистов, которые ограничивают почву её плодородным слоем. Так, А. И. Чучаев пишет: «В смысле ст. 254 земля понимается как поверхностный почвенный слой, минерально-органическое образование, характеризующееся плодородием...» [21, с. 741]. Согласно ГОСТу 17.5.1.01-83 «Охрана природы. Рекультивация земель. Термины и определения» плодородным слоем почвы признается верхняя гумусированная часть почвенного профиля, обладающая благоприятными для роста растений химическими, физическими и биологическими свойствами [22, с. 93]. Под плодородием понимается способность почвы удовлетворять потребность сельскохозяйственных культурных растений в питательных веществах, воздухе, воде, тепле, биологической и физико-химической среде и обеспечивать урожай сельскохозяйственных культурных растений [23].

По нашему мнению, именно в умалении плодородных свойств почвы и проявляется общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 254 УК РФ.

В судебной и следственной практике, как правило, предметом преступления также признают почву. Так, Гуапсинским районным судом г. Краснодара И. признан виновным в том, что в результате допущенных им нарушений правил перевозки опасных грузов произошло попадание битума на рельеф местности. При определении ущерба суд исходил из вреда, причинённого почве [24]. Справедливости ради надо признать, что по ряду дел рассматриваемым признаком преступления была признана земля. Например, в приговоре Булунского районного суда Республики Саха (Якутия) в отношении Р., осуждённого по ч. 1 ст. 254 УК РФ, говорится о за-

грязнении земли [24]. С формальной точки зрения, в этом судебном акте предмет преступления отражен в строгом соответствии с законом, хотя по существу речь идёт о загрязнении почвы.

В целях устранения подобного разнобоя в теории и на практике в оценке одного и того же признака состава преступления, по нашему мнению, целесообразно привести его характеристику в соответствие с фактическими обстоятельствами и отражением в экологическом законодательстве, указав в диспозиции уголовно-правовой нормы на порчу плодородного слоя почвы.

Определение предмета преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 255 УК РФ, в уголовно-правовой литературе также обусловило дискуссию. А. Ф. Шарипкулова в качестве такового признает горнодобывающие предприятия и подземные сооружения, не связанные с добычей полезных ископаемых [25, с. 59–60]. Вряд ли с этим можно согласиться. Достаточно обратиться к тексту указанной статьи, чтобы убедиться в ошибочности утверждения автора. В ст. 255 УК РФ говорится: «Нарушение правил охраны и использования недр при проектировании, размещении, строительстве, вводе в эксплуатацию и эксплуатации горнодобывающих предприятий или подземных сооружений, а равно самовольная застройка площадей залегания полезных ископаемых...». Проектирование и другие указанные обстоятельства, относящиеся к предприятиям и сооружениям, самовольная застройка характеризуют обстановку совершения деяния. Последнее направлено не на них, а на недра, им и причиняется преступлением указанный в законе вред.

Некоторые учёные к рассматриваемому признаку относят содержащее недра (полезные ископаемые, добыча и использование которых природопользователями требуют специального разрешения, в том числе уголь, нефть, газы, руды, нерудные полезные ископаемые, воды, драгоценные металлы и драгоценные камни) [26, с. 413–414]; другие же говорят о самих недрах [27, с. 74–92]; третьи в качестве таковых называют правила охраны и использования недр [28, с. 507].

Понятие недр определено законодательно. Согласно преамбуле Закона РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 (в ред. от 27 декабря 2019 г.) «О недрах» [29] они представляют собой часть земной коры, расположенной ниже почвенного слоя, а при его отсутствии – ниже земной поверхности и дна водоёмов и водотоков, простирающейся до глубин, доступных для геологического изучения и освоения [30]. Эта дефиниция дословно воспроизведена в ГОСТе Р 8.645-2008 «Национальный стандарт Российской Федерации. Государственная система обеспечения единства измерений. Метрологическое обеспечение работ по геологическому изучению, использованию и охране недр в Российской Федерации. Основные положения», утверждённом приказом Ростехрегулирования от 15 октября 2008 г. № 259-ст [31].

Недра и содержащее недра – нетождественные понятия. В русском языке слово «содержимое» означает «то, что вмещается, заключается в чем-либо» [1, с. 732].

Законодатель также различает эти понятия. Так, в ст. 1.2 Федерального закона «О недрах» говорится о недрах и содержащихся в недрах полезных ископаемых, энергетических и иных ресурсах. Следовательно, при характеристике предмета преступления как содержимого недр допускается подмена понятия. Кроме того, как замечает Н. А. Лопашенко, «это неаргументированно узкое толкование предмета этого преступления; если исходить из того, что предметом экологических преступлений выступают природные ресурсы <...> то логичнее признавать предметом сами недра, а не часть их содержимого, особо интересную человеку» [28, с. 507].

По нашему мнению, в рассматриваемом случае единственным возможным является буквальное толкование уголовно-правовой нормы, в которой предмет преступления зафиксирован как недра. Кстати сказать, в приведённом Национальном стандарте говорится об изучении недр, о недропользовании (выполнении работ, соответствующих лицензии на право геологического изучения недр, добычи полезных ископаемых и др.), охране недр. Согласно Федеральному закону «О недрах» предметом регулирования этого нормативного правового акта выступают общественные отношения, возникающие в области геологического изучения, использования и охраны недр. Таким образом, формулировка ч. 1 ст. 255 УК РФ соответствует законодательству иной отраслевой принадлежности, в частности в сфере экологии.

Используемые участки, представляющие собой геометризованные блоки недр, и неиспользуемые части недр в пределах территории Российской Федерации и её континентального шельфа, образуют государственный фонд недр.

Судебная практика также исходит из того, что предметом преступления являются недра. Приговором Ханты-Мансийского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа по ст. 255 УК РФ осуждён зам. директора по производству К., который в нарушение законодательства РФ организовал разработку недр, что привело к уничтожению значительного их участка [24].

В ч. 2 и 3 ст. 255 УК РФ предметом преступления указаны:

1) янтарь – окаменевшая ископаемая смола, затвердевшая живица древнейших хвойных деревьев верхнемелового и палеогенового периодов; используется в основном для изготовления ювелирных и галантерейных изделий. Выделяются две главные янтароносные провинции моря: Евроазиатская, включающая в том числе Балтийско-Днепровскую, Северосибирскую, Дальневосточную и другие субпровинции; Американская с тремя субпровинциями [33, с. 43].

Надо иметь в виду, что согласно Федеральному закону от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ (в ред. от 24 апреля 2020 г.) «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» [34] уникальные янтарные образования приравниваются к драгоценным камням. Постановлением Правительства РФ от 5 января 1999 г. № 8 (в ред. от 16 декабря 2014 г.) [35] утверждены соответствующие критерии:

масса – свыше 1000 гр.;

форма – разнообразная, фантазийная, связанная с условиями внутривольного образования янтаря;

целостность – относительно монолитные по своей структуре (не менее 80 %), не содержащие сквозных раковин, визуальных трещин, угрожающих целостности образца;

включения – прозрачные образцы с хорошо сохранившимися включениями флоры и фауны размерами более 10 мм;

цвет – разнообразная цветовая гамма, присущая янтарю;

2) нефрит – минерал группы амфиболов с характерной волокнистой структурой; используется в качестве поделочного камня и как уникальный материал для изготовления ювелирных и декоративно-художественных изделий. Особое значение нефрит приобрел в культуре Китая, являясь по сути его «национальным камнем». Россия является одним из лидеров поставки нефрита на мировой рынок. Он добывается в Республике Тыва, на Полярном Урале, в Оспинском месторождении (Бурятия) и Улан-Ходинских залежах (Бурятия) [36, с. 892];

3) иные полудрагоценные камни; постановлением Правительства РФ от 1 августа 2018 г. № 1029 утверждён Перечень полудрагоценных камней в целях применения ст. 7.5 КоАП РФ, куда вошли берилл, в том числе его разновидности – аквамарин и гелиодор. Этим постановлением, на наш взгляд, следует руководствоваться и при отнесении того или иного камня к предмету рассматриваемого преступления.

Разработка этих критериев будет способствовать сохранности отечественных недр, защите их от уничтожения.

Список источников

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е, доп. М., 1997. 944 с.

2. Юридический энциклопедический словарь / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2006. 790 с.

3. Галиновская Е. А. Земельное правоотношение как социально-правовое явление. М., 2015. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

4. Крассов О. И. Земельное право. М., 2012. 608 с.

5. Общая теория советского земельного права / отв. ред.: Г. А. Аксененко, И. А. Иконицкая, Н. И. Краснов. М., 1983. 357 с.

6. Об аквакультуре (рыболовстве) и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 148-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2019 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 27. Ст. 3440; 2019. № 52 (ч. 1). Ст. 7820.

7. Галиновская Г. Российское законодательство о землях сельскохозяйственного назначения // Законодательство и экономика. 2000. № 12. С. 25–35.

8. Об обороте земель сельскохозяйственного назначения: Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ (в ред. от 6 июня 2019 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3018; 2019. № 23. Ст. 2921.
9. Ерофеев Б. В. Правовой режим земель городов. М., 1976. 200 с.
10. Игнатьева И. А. Использование земель и земельных участков с объектами электроэнергетики: права и практика. М., 2019. 368 с.
11. О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: Федеральный закон от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ (в ред. от 31 декабря 2014 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 20. Ст. 1972; 2015. № 1 (ч. 1). Ст. 52.
12. Долгополов П. С. Правовой режим природоохранных зон. 2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
13. Ефимов А. Ф., Николаев М. Н. Некоторые вопросы разрешения судами споров, возникающих при пересечении (наложении) земельных участков с землями лесного фонда // Комментарий судебной практики / отв. ред. К. Б. Ярошенко. Вып. 24. М., 2019. С. 76–87.
14. Письмо Роснедвижимости от 17 октября 2008 г. № ВК/4481. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был).
15. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации / под ред. С. А. Боголюбова. М., 2017. 784 с.
16. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Г. А. Есакова. М., 2014. 544 с.
17. Дубовик О. Л. Экологическое право в вопросах и ответах. М. : Проспект, 2016. 367 с.
18. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / отв. ред. И. Э. Звечаровский. М., 2020. 445 с.
19. Курс уголовного права. Т. 4. Особенная часть / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М., 2002. 672 с.
20. Кузнецова О. Н. Проблемы квалификации преступного загрязнения окружающей среды // Право и политика. 2010. № 3. С. 498–503.
21. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. И. Чучаева. М., 2013. 638 с.
22. Словарь-справочник терминов нормативно-технической документации. URL: <http://www.find-info.ru/doc/dictionary/normative-technical-documentation/index.htm>.
23. О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения: Федеральный закон от 16 июля 1998 г. № 101-ФЗ (в ред. от 5 апреля 2016 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 29. Ст. 3399; 2016. № 15. Ст. 2066.
24. Дела № 1-47/2014; 1-36/2012; 1-27/11; 1-21/2010; 1-202/2015. URL: <https://sudact.ru>.

25. Шарапов Р. Д., Шарипкулова А. Ф., Пушкарев В. Г. Предмет экологического преступления. Тюмень, 2010. 161 с.
26. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / отв. ред. И. Э. Звечаровский. М., 2020. 688 с.
27. Арямов А. А., Шарафутдинов Е. А. Уголовно-правовая охрана отношений недропользования: вопросы теории, нормативного регламентирования и практики правоприменения. М., 2015. 247 с.
28. Лопашенко Н. А. Экологические преступления = Ecological Crimes : Комментар. к гл. 26 УК РФ. М.: Юрид. центр Пресс, 2002. 800 с.
29. О недрах: Закон РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 (в ред. от 27 декабря 2019 г.) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 10. Ст. 823; 2019. № 49 (ч. 5). Ст. 6955.
30. Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроекта от 18 ноября 2003 г. № вн2-18/490. Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (документ опубликован не был).
31. ГОСТ Р 8.645-2008. Национальный стандарт Российской Федерации. Государственная система обеспечения единства измерений. Метрологическое обеспечение работ по геологическому изучению, использованию и охране недр в Российской Федерации. Основные положения. М., 2008. 15 с.
32. Ямалетдинов Р. Р. Правовая охрана недр в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 23 с.
33. Костяшова З. В. Балтийский самоцвет // Наука и жизнь. 1999. № 5. С. 43.
34. О драгоценных металлах и драгоценных камнях: Федеральный закон от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ (в ред. от 24 апреля 2020 г.) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 13. Ст. 1463; 2020. № 17. Ст. 2716.
35. Об утверждении Порядка отнесения уникальных янтарных образований к драгоценным камням: Постановление Правительства РФ от 5 января 1999 г. № 8 (в ред. от 16 декабря 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 2. Ст. 310.
36. Советский энциклопедический словарь. М., 1980. 1600 с.

References

1. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. Ed. 4th, add. Moscow, 1997. 944 p. (In Russ.).
2. Marchenko M. N. (ed.). Legal Encyclopedic Dictionary. Moscow, 2006. 790 p. (In Russ.).
3. Galinovskaya E. A. Land legal relationship as a social and legal phenomenon. M., 2015. Access from the Legal Reference System «ConsultantPlus». (In Russ.).
4. Krassov O. I. Land law. Moscow, 2012. 608 p. (In Russ.).
5. Aksenyonok G. A., Ikonitskaya I. A., Krasnov N. I. (eds.). General theory of Soviet land law. Moscow, 1983. 357 p. (In Russ.).

6. On aquaculture (fishing) and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of July 2, 2013 No. 148-FZ (as amended on December 27, 2019). *Collected Legislation of the Russian Federation*, 2013, no. 27, art. 3440; 2019, no. 52 (part 1), art. 7820. (In Russ.).
7. Galinovskaya G. Russian legislation on agricultural land. *Zakonodatel'stvo i ekonomika*, 2000, no. 12, pp. 25–35. (In Russ.).
8. On the turnover of agricultural land: Federal Law of July 24, 2002 No. 101-FZ (as amended on June 6, 2019). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2002, no. 30, art. 3018; 2019, no. 23, art. 2921. (In Russ.).
9. Erofeev B. V Legal regime of urban lands. Moscow, 1976. 200 p. (In Russ.).
10. Ignatieva I. A. Use of land and land plots with electric power facilities: rights and practice. Moscow, 2019. 368 p. (In Russ.).
11. On the territories of traditional nature management of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation: Federal Law of May 7, 2001 No. 49-FZ (as amended on December 31, 2014). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2001, no. 20, art. 1972; 2015, no. 1 (part 1), art. 52. (In Russ.).
12. Dolgoplov P. S. Legal regime of nature protection zones. 2020. Access from the Legal Reference System «ConsultantPlus». (In Russ.).
13. Efimov A. F., Nikolaev M. N. Some issues of court resolution of disputes arising from the intersection (imposition) of land plots with lands of the forest fund. In: Yaroshenko K. B. (ed.). *Kommentarii sudebnoi praktiki*. Moscow, 2019, iss. 24, pp. 76–87. (In Russ.).
14. Letter from Rosnedvizhimost dated October 17, 2008 No. VK/4481. Access from the Legal Reference System «ConsultantPlus». (The document was not published). (In Russ.).
15. Bogolyubova S. A. (ed.). Commentary on the Land Code of the Russian Federation. Moscow, 2017. 784 p. (In Russ.).
16. Esakova G. A. (ed.). Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. Moscow, 2014. 544 p. (In Russ.).
17. Dubovik O. L. Ecological law in questions and answers. Moscow: Prospekt Publ., 2016. 367 p. (In Russ.).
18. Zvecharovsky I. E. (ed.). Criminal law of the Russian Federation. Special part. Moscow, 2020. 445 p. (In Russ.).
19. Borzenkova G. N., Komissarov V. S. (eds.). Course of criminal law. Vol. 4. Special part. Moscow, 2002. 672 p. (In Russ.).
20. Kuznetsova O. N. Problems of qualification of criminal pollution of the environment. *Pravo i politika*, 2010, no. 3, pp. 498–503. (In Russ.).
21. Chuchaev A. I. (ed.). Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (item-by-article). Moscow, 2013. 638 p. (In Russ.).

22. Dictionary-reference book of terms of normative and technical documentation. Available at: <http://www.find-info.ru/doc/dictionary/normative-technical-documentation/index.htm>. (In Russ.).
23. On state regulation of ensuring the fertility of agricultural land: Federal Law of July 16, 1998 No. 101-FZ (as amended on April 5, 2016). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1998 no. 29 art. 3399; 2016, no. 15, art. 2066. (In Russ.).
24. Cases No. 1-47/2014; 1-36/2012; 1-27/11; 1-21/2010; 1-202/2015. Available at: <https://sudact.ru>. (In Russ.).
25. Sharapov R. D., Sharipkulova A. F., Pushkarev V. G. Subject of ecological crime. Tyumen, 2010. 161 c. (In Russ.).
26. Criminal law of the Russian Federation. Special part / otv. ed. I. E. Zvecharovskiy. Moscow, 2020. 688 p. (In Russ.).
27. Aryamov A. A., Sharafutdinov E. A. Criminal law protection of subsoil use relations: issues of theory, regulation and law enforcement practice. Moscow, 2015. 247 p. (In Russ.).
28. Lopashenko N. A. Ecological Crimes: Comment. to pt. 26 of the Criminal Code of the Russian Federation. Moscow: Yurid. Center Press, 2002. 800 p. (In Russ.).
29. On subsoil: Law of the Russian Federation of February 21, 1992 No. 2395-1 (as amended on December 27, 2019). *Collected Legislation of the Russian Federation*, 1995, no. 10, art. 823; 2019, no. 49 (part 5), art. 6955. (In Russ.).
30. Guidelines for the legal and technical execution of the draft law dated November 18, 2003 No. vn2-18 / 490. Access from the Legal Reference System "ConsultantPlus" (the document was not published). (In Russ.).
31. GOST R 8.645-2008. National standard of the Russian Federation. State system for ensuring the uniformity of measurements. Metrological support of works on geological study, use and protection of subsoil in the Russian Federation. Basic provisions. Moscow, 2008. 15 p. (In Russ.).
32. Yamaletdinov R. R. Legal protection of mineral resources in the Russian Federation. Dis. Cand. (Legal Sci.). Synopsis. Saratov, 2004. 23 p. (In Russ.).
33. Kostyashova Z. V. Baltic gem. *Nauka i zhizn'*, 1999, no. 5, p. 43. (In Russ.).
34. On Precious Metals and Precious Stones: Federal Law of March 26, 1998 No. 41-FZ (as amended on April 24, 2020). *Collected Legislation of the Russian Federation*, 1998 no. 13, art. 1463; 2020, no. 17, art. 2716. (In Russ.).
35. On the approval of the procedure for classifying unique amber formations as precious stones: Decree of the Government of the Russian Federation of January 5, 1999 No. 8 (as amended on December 16, 2014). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1999, no. 2, art. 310. (In Russ.).
36. Soviet encyclopedic dictionary. Moscow, 1980. 1600 p. (In Russ.).

Сведения об авторе

С. И. Голубев – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия.

Information about the author

St. I. Golubev – Candidate of Law, Associate Professor, Department of Criminal Law, Faculty of Law, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 3. С. 164–171.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 3. P. 164–171.

Научная статья

УДК 343.546

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/164-171>

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПОНУЖДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ЛИЦА К ДЕЙСТВИЯМ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Николай Андреевич Конорезов

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия, Konorezov@list.ru

Аннотация. Уголовно-правовая охрана половой свободы и половой неприкосновенности личности не является последовательной и полной. Единственным половым преступлением, не связанным с реальным нарушением половых отношений, является понуждение к действиям сексуального характера. Однако в правоприменительной практике нередко имеет место такое понуждение к действиям сексуального характера, которое сопряжено с фактическим осуществлением сексуальных действий с жертвой. Такие ситуации, с одной стороны, выходят за рамки состава понуждения, с другой стороны, не образуют иного преступления. В этой связи в доктрине уголовного права широко распространена позиция о необходимости дополнительной квалификации результативного понуждения лица младше 16 лет по ст. 134 и ст. 135 УК РФ. В статье приводятся аргументы против такого подхода и предлагается обеспечить необходимый запрет посредством дифференциации уголовной ответственности в рамках ст. 133 УК РФ.

Ключевые слова: половые преступления, понуждение к действиям сексуального характера, преступление против половой неприкосновенности личности, результативное понуждение.

Для цитирования: Конорезов Н. А. Проблемы квалификации понуждения несовершеннолетнего лица к действиям сексуального характера // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 3. С. 164–171.
<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/164-171>

Original article

PROBLEMS IN ASSESSING THE COERCION OF A MINOR TO ACTS OF A SEXUAL NATURE

Nikolai A. Konorezov

Kuban State University, Krasnodar, Russia, Konorezov@list.ru

Abstract. The criminal-legal protection of sexual freedom and sexual inviolability of the person is not consistent and complete. The only sexual crime that is not related to the actual violation of sexual relations is coercion to actions of a sexual nature. However, in law enforcement practice, it is not uncommon to see coercion of a sexual nature that involves the actual performance of sexual acts with the victim. Such situations, on the one hand, fall outside the scope of coercion, and, on the other hand, do not constitute another crime. In this connection, in the doctrine of criminal law, the position on the need to further qualify the resulting coercion of a person under the age of 16 years under Article 134 and Article 135 of the Criminal Code of the RF is widely accepted. The article argues against such approach and proposes to provide the necessary prohibition by means of differentiation of criminal responsibility within the framework of art. 133 of the Criminal Code of the RF.

Keywords: sexual crimes, coercion to acts of a sexual nature, crime against the sexual inviolability of the person, effective coercion.

For citation: Konorezov N. A. Problems in assessing the coercion of a minor to acts of a sexual nature // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 3. P. 164–171. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/164-171>

Уголовно-правовая оценка понуждения несовершеннолетнего к действиям сексуального характера вызывает различные вопросы, одни из которых получили широкое освещение в специальной литературе, другие же остались без должного научно-правового анализа. В частности, до настоящего времени не получила научно обоснованного решения проблема квалификации результативного понуждения к действиям сексуального характера лиц, не достигших 16-летнего возраста.

Чтобы разрешить эту проблему, необходимо предварительно определить характер преступления, предусмотренного ст. 133 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), а именно – ответить на вопрос о возможности отнесения его к категории насильственных деяний. Надо признать, что на поставленный вопрос нет однозначного ответа. С одной стороны, понуждение к действиям сексуального характера сопровождается отсутствием добровольности со стороны жертвы, что свидетельствует о насилии. С другой стороны, понуждение лишено того

насильственного признака, который свойственен изнасилованию и насильственным действиям сексуального характера.

Подобная неопределенность прослеживается и в юридической литературе. Одни специалисты (А. А. Игнатов, А. А. Бимбинов) относят рассматриваемое деяние к группе насильственных половых преступлений [1, с. 3; 2, с. 167]. Другие учёные (Е. А. Котельникова, А. А. Байбарин) считают, что понуждение к действиям сексуального характера лишено насильственного признака [3, с. 9; 4, с. 73], что, надо признать, отвечает пониманию Пленумом Верховного Суда РФ содержания насилия в половых преступлениях. Последнее раскрывается через применение действий, связанные с причинением потерпевшему лицу физической боли либо с ограничением его свободы (а также угрозой физического насилия).

В этом теоретическом споре более предпочтительным выглядит первый подход, поскольку все способы понуждения суть проявления психического насилия [5, с. 20]. В этой связи понуждение к действиям сексуального характера следует отнести к насильственным половым преступлениям, поставив его в один ряд с изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера.

Нельзя отрицать, что обозначенные деяния сопровождаются воздействием на другого человека для формирования вынужденного согласия на вступление в половую связь, для подавления несогласия потерпевшего. Физическое насилие или угроза им в составах преступлений, предусмотренных ст. 131 и ст. 132 УК РФ, и психическое насилие в составе преступления, предусмотрено ст. 133 УК РФ, направлены на достижение идентичной цели, состоящей в получении вынужденного согласия жертвы или подавления её несогласия на вступление в половые отношения (совершение действий сексуального характера). В этом заключается принципиальное отличие понуждения к действиям сексуального характера от ненасильственных половых преступлений (ст. 134 и ст. 135 УК РФ), которые предполагают добровольность половых отношений.

Признание понуждения насильственным половым преступлением позволяет более полно рассмотреть проблему уголовно-правовой оценки результативного понуждения к действиям сексуального характера лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста. Так, если квалификация понуждения при фактическом совершении виновным сексуальных действий с жертвой старше 16 лет исчерпывается квалификацией по ст. 133 УК РФ, то при результативном понуждении лица младше 16 лет учёными предлагается иной подход.

Многие учёные настаивают на том, что фактическое выполнение действий, к которым понуждается ребенок до 16 лет, содержит признаки состава преступления, запрещённого ч. 1 ст. 134 или ч. 1 ст. 135 УК РФ [6, с. 18]. Соответствующие рекомендации предложены в комментариях к уголовному закону под ред. А. И. Рарога [7], Г. А. Есакова [8] и др. В итоге, по мнению специалистов, содеянное образует совокупность преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 133 и ч. 1 ст. 134 (или ч. 1 ст. 135) Уголовного кодекса РФ.

Впрочем, в юридической литературе встречаются и иные оценки результативного понуждения к действиям сексуального характера. Например, профессор А. Н. Попов указывает, что достижение результата виновным охватывается составом понуждения, хотя и не является его обязательным признаком [9, с. 76]. Здесь же важно подчеркнуть отсутствие в объективной стороне преступлений, предусмотренных ст. 134 и ст. 135 УК РФ, признаков насилия, «направленного на совершение действий сексуального характера помимо или вопреки воле потерпевшего» [10, с. 179]. Как следствие, названные преступления, в отличие от насильственных половых преступлений, совершаются в отсутствие какого-либо влияния со стороны взрослого лица, то есть по добровольному согласию жертвы. В этой связи представляется спорным оценивать совершение сексуальных действий, выполненных по причине понуждения жертвы, в качестве ненасильственных половых преступлений.

Указанное различие заложено законодателем в разграничение насильственных и ненасильственных половых преступлений. Следовательно, нет оснований для отождествления, с одной стороны, совершения взрослым сексуальных действий с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, по обоюдному согласию при наличии явно выраженной воли несовершеннолетнего на соответствующие действия, и с другой стороны, всех указанных действий, совершённых по причине применённого психического насилия (понуждения) к несовершеннолетней жертве.

Квалификация результативного понуждения ребенка к действиям сексуального характера исключительно в качестве преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ, отвечает и характеру, и степени общественной опасности понуждения. К такому выводу приводит сравнительный анализ санкций уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за половые преступления: понуждение несовершеннолетнего (несовершеннолетней) к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или совершению иных действий сексуального характера наказывается лишением свободы на срок *до 5 лет* (ч. 2 ст. 133 Уголовного кодекса РФ); половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, совершённое лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, наказывается лишением свободы на срок *до 4 лет* (ч. 1 ст. 134 УК РФ); мужеложство или лесбиянство с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, совершённые лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, наказываются лишением свободы на срок *до 6 лет* (ч. 2 ст. 134 УК РФ); совершение развратных действий без применения насилия лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, в отношении лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, наказываются лишением свободы на срок *до 3 лет* (ч. 1 ст. 135 УК РФ).

Законодатель рассматривает данные посягательства не только как сопоставимые, но и указывает на большую общественную опасность понуждения к действиям сексуального характера в сравнении с добровольным фактическим осуществлением этих действий. Это подтверждает избыточность квалификации последствий понуждения

по совокупности с преступлениями, предусмотренными ч. 1 ст. 134 и ч. 1 ст. 135 УК РФ. При этом мы не видим оснований для придания определяющего значения разнице в санкциях. В противном случае возникнет абсурдная ситуация: результативное понуждение к мужеложству или лесбиянству требовалось бы квалифицировать по совокупности, а результативное понуждение к половому сношению – только по ст. 133 УК РФ, что видится несправедливым и некорректным. Как следствие, нет достаточных правовых оснований для разнонаправленной квалификации указанных действий в случае результативного понуждения к ним. При этом повышенная общественная опасность понуждения по признаку результативности должна служить основанием для дифференциации уголовной ответственности в рамках ст. 133 УК РФ, что требует конструирования соответствующего квалифицирующего признака.

С учётом вышеизложенного, необходимо констатировать, что результативное понуждение потерпевшего, не достигшего 16 лет, к действиям сексуального характера не требует дополнительной квалификации по ст. 134 или ст. 135 УК РФ, поскольку согласие на совершение действий сексуального характера, полученное в результате понуждения, является вынужденным, а не добровольным.

В рамках уголовно-правовой оценки понуждения несовершеннолетнего лица к действиям сексуального характера возникает ещё одна проблема, связанная с неопределённостью возрастных признаков субъекта квалифицированного и особо квалифицированного состава понуждения. Напомним, что ответственность по ч. 1 ст. 133 УК РФ, которая предполагает взрослого потерпевшего, наступает с 16 лет. Преступления, предусмотренные ч. 2 и 3 ст. 133 УК РФ, совершаются в отношении несовершеннолетних потерпевших, что по логике уголовно-правового регулирования не может не влиять на возрастные характеристики субъекта квалифицированного и особо квалифицированного составов понуждения.

Дело в том, что при выделении несовершеннолетнего в качестве специального потерпевшего, субъектом преступления признаются лишь те лица, которые достигли совершеннолетия (подтверждением чему служат известные законодательные конструкции ст. 150 и ст. 151 УК РФ). Повышенный возрастной порог субъекта преступления (лицо, достигшее 18 лет) прямо установлен в диспозиции указанных уголовно-правовых норм. Совершение данных преступлений несовершеннолетним против несовершеннолетних исключено по определению.

Однако в ч. 2 и 3 ст. 133 УК РФ указание на совершеннолетие субъекта преступления отсутствует. А потому нет никаких формально-юридических препятствий для того, чтобы признавать субъектом квалифицированного и особо квалифицированного составов понуждения лиц в 16–17-летнем возрасте.

Обоснованность такого законодательного решения вызывает серьезные сомнения. Если к действиям сексуального характера понуждает 16-летний, а в качестве потерпевшего выступает его сверстник или старший по возрасту подросток

(17-летний), то степень общественной опасности содеянного явно не выходит за рамки «простого» понуждения, предусмотренного ч. 1 ст. 133 УК РФ. К сожалению, эти вопросы и вообще анализ субъекта квалифицированного и особо квалифицированного состава понуждения к действиям сексуального характера (то есть понуждения несовершеннолетних) незаслуженно обходят стороной, проблема не поднимается и на страницах юридической печати.

Не даёт однозначных ответов и правоприменительная практика. Во-первых, умалчивает об этих особенностях конструкции состава преступления высшая судебная инстанция в своих разъяснениях по вопросам квалификации половых преступлений. Во-вторых, известна не только практика судов первой инстанции, но и апелляционная практика признания правомерным привлечения к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 133 УК РФ, несовершеннолетнего лица. К примеру, Ставропольский краевой суд в своем апелляционном постановлении оставил в силе приговор, которым несовершеннолетний подросток был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 133 УК РФ, то есть за понуждение к действиям сексуального характера в отношении несовершеннолетней [11].

Разрешить данную ситуацию можно путём внесения необходимых дополнений в текст уголовного закона (что представляется наиболее оптимальным способом) или посредством формулирования соответствующих частных правил квалификации в постановлении Пленума Верховного Суда РФ [12, с. 89–90]. Определённость в этом вопросе является крайне важной, потому что едва ли отвечает смыслу уголовно-правового запрета на совершение понуждения к сексуальным действиям в отношении несовершеннолетних привлечение к уголовной ответственности за совершение квалифицированного или особо квалифицированного состава преступления несовершеннолетних же лиц.

При дифференциации уголовной ответственности в рамках ст. 133 УК РФ необходимо учесть достаточно широкий диапазон возраста несовершеннолетнего потерпевшего, который может варьироваться в границах от 12 до 17 лет. Очевидно, что совершённое 16-летним подростком понуждение к действиям сексуального характера 17-летнего и 12-летнего потерпевшего существенно отличается по степени общественной опасности. В первом случае содеянное должно подлежать оценке по ч. 1 ст. 133 УК РФ, а во втором случае – в качестве квалифицированного (или особо квалифицированного) состава понуждения. Для этого нужно внести коррективы в текст уголовного закона, где при дифференциации уголовной ответственности за понуждение предусмотреть отягчающий признак потерпевшего более полно: совершение понуждения к действиям сексуального характера в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста. Но в особо квалифицирующем признаке совершения по-

нуждения в отношении лица, достигшего двенадцатилетнего возраста, но не достигшего четырнадцати лет, такую оговорку делать не стоит, так как субъектом здесь вполне обоснованно признавать и лицо в возрасте 16 лет.

Список источников

1. Игнатова А. А. Уголовная ответственность за ненасильственные посягательства на половую неприкосновенность лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2015. 207 с.
2. Бимбинов А. А. Ненасильственные половые преступления: монография. М. : Проспект, 2017. 208 с.
3. Котельникова Е. А. Насильственные посягательства на половую свободу и половую неприкосновенность: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Нижний Новгород, 2007. 31 с.
4. Байбарин А. А. Половые преступления : учебное пособие. Курск : Юго-Зап. гос. ун-т, 2013. 110 с.
5. Гертель Е. В. Виды психического насилия // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 3 (46). С. 20–24.
6. Изотова М., Островецкая Ю. Проблемы применения законодательства об ответственности за ненасильственные сексуальные посягательства на несовершеннолетних // Уголовное право. 2013. № 4. С. 15–21.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Ю. В. Грачева, Л. Д. Ермакова, Г. А. Есаков [и др.]; отв. ред. А. И. Рарог. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2011. 824 с.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К. А. Барышева, Ю. В. Грачева, Р. О. Долотов и др.; под ред. Г. А. Есакова. 9-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2021. 816 с.
9. Попов А. Н. О новеллах в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Уголовное право. 2016. № 2. С. 72–78.
10. Цэнгэл С. Д. Квалификация насильственных действий сексуального характера : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. СПб., 2005. 220 с.
11. Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда № 22-6160/2020 от 03 дек. 2020 г. по делу № 1-16/2020 // Судакт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6hkR7eVOrAYC>.
12. Ображиев К. В. Правила квалификации преступлений и внешние формы (источники) их выражения // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 85–92.

References

1. Ignatova A. A. Criminal liability for non-violent attacks on the sexual integrity of persons under the age of sixteen: Cand. Dis. (Legal Sci.). Moscow, 2015. 207 p.
2. Bimbinov A. A. Non-violent sexual crimes: monograph. Moscow: Prospekt Publ., 2017. 208 p.
3. Kotelnikova E. A. Violent attacks on sexual freedom and sexual inviolability: criminal law characteristics and qualification problems. Cand. Dis. (Legal Sci.). Synopsis. Nizhny Novgorod, 2007. 31 p.
4. Baybarin A. A. Sexual crimes: a textbook. Kursk: South-West. Stat. Univ. Publ., 2013. 110 p.
5. Gertel E. V. Types of mental violence // *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii*, 2012, no. 3 (46), pp. 20–24.
6. Izotova M., Ostrovetskaya Yu. Problems of application of legislation on responsibility for non-violent sexual assaults on minors. *Ugolovnoe pravo*, 2013, no. 4, pp. 15–21.
7. Gracheva Yu. V., Ermakova L. D., Esakov G. A. [et al.]; Rarog A. I. (ed.). Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (item-wise). 7th ed., revised and additional. Moscow: Prospekt Publ., 2011. 824 p.
8. Barysheva K. A., Gracheva Yu. V., Dolotov R. O. [et al.]; Esakova G. A. [ed.] Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (item-wise). 9th ed., revised. and additional. Moscow: Prospekt Publ., 2021. 816 p.
9. Popov A. N. On novelties in the Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «On judicial practice in cases of crimes against sexual integrity and sexual freedom of the individual». *Ugolovnoe pravo*, 2016, no. 2, pp. 72–78.
10. Tsengel S. D. Qualification of violent acts of a sexual nature. Cand. Dis. (Legal Sci.). St. Petersburg, 2005. 220 p.
11. Appeal ruling of the Stavropol Regional Court No. 22-6160/2020 dated 03 Dec. 2020 in case No. 1-16/2020. *Sudakt*. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/6hkR7eVOrAYC>.
12. Obrazhiev K. V. Rules for qualification of crimes and external forms (sources) of their expression. *Obshchestvo i pravo*, 2015, no. 4 (54), pp. 85–92.

Информация об авторе

Н. А. Конорезов – аспирант кафедры уголовного права и криминологии, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия.

Information about the author

N. A. Konorezov – Postgraduate Student, Department of Criminal Law and Criminology, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 3. С. 172–192.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 3. P. 172–192.

Научная статья

УДК 343(510)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/172-192>

**УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС КИТАЯ:
СПЛАВ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ
Часть 2***

Александр Иванович Чучаев¹, Александр Иванович Коробеев²

¹ Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия, mokshal@rambler.ru

² Дальневосточный федеральный университет, Юридическая школа, г. Владивосток, Россия, akorobeev@rambler.ru

Аннотация. В статье отражены основные современные тенденции уголовной политики Китая в криминализации деяний, в том числе обусловленных поправками № 11 от 26 декабря 2020 г., показана специфика архитектуры Особенной части УК КНР 1997 г., дана характеристика наиболее распространенных преступлений, приводятся нормы, которые регламентируют ответственность за преступные деяния.

Ключевые слова: Китай, уголовное право, Особенная часть УК 1997 г., структура, поправки № 11, составы преступлений, ответственность за преступные деяния.

Для цитирования: Чучаев А. И., Коробеев А. И. Уголовный кодекс Китая: сплав правовой мысли и национальной специфики. Ч. 2 // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 3. С. 172–192. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/172-192>

© Чучаев А. И., Коробеев А. И., 2022

* Окончание. Начало см.: Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 2. С. 119–133.

Original article

THE CRIMINAL CODE OF CHINA: FUSION OF LEGAL THOUGHT AND NATIONAL SPECIFICITY Part 2*

Alexander I. Chuchaev¹, Alexander I. Korobeev²

¹ Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, mokshal@rambler.ru

² Far Eastern Federal University, School of Law, Vladivostok, Russia, akorobeev@rambler.ru

Abstract. The article reflects the main modern trends in the criminal policy of China in the criminalization of acts, including those caused by amendments No. 11 of December 26, 2020; shows the specifics of the architectonics of the Special Part of the PRC Criminal Code; characterizes the most common crimes; provides for the norms that regulate responsibility for criminal acts.

Keywords: China, Criminal Law, Special Part of the 1997 Criminal Code, Structure, Amendment No. 11, Offense, responsibility for criminal acts.

For citing: Chuchaev A. I., Korobeev A. I. The criminal code of China: fusion of legal thought and national specificity. Part 2 // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol 24, no 3. P. 172–192. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/172-192>

Характеристика Особенной части УК КНР

Как уже отмечалось в первой части нашего исследования [1], оставаясь по-прежнему на позициях социалистического уголовного права, законодатель в УК 1997 г. [2] всё же смягчил идеологическую направленность Кодекса, что нашло своё отражение не только в изменении названия отдельных статей и целых глав Особенной части УК, но и в новой конфигурации круга преступного и уголовно наказуемого. Однако «родимые пятна» социализма наиболее наглядно проявились именно в нормах Особенной части УК, на что будет обращено внимание по мере анализа соответствующих новелл.

Особенная часть УК 1997 г. по вполне понятным причинам подверглась наибольшей реорганизации. Преобразования коснулись прежде всего самой её системы. Если Особенная часть УК КНР 1979 г. [3] содержала 8 глав и включала в себя 103 статьи, то в УК Китая 1997 г. насчитывается уже 10 глав и более

---

* End. For the beginning, see: Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law. 2022. V. 24, no. 2. P. 119–133.

374 статей (с учётом дополнительно принятых). Обращает на себя внимание и то, что появились не только новые главы, ранее не известные уголовному законодательству Китая (например, «Преступления против интересов обороны страны» – гл. 7; «Коррупция и взяточничество» – гл. 8; «Преступления военнослужащих против воинского долга» – гл. 10), но и серьёзно изменилась сама структура некоторых глав: в них появились параграфы.

Открывается Особенная часть традиционной для уголовного законодательства стран социализма главой «Преступления против государственной безопасности». Содержащиеся в ней виды преступлений уже не именуется «контрреволюционными» (как это имело место в УК КНР 1979 г.). И в этом как раз проявляется элемент деидеологизации современного уголовного законодательства Китая. Однако в отличие от европейских и многих других государств мира, поставивших в иерархии охраняемых при помощи уголовного права ценностей на первое место интересы личности, её права и свободы, китайский законодатель по-прежнему ставит во главу угла интересы государственной безопасности, что, очевидно, можно расценивать как «рудимент» социалистического правосознания. К слову сказать, не находим мы норм об ответственности за посягательства на личность ни во второй, ни в третьей главах Особенной части УК. Подобные новеллы обнаруживаются лишь в гл. 4, что также представляется весьма симптоматичным.

Такой подход к определению законодательных приоритетов, как справедливо отмечается в литературе, отнюдь не случаен. «На протяжении всего периода реформ ассоциируемая с безопасностью страны политическая стабильность играет важную роль в приоритетах китайского руководства. Власти убеждены, что преступления против государственной безопасности серьёзно подрывают устой общества, создают большие препятствия на пути социально-экономических преобразований, в корне противоречат интересам народных масс» [4, с. 53]. Вот почему, по мнению законодателя, именно данную категорию преступлений необходимо отнести к самым опасным посягательствам на интересы социалистического Китая.

Глава 1 «Преступления против государственной безопасности» Особенной части УК Китая содержит 12 статей, предусматривающих ответственность за различные виды посягательств на интересы государственной безопасности. Статьи данной главы (как и всех последующих) не имеют заголовков. Однако по своему составу и описанию в законе предусмотренные данными статьями преступления в известной мере схожи с аналогичными деяниями, зафиксированными в своё время в разделе «Государственные преступления» УК РСФСР 1960 г. (во всяком случае чем-то отдаленно они их напоминают). Поэтому многие из анализируемых преступлений из УК Китая можно обозначить традиционными для российского уголовного права терминами.

Так, в ст. 102, 103, 105, 108, 109, 110, 111 УК Китая речь идёт, по сути дела, о различных формах государственной измены: в форме сговора с иностранным государством (ст. 102), в форме раскола государства или подстрекательства к таковому (ст. 103), в форме свержения государственной власти и социалистического строя или подстрекательства к нему (ст. 105), в форме предательства (ст. 108), в форме бегства за границу или невозвращения из-за рубежа (ст. 109), в форме шпионажа (ст. 110), в форме выдачи государственной тайны (ст. 111).

В отдельные нормы выделены вооружённый мятеж или вооружённые массовые беспорядки (ст. 104), снабжение противника оружием и военной техникой (ст. 112).

Обращает на себя внимание крайняя суровость санкций, предусмотренных за совершение преступлений данной категории: почти за все из них, в случае причинения особо крупного ущерба государству и народу и при особо отягчающих обстоятельствах, может быть назначена смертная казнь.

От рассматриваемых преступлений необходимо отграничивать некоторые смежные деяния, ответственность за которые предусмотрена нормами иных глав УК. Так, разглашение государственной тайны умышленно или по неосторожности сотрудниками государственных или негосударственных органов карается по ст. 398 УК как должностное преступление. Разглашение военной тайны военнослужащими – по ст. 432 УК как воинское преступление.

Глава 2 «Преступления против общественной безопасности» наряду с известными ранее преступными деяниями (поджог, затопление, взрыв, применение отравляющих веществ, направленных на разрушение соответствующих объектов; повреждение транспортных средств и путей сообщения; нарушение правил транспортных перевозок, техники безопасности и др.) содержит ряд новых положений. Число норм, по сравнению с УК КНР 1979 г., в данной главе увеличилось почти в три раза.

Так, заметно расширился круг норм об ответственности за транспортные преступления. В процессе криминализации указанных деяний законодатель сохранил традиционный подход к конструированию соответствующих статей: две из них (ст. 116, 117) сформулированы по типу деликтов создания опасности; третья норма (ст. 119) предусматривает ответственность за повреждение транспортных средств и транспортных сооружений лишь при наличии «серьёзных последствий». Ещё две новеллы посвящены угону транспортных средств. Ответственность дифференцируется в зависимости от специфики угоняемого транспортного средства. Угон воздушного судна по ст. 121 УК карается более строго, чем угоны морских, речных судов или автомобилей (ст. 122 УК). Примечательным является то обстоятельство, что все разновидности угонов (включая угоны автотранспортных средств) законодателем расцениваются как транспортные преступления, а не посягательства на собственность.

В самостоятельный вид преступления выделено «насилие по отношению к любому, находящемуся на борту воздушного судна» (ст. 123 УК).

Впервые в специальных нормах регламентируется уголовная ответственность за нарушение работниками авиации правил и порядков, явившихся причиной авиапроисшествия (ст. 131), и за нарушение работниками железнодорожного транспорта правил и порядков, явившихся причиной аварий на железной дороге (ст. 132). Что касается водного транспорта, то он почему-то оказался обделён вниманием законодателя. Впрочем, возможный законодательный пробел вполне компенсируется за счёт ст. 133 УК, в которой речь идёт о «нарушении законоположений об управлении движением транспорта». При помощи столь неконкретизированной терминологии данным уголовно-правовым запретом можно охватить соответствующие нарушения не только на сухопутном, но и на морском (речном) транспорте. В этой же норме установлена ответственность за бегство с места аварии (аналог бывшей ст. 265 УК РФ).

Целая серия норм регламентирует ответственность за преступные деяния, связанные с оружием. Уголовным преследованием по УК Китая караются как незаконные изготовление, купля-продажа, транспортировка, почтовая пересылка, хранение стрелкового оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ (ст. 125), так и нарушение правил контроля за стрелковым оружием (ст. 126), хищение оружия (ст. 127), незаконное владение оружием (ст. 128). Уголовная ответственность установлена также за несвоевременный рапорт об утере стрелкового оружия (ст. 129) и появление с ним в общественном месте или в общественном транспорте (ст. 130).

Характерной особенностью УК Китая является то, что субъектами ряда преступлений (ст. 125, 126) могут быть не только физические, но и юридические лица.

Ещё одна группа норм регламентирует ответственность специальных субъектов за нарушение разного рода правил техники безопасности, строительных стандартов, правил эксплуатации учебных заведений, правил противопожарной безопасности (ст. 135, 137–139 УК).

Однако особую роль в анализируемой главе стали играть в последнее время ст. 120 и 120-1 УК, в которых речь идёт о терроризме. Дело в том, что в процессе всеобщей глобализации волна международного терроризма всё чаще стала захватывать и Китай. В результате число террористических актов в этой стране в последние годы увеличилось. В ст. 120 УК предусмотрена ответственность организаторов, руководителей и иных участников террористических организаций. По ст. 120-1 квалифицируются действия лиц, оказывающих финансовую помощь террористической организации.

Глава 3 «Преступления, связанные с нарушением экономического порядка социалистического рынка» УК не только отличается высочайшей степенью казуистичности при описании соответствующих составов преступлений, но и

является самой большой по количеству содержащихся в ней статей (ст. 140–231). Столь обширное число норм, а также разнообразие охраняемых уголовным законом непосредственных объектов преступлений побудили законодателя подвергнуть данную главу делению на параграфы. В итоге структурно она выглядит следующим образом:

- преступления, связанные с производством и реализацией фальсифицированной и некачественной продукции (§ 1);
- контрабанда (§ 2);
- преступления, связанные с нарушением порядка руководства компанией, предприятием (§ 3);
- преступления, связанные с нарушением порядка финансовых операций (§ 4);
- преступления, связанные с финансовым мошенничеством (§ 5);
- преступления против порядка налоговых сборов (§ 6);
- преступления против интеллектуальной собственности (§ 7);
- преступления против рыночного порядка (§ 8).

Уже из одного только приведённого перечня видно, насколько широк и разнообразен круг правонарушений в экономической сфере, криминализированных законодателем Китая. Специфика уголовно-правовой регламентации ответственности за данные преступления заключается в следующем.

Во-первых, в круг преступных и уголовно наказуемых вошли все без исключения классические виды экономических преступлений, известных по УК КНР 1979 г. К ним относятся: контрабанда (ст. 151–157 УК), производство и реализация поддельных лекарственных средств (ст. 141 УК), изготовление фальшивых денежных знаков (ст. 170 УК), подделка финансовых документов (ст. 177 УК), подделка торговой марки (ст. 215 УК) и др.

Во-вторых, данный круг был резко расширен за счёт включения в него многочисленных новелл, предусматривающих ответственность за абсолютно (или относительно) новые виды экономических преступлений. Так, уголовно-правовой запрет впервые был установлен за регистрацию предприятий с использованием поддельных документов или сообщение ложных сведений об уставном капитале (ст. 158); сокрытие важных фактов или фабрикацию серьёзной дезинформации в проспектах эмиссии, подписке на акции и т. д. (ст. 160); предоставление компанией акционерам или общественности ложной или утаивающей важные фактические данные финансово-бухгалтерской отчётности (ст. 161); самовольное хранение валюты за границей или незаконный перевод валюты за границу (ст. 190); мошенничество в области страхования (ст. 198); подделку или использование без разрешения чужого патента (ст. 216); незаконное использование рекламы (ст. 222).

В-третьих, многие нормы носят ярко выраженный описательный характер, включают большое число оценочных признаков, в целом отличаются высокой

степенью казуистичности, что вызывает известные трудности даже в процессе уяснения их смысла. С ещё большими трудностями, вероятно, сталкиваются китайские правоохранители при применении таких норм на практике. Иллюстрацией к сказанному может служить, например, редакция ст. 182 УК.

В-четвёртых, за совершение многих видов экономических преступлений в УК установлена ответственность юридических лиц. В санкциях этих норм фигурирует штраф. Причем размер его весьма значителен. Очевидно, по мысли китайского законодателя, привлечение к уголовной ответственности, наряду с физическими, и юридических лиц призвано повысить эффективность борьбы с подобными преступлениями.

Глава 4 «Преступления против прав личности и демократических прав граждан» включает в себя более 30 статей. В них предусмотрена ответственность за разного рода посягательства на личность. Открывается глава серией норм, регламентирующих ответственность за преступления против жизни и здоровья человека.

Однако в отличие от УК КНР 1979 г. убийством стало признаваться лишь умышленное причинение смерти потерпевшему. В УК Китая 1997 г. (как и в УК РФ) «неосторожные действия, приведшие к смерти человека», убийством не именуется. Небезынтересно также отметить, что в Особенной части УК Китая не только не содержится определение понятия убийства, в нём также нет ни квалифицированных, ни привилегированных составов этого преступления. Между тем санкция даже за простое убийство предусматривает наказания в виде смертной казни, пожизненного лишения свободы, лишения свободы на срок свыше 10 лет.

Слабо дифференцирована ответственность за посягательства на здоровье потерпевшего. В ст. 234 УК Китая говорится лишь о «причинении вреда здоровью», «тяжком телесном повреждении» и «тяжком увечье». Исходя из контекста нормы можно предположить, что в её части первой речь идёт, скорее всего, о причинении «среднетяжкого», а в части второй – тяжкого вреда здоровью потерпевшего.

Как уже говорилось, в Общей части УК раскрывается понятие тяжкого телесного повреждения. Под ним в ст. 95 УК понимается:

- 1) нанесение увечий, лишение человека конечностей или обезображивание лица;
- 2) потеря слуха, зрения либо утрата другими органами их функций;
- 3) иной серьёзный вред здоровью.

Гораздо детальнее регламентируется ответственность за изнасилование (ст. 236) и похищение женщины или ребенка в целях продажи. Интересно отметить, что по китайскому законодательству как изнасилование расцениваются и развратные действия в отношении девушки, не достигшей 14 лет. (Уж не эту ли китайскую «придумку» использовал российский законодатель, когда в 2012 г. формулировал примечание к ст. 131 УК РФ?). Данная норма, кроме того, содержит

целый ряд квалифицирующих признаков: 1) изнасилование, совершённое с особой жестокостью; 2) неоднократное изнасилование; 3) публичное изнасилование; 4) изнасилование группой лиц; 5) причинение смерти потерпевшей или иных серьёзных последствий.

Ещё большей дифференциацией отличается ответственность виновных в похищении женщины или ребёнка в целях продажи.

Квалифицированными видами этого преступления признаны: совершение его группой лиц; похищение в целях продажи женщин и детей в количестве трёх и более человек; половое сношение с женщиной, похищенной в целях продажи; принуждение похищенной на продажу женщины к занятию проституцией; захват женщины или ребёнка путём угроз, насилия или с применением наркотических средств в целях их продажи; похищение младенца на продажу; причинение смерти потерпевшим или иных серьёзных последствий; продажа женщины или ребёнка за границу.

Уголовно наказуемыми являются также покупка похищенных на продажу женщин или детей (ст. 241 УК) и воспрепятствование путём насилия и угроз освобождению купленных женщины или ребёнка (ст. 242 УК). При этом в УК Китая имеются и две общие нормы, предусматривающие ответственность как за незаконное лишение свободы (ст. 238), так и за похищение человека или его захват в качестве заложника (ст. 239).

Столь пристальное внимание законодателя к проблеме уголовно-правовой охраны интересов женщин и детей объясняется не только национальными и историческими традициями, но и особенностями демографической ситуации в некоторых регионах страны: преобладанием мужской части населения над женской. Подобные преступления в современном Китае представляют собой отнюдь не единичные случаи. Поэтому и столь детальная их регламентация в уголовном законе выглядит вполне объяснимой и обоснованной.

В указанной главе содержатся и другие нормы, предусматривающие ответственность за посягательства на различные виды конституционных прав и свобод человека и гражданина. Так, в ст. 243–246 УК Китая уголовно наказуемыми признаются клевета, оскорбление, незаконное вторжение в жилище, приём несовершеннолетних на работу, связанную с опасными условиями труда. По ст. 247 и 248 УК Китая караются отступления от требований уголовно-процессуального законодательства (допрос под пытками, избивание надзирателями заключённых).

Уголовная ответственность в УК Китая установлена также за пропаганду национальной ненависти (ст. 249), за публикацию в печатном издании материалов, дискриминирующих или оскорбляющих национальные меньшинства (ст. 250), за посягательства на свободу вероисповедания (ст. 251), за нарушение тайны переписки (ст. 252, 253) и др. Всё это свидетельствует о том, что по сравнению с

УК КНР 1979 г. в Кодексе 1997 г. заметно расширилась сфера охраняемых при помощи уголовного закона демократических прав и свобод человека и гражданина, что, очевидно, можно расценивать как тенденцию к дальнейшей демократизации уголовной политики современного Китая.

Есть, однако, и в УК 1997 г. запрет, обладающий ярко выраженным «китайским» колоритом. Речь идёт о ст. 259 УК. В ней сформулировано правило, согласно которому преступлением признается «сожитительство или вступление в брак с лицом, заведомо являющимся супругой (супругом) лица, находящегося на действительной военной службе». Причём при наличии отягчающих обстоятельств данное преступление приравнивается уже к изнасилованию и влечёт применение наказания по правилам ст. 236 УК. Сохранение в УК Китая 1997 г. столь специфического состава преступления (не имеющего аналогов в законодательствах других стран) есть свидетельство особого положения армии в жизни китайского общества, стремление руководства страны поддержать её авторитет, укрепить нравственный дух, в том числе и с помощью такого своеобразного средства, каковым является воспроизведённый выше уголовно-правовой запрет.

Преступления против собственности (гл. 5 УК) по своему составу и описанию в основном схожи с аналогичными деяниями, содержащимися в УК КНР 1979 г. Увеличилось лишь число соответствующих норм. Разнообразнее стали квалифицирующие признаки этих преступлений.

Традиционными видами посягательств на собственность признаются: разбой (ст. 263), грабёж (ст. 267, 268), кража (ст. 264), мошенничество (ст. 266), вымогательство (ст. 274), незаконное присвоение чужого имущества (ст. 270), умышленное уничтожение имущества (ст. 275), уничтожение механизмов и оборудования, нанесение увечий рабочему скоту или причинение вреда производству и хозяйству иными способами из мести или в иных личных целях (ст. 276).

Вместе с тем криминализации подверглись и некоторые нетипичные посягательства на собственность. Так, в ст. 265 УК установлена ответственность за незаконное подсоединение к каналам связи других людей, дублирование чужого номера электронной почты или использование заведомо незаконно подсоединенного, дублированного электронного оборудования и устройства в целях извлечения прибыли. Наказуемыми стали также незаконное присвоение (ст. 271) и незаконная растрата (ст. 272) сотрудниками компании, предприятия или иной организации принадлежащего им имущества путём злоупотребления своим служебным положением; уклонение от уплаты трудящимся вознаграждения (ст. 276¹).

Резко увеличилось число норм в гл. 6 «*Преступления против порядка управления и общественного порядка*». Это побудило законодателя ввести в данную главу дополнительную рубрикации. В настоящее время структура анализируемой главы выглядит следующим образом:

- преступления против общественного порядка (§ 1);
- преступления против правосудия (§ 2);
- преступления против управления государственной границей (пограничной линией) (§ 3);
- преступления против управления памятниками культуры (§ 4);
- преступления против общественного здравоохранения (§ 5);
- преступления против окружающей среды и природных ресурсов (§ 6);
- преступления, связанные с контрабандой, сбытом, перевозкой и изготовлением наркотиков (§ 7);
- преступления, связанные с организацией, принуждением, вовлечением в занятие проституцией, предоставлением помещений для этой цели и сводничеством (§ 8);
- преступления, связанные с изготовлением, продажей, распространением порнографической продукции (§ 9).

Как нетрудно убедиться уже из одного только перечня охраняемых уголовным законом общественных отношений, круг деяний, криминализованных в гл. 6 УК, достаточно широк. В него входят посяательства на различные стороны порядка управления и общественного порядка.

Оценивая произошедшие в данной главе УК изменения в целом, можно констатировать, что столь заметное расширение сферы уголовной репрессии явилось следствием двух взаимосвязанных причин. С одной стороны, возникли новые общественные отношения, нуждающиеся в уголовно-правовой защите, с другой – появились новые виды общественно опасных деяний, требующие уголовно-правовой борьбы с ними. В любом случае законодатель встал перед необходимостью внесения серьёзных коррективов в уголовное законодательство с тем, чтобы отразить в нём новые обстоятельства. В результате под защиту уголовного закона были поставлены относительно (или даже абсолютно) новые общественные отношения, например, в сфере распространения компьютерной информации (ст. 285–287); в сфере управления государственной границей; организация нелегального пересечения государственной границы (ст. 318), получение обманным путём паспортов, виз и других выездных документов (ст. 319), предоставление другим лицам фальшивых, поддельных паспортов, виз и иных въездных (выездных) документов (ст. 320), незаконная перевозка лиц через государственную границу (ст. 321); в сфере контроля за культурными ценностями: незаконная продажа или дарение иностранному гражданину коллекционных памятников культуры, запрещённых государством к вывозу из страны (ст. 325), тайные раскопки и разграбление памятников древней культуры (ст. 328); в сфере здравоохранения: распространение инфекционных заболеваний (ст. 330, 331), незаконная организация продажи крови, её сбор, снабжение ею (ст. 333, 334), незаконное занятие врачебной

практикой (ст. 336); в сфере охраны окружающей среды: незаконное размещение, хранение или выброс в землю воду или атмосферу радиоактивных отходов (ст. 338), незаконный выброс, складирование ввезенных из-за рубежа твёрдых отходов (ст. 339); в сфере обращения порнографической продукции: организация показа порнографических кинофильмов, видеофильмов и иной аудио- и видеопродукции (ч. 2 ст. 364), организация проведения порнографического представления (ст. 365).

Особое внимание в рамках данной главы законодатель уделяет проблемам борьбы с традиционными для Китая наркопреступностью и проституцией. Так, в ст. 347 УК детальнейшим образом регламентируется ответственность за контрабанду, сбыт, перевозку и изготовление наркотиков. Кстати, под таковыми (в соответствии со ст. 357 УК) подразумеваются: опиум, героин, метиламфетамин («ледяной наркотик»), морфий, гашиш, кокаин, а также иные находящиеся под контролем государства наркотические средства и психотропные вещества, могущие вызвать у людей привыкание.

Наказуемость этих преступлений поставлена в жёсткую зависимость от объёма находящихся в незаконном обороте наркотических средств. Деяние признается уголовно наказуемым (основной состав), если имеют место контрабанда, сбыт, перевозка или изготовление опиума в количестве менее 200 г, героина или метиламфетамина в количестве менее 10 г или иных наркотиков в небольшом объёме. Квалифицированным оно становится при совершении тех же действий в отношении опиума в количестве 200 г и более, но менее 1000 г, героина или метиламфетамина в количестве 10 г и более, но менее 50 г, или иных наркотиков в сравнительно крупном объёме. Наконец, особо квалифицированным преступление считается при наличии опиума в количестве свыше 1000 г, героина или метиламфетамина в количестве свыше 50 г или иных наркотиков в крупном объёме. Особо квалифицирующими обстоятельствами признаются также: а) руководство группой, занимающейся контрабандой, сбытом, перевозкой или изготовлением наркотиков; б) вооруженное прикрытие контрабанды, сбыта, перевозки или изготовления наркотиков; в) сопротивление с применением насилия проведению досмотра, задержанию и аресту;

г) участие в организованном международном наркобизнесе (ч. 2 ст. 347 УК).

О бескомпромиссном характере борьбы с наркопреступностью в современном Китае свидетельствуют подчёркнуто суровые санкции соответствующих норм. Например, в той же ч. 2 ст. 347 УК в качестве наказаний фигурируют лишение свободы сроком на 15 лет, бессрочное лишение свободы и смертная казнь. Наряду с этим законодатель счёл возможным за совершение указанных преступлений установить уголовную ответственность и для юридических лиц.

Наказуемыми по уголовному законодательству Китая признаются также хранение наркотических средств (ст. 348 УК), оказание в той или иной форме

содействия лицам, занимающимся контрабандой, сбытом, перевозкой или изготовлением наркотиков (ст. 349 УК), незаконные операции с веществами, используемыми в качестве сырья для производства наркотиков (ст. 350 УК), незаконное культивирование мака опиумного, конопли или других растений (ст. 351 УК), вовлечение, подстрекательство, привлечение обманным путём других лиц к употреблению наркотиков (ст. 353 УК), предоставление помещения другим лицам для употребления наркотиков (ст. 354 УК) и др.

В специальной литературе отмечается, что борьба с проституцией традиционно представляет большую проблему как для Китая, так и для других стран. Опыт КНР в данном отношении весьма любопытен и позитивен. Согласно официальной точке зрения с этим явлением в стране в основном было покончено в достаточно короткое время после образования социалистического государства. Однако политика реформ и открытости, провозглашённая в конце 70-х – начале 80-х гг. XX в., способствовала возрождению проституции прежде всего в приморских районах и портах. К середине 90-х гг. минувшего столетия представительницы (и представители) «древнейшей профессии» распространились уже практически по всему Китаю. Кроме того, проблема стала приобретать интернациональный характер за счёт притока в Китай «жриц любви» из сопредельных стран: Кореи, Таиланда, России, Монголии, Казахстана и др.

Всё это потребовало соответствующей реакции со стороны законодателя: вместо двух норм, имевшихся в УК КНР 1979 г. и посвящённых борьбе с этим злом, в УК Китая 1997 г. насчитывается уже пять. Криминализации, в частности, подверглись: организация или принуждение других лиц к занятию проституцией (ст. 358), вовлечение других лиц в занятие проституцией, предоставление для этого помещения, сводничество (ст. 359), занятие проституцией или развратом лицом, заведомо знающим о своём заболевании сифилисом, гонореей или другими венерическими заболеваниями (ст. 360).

Особый интерес представляет ст. 361 УК Китая. В ней сформулирован довольно своеобразный уголовно-правовой запрет. Суть его заключается в том, что ответственность за организацию, принуждение, вовлечение других лиц в занятие проституцией, предоставление помещений для этого, а также за сводничество устанавливается для специальных субъектов. Ими могут быть сотрудники гостиниц, обслуживающий персонал предприятий питания, работники культурно-развлекательных учреждений, таксомоторных фирм и иных организаций, которые используют условия указанных предприятий и организаций в целях совершения данного преступления. Статья 361 УК имеет оговорку: руководящие работники перечисленных предприятий и организаций, совершившие упомянутые в ней преступления, наказываются в рамках санкций этой статьи более строго.

В гл. 7 УК речь идет о *преступлениях против интересов обороны страны*. Эту главу отличают по меньшей мере три характерных момента. Во-первых, такой

главы не было в УК КНР 1979 г.: все нормы, закреплённые в ней, являются новыми. Во-вторых, данная глава представляет собой своеобразную «прелюдию» к гл. 10 УК «Преступления военнослужащих против воинского долга»: многие нормы из этих двух глав взаимно «перекликаются» друг с другом. В-третьих, выделением анализируемой главы в качестве самостоятельного раздела Особенной части УК законодатель подчеркнул, что субъектами преступных посягательств на интересы обороны страны могут выступать не только военнослужащие, но и гражданские лица.

Что касается вошедших в данную главу статей, то они представляют собой конгломерат трудноклассифицируемых составов преступлений, к тому же иногда дублирующих нормы из других глав УК Китая (например, ст. 378 практически дословно воспроизводит ч. 1 ст. 433). Ограничимся поэтому лишь перечислением наиболее типичных видов преступлений, включённых в анализируемую главу. Сюда, в частности, вошли: воспрепятствование военнослужащим в исполнении их служебного долга путём насилия и угроз (ст. 368 УК); нанесение ущерба оружию и воинскому снаряжению, военным средствам (ст. 369 УК); поставка войскам заведомо некачественных средств вооружения и военного снаряжения (ст. 370 УК); массовое нападение на военную запретную зону (ст. 371 УК); совершение афер лицом, выдающим себя за военнослужащего (ст. 372 УК); подстрекательство военнослужащего к дезертирству (ст. 373 УК); фальсификация, подделка, купля-продажа, кража или грабеж официальных документов, удостоверений или печатей вооружённых сил (ст. 375 УК); распространение ложных слухов и обман людей в военное время (ст. 378 УК); отказ от реквизиции для нужд армии в военное время при отягчающих обстоятельствах (ст. 381 УК).

В гл. 8 УК установлена ответственность за *«коррупцию и взяточничество»*. В отличие от российского китайский законодатель не только использует в уголовном законе сам термин «коррупция», но и даёт его определение. Коррупцией предлагается признавать присвоение, хищение, получение мошенническим путём или незаконное завладение иными способами общественным имуществом государственными служащими с использованием своих служебных преимуществ, а также лицами, которым государственными органами, государственными компаниями, предприятиями, организациями, народными объединениями поручено управление и хозяйственное распоряжение государственным имуществом, с использованием ими тех же преимуществ.

Из изложенного видно, насколько приведенная дефиниция ещё далека от того, чтобы признать, что в ней абсолютно точно, ясно и непротиворечиво отражено определяемое понятие. Поэтому вряд ли данная конструкция может стать образцом для подражания. Опыт законодателей других стран (в том числе Китая) показывает, что такого рода попытки чаще всего оказываются неудачными.

Как бы там ни было с самим понятием «коррупция», достоинством китайского законодательства следует признать хорошо дифференцированную систему мер наказания за коррупционные преступления. При этом основным критерием такой дифференциации выступает размер средств (в юанях), присвоенных в результате осуществления коррупционных действий.

Взятничество, как об этом можно судить исходя из смысла ст. 382, 383 и 386 УК Китая, является разновидностью коррупции, но в то же время рассматривается и как самостоятельное преступление, слагающееся из получения, дачи взятки и посредничества во взятничестве.

Получением взятки признаются действия государственных служащих, использующих свои служебные полномочия или преимущества, созданные служебным положением, для получения просителями незаконной выгоды через служебные действия других государственных служащих, либо требование или получение имущества просителей (ст. 388 УК). Как дача взятки расценивается передача государственному служащему имущества в целях получения незаконной выгоды. К даче взятки приравнивается также передача государственному служащему имущества в значительном размере либо выдача государственному служащему именного комиссионного или агентского вознаграждения в процессе осуществления хозяйственно-экономической деятельности в нарушение государственных установлений (ст. 389 УК).

Нетрудно убедиться, что китайский законодатель довольно широко трактует понятие как получения, так и дачи взятки, охватывая этими терминами, по сути, и некоторые другие разновидности злоупотреблений по службе.

Особенностью УК 1997 г. является установление за дачу взятки уголовной ответственности и для юридических лиц (ст. 393 УК), а также попытка решить в самом уголовном законе проблему так называемых подарков. В последнем случае вступает в силу следующее правило: государственные служащие, обязанные в соответствии с государственными установлениями сдать подарки, полученные при несении государственной службы в стране или в процессе осуществления внешних связей, но не сдавшие в казну указанные подарки при значительной стоимости последних, подлежат наказанию в соответствии со ст. 382, 383 УК, т. е. как коррупционеры-взяточники.

Ещё более любопытный законодательный пассаж отражён в ст. 395 УК. В соответствии с указанной нормой государственные служащие, стоимость имущества которых или расходы которых заметно превышают величину законных доходов и это превышение составляет значительную сумму, могут быть обязаны объяснить источник доходов. При невозможности подтверждения законности доходов сумма, составляющая разницу между подтверждёнными и неподтверждёнными доходами, считается незаконно полученной. В этом случае следует наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет или ареста, а излишки имущества подлежат взысканию.

Словом, современный УК Китая содержит довольно широкий арсенал весьма разнообразных средств (включая и некоторые нетипичные) борьбы с коррупцией и взяточничеством. Из сообщений прессы известно, что эти меры (зачастую в чрезвычайно жёсткой форме) столь же широко применяются на практике. Но, к сожалению, известно и другое: Китай по-прежнему занимает одно из ведущих мест в чёрном списке наиболее коррумпированных государств мира.

Специфика гл. 9 «*Должностные преступления*» УК Китая состоит в том, что, во-первых, она теснейшим образом связана с предыдущей, поскольку все коррупционные преступления и взяточничество так или иначе пересекаются с должностной преступностью; во-вторых, субъектами преступлений, входящих в анализируемую главу, могут быть только особые категории лиц, а именно «работники государственных органов»; в-третьих, в ней установлена ответственность за совершение преступлений не только работниками государственных органов как таковыми, но и отдельными их категориями (работниками таможенных органов, работниками органов лесной промышленности, работниками природоохранительных органов и др.).

Ключевым моментом для правильной уголовно-правовой характеристики преступлений, включённых в гл. 9 УК, является уяснение того, кто может быть признан специальным субъектом этой категории преступлений. Исходя из смысла и контекста норм гл. 9 УК Китая таковыми следует признать «работников государственных органов». В ст. 93 УК даются узкая и широкая трактовки этого понятия. Представляется, что законодатель ограничил сферу применения гл. 9 лишь случаями, когда соответствующее преступление совершается государственными работниками, выполняющими служебные обязанности в государственных органах. Иными словами, он дал ограничительное толкование специального субъекта рассматриваемой категории преступлений в точном соответствии с теми положениями, которые зафиксированы в ч. 1 ст. 93 УК.

Все должностные преступления, ответственность за совершение которых сформулирована в гл. 9 УК Китая, можно подразделить на две большие группы: в первую входят общие, во вторую – специальные виды преступных посягательств на интересы государственной службы.

К преступлениям первой группы относятся: злоупотребление служебными полномочиями (ст. 397 УК); разглашение государственной тайны (ст. 398 УК); нарушение правил при приёме на работу государственных служащих или приеме учащихся (ст. 418 УК); проявление полной безответственности, повлекшей порчу или утрату редких культурных ценностей (ст. 419 УК).

Вторую группу составляют: незаконные действия сотрудников органов юстиции в сфере осуществления правосудия (ст. 399 УК); вынесение заведомо незаконного решения арбитром (ст. 399¹); незаконное освобождение сотрудниками

органов юстиции находящихся под стражей лиц (ст. 400 УК); незаконное смягчение наказания, применение условно-досрочного освобождения из заключения или отсрочки исполнения приговора сотрудниками органов юстиции (ст. 401 УК); непередача работниками правоприменительных органов юстиции дел, подлежащих уголовному расследованию (ст. 402 УК); нарушение работниками налоговых органов правил сбора налогов (ст. 404 УК); нарушение работниками налоговых органов правил возврата налогов и экспортных пошлин (ст. 405 УК); нарушение работниками органов лесной промышленности положений Лесного кодекса (ст. 407 УК); нарушение работниками природоохранных органов правил охраны окружающей среды (ст. 408 УК); нарушение работниками органов здравоохранения правил профилактики инфекционных заболеваний (ст. 409 УК); нарушение работниками органов землепользования положений Закона о земле (ст. 410 УК); попустительство работниками таможенных органов контрабанде (ст. 411 УК) и др. Анализ приведённого перечня составов преступлений позволяет сделать вывод, что в китайском уголовном законодательстве термином «должностные преступления» охватываются деяния, которые в правосознании российских юристов давно и прочно связаны с представлением о них как о преступлениях против правосудия, в сфере экономической деятельности, экологии. Законодатель же Китая полагает целесообразным объединить их в одну главу, используя в качестве главного криминообразующего критерия особенность субъекта данной группы преступлений.

Венчает Особенную часть Уголовного кодекса гл. 10 *«Преступления военнослужащих против служебного долга»*. Она содержит в целом традиционный для стран социалистической ориентации набор воинских преступлений (и в этом смысле чем-то напоминает соответствующую главу УК РСФСР 1960 г.).

Преступлениями военнослужащих против воинского долга признаются нарушение военнослужащим воинского долга, причинение им вреда интересам обороны страны, подлежащие по закону уголовному наказанию (ст. 420 УК). Субъектами этих преступлений согласно ст. 450 УК считаются: офицеры, штатские кадровые работники, рядовые и курсанты военных учебных заведений, находящиеся на действительной военной службе в Народно-освободительной армии Китая; офицеры, штатские кадровые работники, рядовые и курсанты военных учебных заведений, находящиеся на действительной службе в войсках Китайской народной вооружённой милиции, а также исполняющие воинский долг резервисты и иные лица.

В отличие от УК РФ 1996 г., в китайском Уголовном кодексе 1997 г., в анализируемой главе, сосредоточены преступления против воинского долга, совершённые не только в мирное, но и в военное время. Военное время согласно ст. 451 УК трактуется как период, на который государство объявило введение военного положения в стране, или когда войска получили приказ выполнять задачи

по ведению боевых действий, или когда государство подверглось внезапному нападению противника. Период, когда войска выполняют задачи по введению особых ограничительных мер или по улаживанию внезапно вспыхнувших насильственных волнений, также расценивается как военное время.

Поскольку преступления, включённые в гл. 10 УК Китая, самим законодателем практически не систематизированы и представляют собой логически невыстроенный набор разнообъектных составов, ограничимся перечислением наиболее типичных из них.

В группу преступлений, могущих быть совершёнными исключительно в военное время, входят: неповиновение приказу в военное время (ст. 421 УК); умышленное сокрытие сведений, предоставление заведомо ложных сведений об обстановке на фронте или отказ от передачи военного приказа, передача военного приказа в искажённом виде (ст. 422 УК); проявление трусости на поле боя, самовольное сложение оружия и сдача в плен (ст. 423 УК); оставление поля боя до или после начала сражения (ст. 424 УК); неподчинение приказу командира, проявление трусости перед сражением, недостойное, пассивное поведение во время боя (ст. 428 УК); распространение ложных слухов в целях разложения морального духа армии (ст. 433 УК); уклонение от исполнения обязанностей военной службы путём причинения себе телесного повреждения (ст. 434 УК); умышленное оставление раненых и больных военнослужащих на поле боя (ст. 444 УК) и др.

К преступлениям мирного и военного времени относятся: воспрепятствование путём насилия и угроз командиру, дежурному, вахтенному в исполнении ими своих служебных обязанностей (ст. 426 УК); злоупотребление должностными полномочиями, отдача подчинённым указаний о выполнении действий, связанных с нарушением воинского долга (ст. 427 УК); самовольное оставление своего поста, измена и бегство за границу или измена за границей и невозвращение из-за границы в период несения военной службы (ст. 430 УК); незаконное завладение военной тайной посредством хищения, шпионажа или подкупа (ст. 431 УК); бегство из военной части (ст. 435 УК); хищение, кража оружия и вооружения или материальных ценностей военного назначения (ст. 438 УК); незаконная продажа, передача находящегося на вооружении оружия (ст. 439 УК); неповиновение приказу, оставление оружия и вооружения (ст. 440 УК) и др.

Завершая обзор Особенной части УК Китая 1997 г., резюмируем изложенное. В первую очередь отметим несомненный прогресс современного уголовного законодательства Китая по сравнению с УК КНР 1979 г. Позитивные преобразования затронули прежде всего саму систему Особенной части Уголовного кодекса.

Нетрудно убедиться, исходя из приведённых выше данных и анализа соответствующих новелл, что с принятием УК 1997 г. сфера уголовной репрессии в современном Китае резко расширилась, а криминализационные тенденции возобладали над

декриминализационными. Но признать эти тенденции негативными было бы опрометчиво. Дело в том, что необходимость расширения до известных пределов сферы уголовной ответственности может быть вполне оправдана целым рядом причин:

- 1) выявившимися на практике пробелами в уголовной наказуемости;
- 2) появлением новых общественных отношений, нуждающихся в уголовно-правовой защите, или новых общественно опасных деяний, требующих уголовно-правовой борьбы с ними;
- 3) заключением международных соглашений, в которых участвует государство;
- 4) укреплением гарантий защиты конституционных прав и свобод граждан;
- 5) целесообразностью выделения специальных составов из общих.

Очевидно, что установление уголовной наказуемости деяний при наличии указанных причин нельзя признать недостатком уголовного законодательства. И в этом смысле законодатель Китая (равно как и законодатель России при принятии в 1996 г. нового УК) всего лишь отразил в УК 1997 г. объективные потребности государства в установлении круга уголовно-правовых запретов в изменившихся условиях. Другое дело, насколько при этом были учтены и соблюдены все требования, предъявляемые к процессу криминализации на всех его этапах, насколько совершенными оказались сформулированные уголовно-правовые новеллы, насколько они адекватны тем потребностям, которые вызвали их к жизни.

Ответ на все эти вопросы можно дать лишь в результате содержательного анализа Особенной части УК Китая. Такой анализ, в частности, показывает, что современное уголовное законодательство Китая по широте охвата им круга охраняемых общественных отношений и глубине проработки соответствующих уголовно-правовых запретов выгодно отличается от аналогичных разделов уголовных кодексов не только стран социализма (КНДР, Вьетнам), но и экономически развитых стран АТР (Япония, Республика Корея). Парадоксально, но факт: многие аспекты уголовно-правовой борьбы с преступлениями в сфере экономической деятельности в УК Китая регламентированы гораздо более всесторонне и детально, чем это сделано в уголовном законодательстве ряда ведущих экономических держав мира. Особого внимания законодателей других зарубежных государств (в том числе российского) заслуживает опыт установления в уголовном законе Китая и применения на практике института уголовной ответственности юридических лиц за совершение целого ряда преступлений.

Было бы, однако, несправедливо не отметить сохранившуюся до сих пор чрезмерную политизированность отдельных норм, неоправданную жёсткость санкций, наличие дублирующих одна другую статей, затрудняющих процесс квалификации и создающих проблемы для правоприменителей при разграничении ими смежных составов преступлений. Можно обратить внимание и на некоторые

издержки законодательной техники, выразившиеся, в частности, в чрезмерной казуистичности при конструировании ряда норм.

Однако даже последний недостаток может быть признан извинительным, поскольку УК Китая 1997 г. представляет собой, скорее всего, нечто вроде «закона промежуточного действия», рассчитанного исключительно на период проведения реформ. По окончании этого периода он, вероятно, будет заменён на новый, гораздо более совершенный. Если это так, то нынешние нормы Особенной части УК призваны сыграть роль своеобразного «полигона», на котором будут отработаны оптимальные модели будущего законодательства Китая.

Как уже говорилось, поправками № 11, принятыми 26 декабря 2020 г., внесён ряд изменений в Особенную часть УК Китая. В целом суброгации и дополнениям подверглись:

1) нормы о преступлениях, составы которых в качестве потерпевших предусматривают несовершеннолетнее лицо (например, усилено наказание за изнасилование малолетней в возрасте до 10 лет; криминализовано совершение лицом полового сношения с девушкой-подростком, находящейся в зависимости от виновного; признаны преступными публичные развратные действия и др.);

2) нормы о посягательствах против общественной безопасности и безопасности производства (например, введена ответственность за сбрасывание предметов с высоты, за действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств; ряд статей дополнен квалифицирующими признаками);

3) нормы о преступлениях, нарушающих финансовый порядок (например, преступными признаны организация и склонение акционером, фактическим владельцем акций к мошенничеству при выпуске акций и облигаций; разглашение важной информации фактическим владельцем акций в нарушение установленных требований и др.);

4) нормы о преступлениях в сфере пищевых и лекарственных средств (например, криминализовано незаконное предоставление поддельных или некачественных лекарств);

5) нормы о преступлениях, нарушающих права интеллектуальной собственности (в большей степени затронуты санкции соответствующих статей и внесены редакционные уточнения);

6) нормы о преступлениях, препятствующих профилактике и лечению инфекционных заболеваний, борьбе с эпидемиями, а также посягающих на генетическую безопасность человечества (например, предусмотрена уголовная ответственность за незаконное изменение человеческих геномов, клонирование эмбрионов и др.);

7) нормы о преступлениях против природной среды (например, криминализованы предоставление ложных сведений о состоянии окружающей среды, разрешение национальных парков и национальных заповедников и др.).

Поправками № 11 внесены и другие изменения и дополнения в нормы Особенной части УК Китая, направленные на совершенствование уголовно-правового регулирования ответственности за деяния, обусловленные современными потребностями китайского общества.

Список источников

1. Чучаев А. И., Коробеев А. И. Уголовный кодекс Китая: сплав правовой мысли и национальной специфики. Ч. I // *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. 2022. Т. 24, № 2. 119–133.
2. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под ред. А. И. Чучаева, А. И. Коробеева; пер. с кит. проф. Хуан Даосю. 2-е изд. М. : ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2021. 312 с.
3. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики // КНР. Конституция и законодательные акты / пер. с кит. М. : Прогресс, 1984.
4. Ахметшин Х. М., Ахметшин Н. Х., Петухов А. А. Современное уголовное законодательство КНР. М., 2000. 428 с.

References

1. Chuchaev A. I., Korobeev A. I. The Criminal Code of China: an alloy of legal thought and national specifics. Part I. *Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo = Pacific RIM: Economics, Politics, Law*, 2022, vol. 24, no. 2. 119–133. (In Russ.).
2. Chuchaev A. I., Korobeev A. I. (eds.); Huang Daoxu (transl. from Chinese). Criminal Code of the People's Republic of China. 2nd ed. Moscow: Legal Firm Contract LLC, 2021. 312 p. (In Russ.).
3. The Criminal Code of the People's Republic of China // PRC. Constitution and legislative acts / transl. from Chinese. M., 1984.
4. Akhmetshin H. M., Akhmetshin N. Kh., Petukhov A. A. Modern criminal legislation of the PRC. Moscow, 2000. 428 p. (In Russ.).

Информация об авторах

А. И. Чучаев – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия.

А. И. Коробеев – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Information about authors

A. I. Chuchaev – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

A. I. Korebeev – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.